

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

e-ISSN 1816-8590

DOI 10.22394/1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2020. № 5(137)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2020
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons
Attribution 4.0 License

Главный редактор: Шамахов В. А. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург), председатель Редакционного совета;

Заместитель главного редактора: Мерешкин Д. Е. — кандидат юридических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского Общества Политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук, начальник департамента Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами (Москва)

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Балашов А. И. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфвич Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кулина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Москва);

Полякова Т. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Теребнёв Л. В. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council

Deputy Chief Editor: Mereshkin D. E. — PhD in Jurisprudence, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences, Head of the Department of the Presidential Directorate for Inter-regional Relations and Cultural Contacts with Foreign Countries (Moscow)

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — PhD in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Balashov A. I. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (Moscow);

Polyakova T. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Terebnev L. V. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Halín V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 8 Федерализм и вирус. Какими возможностями обладает российская модель государства в чрезвычайных ситуациях?**

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 10 ЕРЁМИНА Н. В., МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А.**
Особенности финансово-экономического развития в период коронавируса: опыт стран Прибалтики как участников Европейского союза
- 19 АМУРОВ М. А.**
Типология современных политических элит
- 29 ШАЛАШОВА О. Н.**
Государственно-управленческое проектирование развития партийной и избирательной систем в Российской Федерации

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 42 ХАЛИН В. Г., ЧЕРНОВА Г. В., ПРОКОПЬЕВА Л. В.**
Диспропорции развития региональных страховых рынков и управление ими
- 60 НОВИКОВА И. В., ЯО ЛИ**
Стратегическое сотрудничество Китая с Россией в области развития трудовых ресурсов
- 68 БОРКОВА Е. А.**
Политика стимулирования зеленого инвестирования как направление регулирования рынка зеленого финансирования
- 77 ЖИРЯЕВА Е. В., МОХАММАД И.**
Анализ инвестиционной политики Афганистана

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 95 МЕЖЕВИЧ Н. М.**
К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик
- 102 БАЙЕР Ю. П., КРИВОБОКОВ Ю. В., ГАВРИЛОВ М. В., ВАСИЛЬЕВА В. А.**
Культура разрешения организационных конфликтов и ее влияние на удержание сотрудников: исследование российских компаний
- 116 КИСЛЯКОВ А. Н., ПОЛЯКОВ С. В.**
Иерархические методы кластеризации в задаче поиска аномальных наблюдений на основе групп с нарушенной симметрией
- 128 ХВОРОСТЯНАЯ А. С., АЛИМУРАДОВ М. К.**
Ценность участия акторов процесса трансфера технологий: стратегический вектор
- 138 КУГАЙ А. И.**
Религиозные основания власти в современном обществе

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 149 ГРИДНЕВ В. П.**
Организаторская деятельность органов управления
по строительству железной дороги Старый Оскол — Ржава
на Курской дуге

A LINEA

- 154 КУЦЕНКО Д. О.**
Анализ политико-правовых моделей организации
местного самоуправления
- 166 КУЧЕРЕНКО Д. В.**
Модель оптимального планирования состава работ
по развитию государственных информационных систем
в условиях многокритериальности и неопределенности

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 176 ФИЛАТОВА О. Г., ВОЛКОВСКИЙ Д. В.**
Результаты анализа интернет-дискуссий о повышении
пенсионного возраста в России

EDITOR'S COLUMN

- 8 From the Chief Editor. Federalism and Virus. What Are the Capabilities of the Russian Model of the State In Emergency Situations?**

POLICY AND LAWFUL STATE

- 10 NATALIA V. EREMINA, NIKOLAY M. MEZHEVICH, VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Features of Financial and Economic Development in the Period of Coronavirus: Experience of the Baltic States as Members of the European Union
- 19 MARK A. AMUROV**
The Classification of Contemporary Political Elites
- 29 OLGA N. SHALASHOVA**
Public Engineering of Party and Electoral Systems Development in the Russian Federation

POWER AND ECONOMY

- 42 VLADIMIR G. KHALIN, GALINA V. CHERNOVA, EVGENIA L. PROKOPJEVA**
Disproportions and Development of Regional Insurance Markets and Managing Them
- 60 IRINA V. NOVIKOVA, YAO LI**
China-Russia Strategic Cooperation in Labour Development
- 68 ELENA A. BORKOVA**
Green Investment Promotion Policies as a Regulatory Direction for the Green Finance Market
- 77 ELENA V. ZHIRYAEVA, IMRAN MOHAMMAD**
Afghanistan Investment Policy Analysis

SOCIETY AND REFORMS

- 95 NIKOLAY M. MEZHEVICH**
On the Issue of Verification of the Concept of "Path Dependence" for the Former Soviet Union in the Light of Thirty Years of Intuitive Practices
- 102 JULIA P. BAYER, JURIY V. KRIVOBOKOV, MAKSIM V. GAVRILOV, VALERIA A. VASILYEVA**
The Culture of Conflict Resolution and its Influence on Employee Retention: A Study of Russian Companies
- 116 ALEKSEY N. KISLYAKOV, SERGEY V. POLYAKOV**
Hierarchical clustering methods in a task to find abnormal observations based on groups with broken symmetry
- 128 ANNA S. KHVOROSTYANAYA, MURAD K. ALIMURADOV**
The Value of the Participation of Actors in the Technology Transfer Process: a Strategic Vector
- 138 ALEXANDER I. KUGAY**
Religious Foundations of Power in Modern Society

HISTORY AND CULTURE

- 149 VALERY P. GRIDNEV**
Organizational Activities of the Governing Bodies on the Construction
of the Railway Lines Sary Oskol — Rzhava on the Kursk Arc

A LINEA

- 154 DARIYA O. KUTSENKO**
Analysis of Political and Legal Models of Local Self-Government
- 166 DMITRY V. KUCHERENKO**
Model of Optimal Planning of Development of State Information Systems
in the Face of Multicriteria and Uncertainty

ACADEMIC LIFE

- 176 OLGA G. FILATOVA, DANIIL V. VOLKOVSKY**
Results of Analysis of Internet Discussions
on Raising the Retirement Age in Russia

Федерализм и вирус. Какими возможностями обладает российская модель государства в чрезвычайных ситуациях?

Federalism and virus. What are the capabilities of the Russian model of the state in emergency situations?

События весны 2020 года вызвали в Швейцарии новый интерес к концепции и практике федерализма. Появились газетные заголовки, вызывающие в России улыбку: «Пора обеспечить возвращение к федерализму. Кантоны должны иметь больше свободы действий в определении того, как они должны реагировать на кризис». Российская улыбка понятна. Швейцарский федерализм (разговоры про конфедерацию оставим студентам-двоечникам) рассматривается во всем мире как эталонный.

Май 2020 года прошел в информационном пространстве страны в тех же приоритетах, что и предшествующий апрель — экономический и эпидемиологический кризис. Вместе с тем, новым моментом является то, что в политических экспертных кругах активизировалась дискуссия о российском федерализме. Произошедшее представляется

закономерным. Дискурс российского федерализма всегда актуализируется в проблемные периоды развития. Период пандемии иногда называют эпохой возвращения принципов федерализма в российскую политику — думается, это преувеличение.

Президент России В. Путин не просто напомнил об ответственности губернаторов, но и подписал Указ «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения»¹. В документе отмечено, что высшие должностные лица субъектов Российской Федерации должны обеспечить: определение территорий, на которых может быть продлено действие ограничительных мер, приостановление деятельности организаций, установление особого порядка передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки.

Возвращаясь в недавнее прошлое, вспомним, что ситуация, при которой руководители субъектов Федерации по ключевым и не ключевым вопросам принимали

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.05.2020 № 316 «Об определении порядка продления действия мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в субъектах Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005110002>

решения после формальных и неформальных консультаций в Москве, была совсем недавно — в первом квартале 2020 года. Такая модель оказалась устойчивой потому, что, по большому счету, устраивала и Москву, и регионы. Однако конец апреля и май — это время, когда решениями Президента и Правительства субъекты Федерации стали вынуждены брать ответственность на себя. Дальнейшее оказалось очень интересным. Руководители регионов, преуспевших в дипломатическом искусстве в Москве, далеко не всегда оказались эффективными менеджерами в условиях эпидемиологического кризиса.

Произошла частичная потеря управления. Эти события следует расценивать как некоторые свидетельства того, что тенденции унитаризма в России достигли своего вероятного максимума, и предел управленческой эффективности и с использованием «кну́та», и с использованием «пря́ника» достигнут. Тестирование новых губернаторов, вероятно, будет включать в себя не только прыжки с парашютом, но и то, что в подводном флоте России называется «сдать на самостоятельное управление боевой частью», причем в условиях совсем не учебной тревоги.

Следует также указать на принципиальные отличия текущей ситуации от губернаторской «махновщины» из 90-х. В настоящее время полномочия передаются вместе с ответственностью, а от контрольных полномочий Центр не отказывается. Совсем не отказывается.

*Директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
профессор В. А. Шамахов*

Особенности финансово-экономического развития в период коронавируса: опыт стран Прибалтики как участников Европейского союза

Ерёмина Н. В.¹, Межевич Н. М.², Шамахов В. А.^{3, *}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Институт Европы Российской Академии Наук, Москва, Российская Федерация

³ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhovva@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Сочетание двух видов кризиса, эпидемиологического и экономического, создает принципиально новую и сложную ситуацию для европейской интеграции. Авторы не разделяют точку зрения, предполагающую качественное ослабление или даже полный распад Европейского союза. Однако происходящие процессы свидетельствуют о не рядовом характере проблем. В этих условиях обостряются противоречия не только между Севером и Югом, о чем много пишется в последнее время, но и между Западом и Востоком ЕС. Именно к этому «Востоку» относятся государства Прибалтики, остро нуждающиеся в финансовых ресурсах именно сейчас.

Ключевые слова: европейская интеграция, страны Прибалтики, Европейский союз, экономический кризис, перераспределение ресурсов, коронавирус

Для цитирования: Ерёмина Н. В., Межевич Н. М., Шамахов В. А. Особенности финансово-экономического развития в период коронавируса: опыт стран Прибалтики как участников Европейского союза // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 10–18.

Features of Financial and Economic Development in the Period of Coronavirus: Experience of the Baltic States as Members of the European Union

Natalia V. Eremina¹, Nikolay M. Mezhevich², Vladimir A. Shamakhov^{3, *}

¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

² Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation

³ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *shamakhovva@ranepa.ru

ABSTRACT

The combination of two types of crisis: epidemiological and economic creates a fundamentally new and difficult situation for European integration. The authors do not share a view suggesting a qualitative weakening or even a complete disintegration of the European Union. However, the processes taking place are not indicative of the ordinary nature of the problems. In these circumstances, contradictions are escalating not only between North and South, which has been much written about recently, but also between West and East of the EU. "East" includes the Baltic states in dire need of financial resources right now.

Keywords: European integration, Baltic states, European Union, economic crisis, redistribution of resources, coronavirus

For citing: Eremina N. V., Mezhevich N. M., Shamakhov V. A. Features of Financial and Economic Development in the Period of Coronavirus: Experience of the Baltic States as Members of the European Union // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 10–18.

Амбициозные проекты европейской интеграции характеризуются не только блестящими победами, но и уже очевидными поражениями. Еще в конце 2019 г. Жак Сипир отмечал: «неуверенность и недоверие, унаследованные от краха 2008–2009 гг., так никуда и не делись. Финансовые рынки постоянно озираются по сторонам в поисках признаков надвигающегося нового кризиса. В их озабоченности и недоверии отражается то обстоятельство, что финансовая деятельность, которая во все большей степени отрывается от “реальной” экономики, становится все менее и менее легитимной»¹. Сказанное подтверждает то, что объективные проблемы Европы существовали безотносительно к коронавирусу. Список этих проблем известен давно: «явные евроскептические тенденции, квинтэссенцией которых стал брекзит, рост авторитаризма и антимиграционных настроений в ряде стран, для которых однозначным приоритетом сегодня является национальный, а не европейский суверенитет» [2, с. 7].

Коронавирус стал новым фактором в вопросах финансирования государственных расходов, поскольку потребовал масштабной поддержки как бизнеса, так и граждан, причем одновременно. Его также можно рассматривать как проверку систем финансовой солидарности стран-членов. В Брюсселе осознают необходимость отдельной программы финансирования. Поэтому министры финансов ЕС договорились о выделении 540 млрд евро для европейских стран, в наибольшей степени пострадавших от эпидемии коронавируса. Данные ресурсы направлены не просто на оказание помощи государствам, пострадавшим от пандемии коронавируса, но, прежде всего, на поддержку компаний и защиту рабочих мест. Переговоры оказались сложными, так как Италия и Испания приложили максимум усилий для переориентации многих финансовых программ, с которыми не были согласны в Германии, Австрии и Нидерландах. Камень преткновения — это условия получения государствами выплат по новым программам. Еврокомиссар по экономике Паоло Джентилони описал соглашение как «пакет беспрецедентных размеров для поддержки системы здравоохранения, резервных фондов, ликвидности бизнеса и фонда для мер возрождения национальных экономик»².

Предложенный пакет мер стимулирования экономики состоит из трех элементов: выделение кредитов в размере до 240 млрд евро из Фонда поддержки еврозоны и использование Европейского механизма стабилизации для зоны евро; формирование гарантийного фонда в рамках Европейского инвестиционного банка (ЕИБ) для поддержки ликвидности предприятий в размере 200 млрд евро; учреждение фонда в 100 млрд евро на программу ЕС по выплате заработной платы работникам, которые в иных обстоятельствах были бы уволены³.

В рамках Еврокомиссии была создана временная структура поддержки стран-членов в условиях коронавируса. Она разработала пять видов поддержки, на основании которых страны могут запрашивать финансирование.

1. Прямые гранты, избирательные налоговые льготы и авансовые платежи: государства-члены смогут разработать схемы предоставления компании до 800 000 евро для удовлетворения ее срочных потребностей в ликвидности.
2. Государственные гарантии по банковским кредитам: государства-члены смогут предоставлять государственные гарантии, чтобы банки продолжали кредитовать клиентов. Государственные гарантии могут покрывать ссуды, чтобы помочь предприятиям обеспечить текущие потребности в оборотном капитале и инвестициях.

¹ Сипир Ж. Ждать ли нового финансового кризиса? [Электронный ресурс]. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zhdai-li-novogo-finansovogo-krizisa/?sphrase_id=74414.

² EU finance ministers reach agreement on EUR 500 billion coronavirus rescue deal [Электронный ресурс]. URL: https://www.baltictimes.com/eu_finance_ministers_reach_agreement_on_eur_500_billion_coronavirus_rescue_deal/ (дата обращения: 27.04.2020).

³ Там же.

3. Государственные займы компаниям: государства-члены смогут предоставлять займы компаниям с выгодными процентными ставками. Эти кредиты могут помочь предприятиям покрыть текущие потребности в оборотном капитале и инвестициях.
4. Меры поддержки банков, которые направляют государственную помощь в реальную экономику: некоторые государства-члены планируют использовать существующие кредитные возможности банков, а также субсидировать малые и средние компании. Такая помощь рассматривается как прямая поддержка клиентов банков, а не самих банков.
5. Краткосрочное страхование внешних кредитов. Это сделает государственное страхование краткосрочных внешних кредитов более доступным¹.

Данные положения будут действовать до конца декабря 2020 г. В дальнейшем Комиссия ЕС проведет оценку необходимости продления указанных мер.

Помимо указанных мер, 13 марта Еврокомиссия также изложила свое видение механизмов смягчения социально-экономических последствий вспышки коронавируса в соответствии с правилами оказания помощи государствам ЕС. Среди них такие: государства-члены могут вносить изменения в налоговой сфере в пользу предприятий (например, отсрочка налогов или субсидирование краткосрочной работы во всех секторах); они также могут предоставить компенсацию компаниям за ущерб, вызванный вспышкой коронавируса².

Большая часть ликвидности в ЕС будет направлена избранным странам. Во-первых, Испании, которая получит от ЕС 4 млрд евро на борьбу с распространением коронавируса, Италии — в размере 2,3 млрд евро. Во-вторых, Польше, которой предоставлена самая большая субсидия в размере более 7 млрд евро, так как Польша всегда была крупнейшим получателем поддержки по линии структурных фондов. Средства на борьбу с коронавирусом высвобождаются из структурных фондов, из программ, которые не были реализованы. Более того, они направляются не столько как средства ЕС, сколько как средства, выделяемые как софинансирование, осуществляемое совместно со странами-членами. В-третьих, довольно большие средства будут направлены Венгрии (5,6 млрд евро) и Румынии (3 млрд евро)³.

Согласно предложению Европейской комиссии, деньги могут быть направлены в приоритетные области, включая:

- обеспечение функционирования системы здравоохранения государства-члена, включая приобретение защитных средств, тестов и оборудования, решений для электронного здравоохранения и т. д.;
- поддержание корпоративной ликвидности и решение проблемы краткосрочной несостоятельности, особенно в наиболее пострадавших секторах экономики;
- различные меры по защите доходов и рабочих мест населения.

Кроме того, Европейская комиссия применяет максимальную гибкость в своих правилах государственной помощи и бюджетного баланса, что помогает странам лучше осуществлять меры по оказанию помощи.

ЕС также облегчает предоставление займов частному сектору из Гарантийного фонда Европейской комиссии в качестве дополнительной меры: «С этой целью было предложено ускорить мобилизацию кредитов и поручительств через Евро-

¹ State aid: Commission approves €1.75 billion Estonian schemes to support economy in coronavirus outbreak [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_559 (дата обращения: 27.04.2020).

² Там же.

³ Из фонда Европейского союза в 37 млрд евро в поддержку борьбы с коронавирусом Польша получит наибольшую сумму — 7,4 млрд евро, — следует из документов Европейской комиссии, сообщает Польское радио [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kurier.lt/polsha-poluchit-74-mlrd-evro-iz-fonda-es-na-borbu-s-koronavirusom/> (дата обращения: 17.04.2020).

пейский инвестиционный фонд (ЕИФ — агентство ЕС по предоставлению финансирования МСП) для предприятий, прежде всего малых и средних предприятий»¹.

Очевидно, что все страны ЕС серьезно заинтересованы в финансовой поддержке со стороны ЕС, не пострадавших в современной Европе стран — нет. Однако определение объемов этой помощи по состоянию на середину мая 2020 г. продолжается.

Вторая проблема — формы оказания помощи. Евробонды — это долговые обязательства, выпущенные государствами (минфинами) или компаниями на рынок. Для государств основные цели эмиссий — уменьшение дефицита бюджета, вложение в стратегические проекты, направленные на инфраструктурное развитие, индустриализацию. Принципиально важен вопрос о совместных государственных облигациях (бондах) стран европейского валютного союза (еврозоны). Такие долговые бумаги в СМИ и экспертных комментариях начали называть «коронабондами», однако вопрос о подобном экономическом инструменте возник достаточно давно. Вопрос, который кажется экономическим, является политическим и де-факто системным для Европейского союза. Это спор не только об отношениях «Севера» и «Юга», но и об отношениях «Запада» и «Востока», об общеевропейских облигациях носит принципиальный характер — и имеет потенциал реально подорвать единство Евросоюза.

«Идея совместных еврооблигаций в Евросоюзе не совершенно нова, но удар по экономике в связи с пандемией вынуждает оценить ее заново»². Действительно, принцип общих еврооблигаций, выпускаемых несколькими государствами, а не одним отдельным государством, обсуждалась Еврокомиссией еще в 2011 г., однако предпочтительней показались традиционные инструменты экономического регулирования.

К созданию совместного фонда для борьбы с экономическими последствиями эпидемии коронавируса призывают Германию многие формальные и неформальные лидеры Еврокомиссии, особенно представляющие интересы «Юга» и «Востока». Одним из методов такой борьбы является выпуск долгосрочных облигаций — так называемых «коронабондов». Закономерно то, что особая ставка делается на богатые северные страны, такие как Германия, Австрия и Нидерланды. Используется термин «бережливая четверка» — Германия, Нидерланды, Австрия, Финляндия — объединяющая страны, считающие, что общий долговой инструмент сократит возможности стран, проводящих более консервативную финансовую политику. Для акцепторов помощи, по мнению «бережливой четверки», новые меры будут стимулировать дополнительные ошибки в фискальном управлении. В результате «несмотря на отчаянное положение дел в Италии и Испании и призывы Рима, Мадрида и других национальных столиц к финансовой помощи со стороны ЕС, идея «коронабондов» («общеевропейские бонды социальной стабильности») заблокирована Германией и Нидерландами» [1, с. 6].

Девятого апреля лидеры Евросоюза утвердили экстренную программу перезапуска экономики на 540 млрд евро из-за пандемии коронавируса, заявил глава Евросовета Шарль Мишель на пресс-конференции по итогам очередного саммита ЕС. По его словам, механизм будет запущен 1 июня³. Программа помощи должна объединить предложенные ранее институтами ЕС меры и схемы оказания помощи

¹ Estonia to get €295 million from EU to combat coronavirus [Электронный ресурс]. URL: <https://news.err.ee/1064696/estonia-to-get-295-million-from-eu-to-combat-coronavirus> (дата обращения: 19.04.2020).

² Президент Литвы поддерживает еврооблигации коронавируса [Электронный ресурс]. URL: <https://www.obzor.lt/news/n58525.html> 19.03.2020.

³ EU Finance Chiefs Agree on \$590 Billion Virus Rescue Package [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-04-09/eu-finance-chiefs-agree-on-590-billion-virus-rescue-package> 9.04.2020.

различным сферам экономики сообщества, однако вопросы вызывает и сумма и, особенно, распределение ее по странам.

Государства Прибалтики заинтересованы в максимализации получаемых средств. «Чтобы мы могли заниматься стоящими перед нами вызовами, MFF (бюджет Европейского союза) должен быть больше, чем та программа, которую мы обсуждали в феврале», говорится в обращении премьер-министра Эстонии Юри Ратаса, премьер-министра Латвии Кришьяниса Кариньша и президента Литвы Гитанаса Науседы к президенту Еврокомиссии Урсуле фон дер Ляйен и главе Европейского совета Шарлю Мишелю¹. Укажем на то, что дотации Брюсселя воспринимаются как норма в Эстонии, Латвии, Литве.

Страны Прибалтики до сих пор входят в число стран Евросоюза, напрямую зависящих от его финансовой поддержки. Отчетливо об этом говорят официальные данные ЕС. Например, с 2014 г. по 2020 г. эстонский бюджет рассчитывал получить сумму 5,89 млрд евро, при взносе в бюджет ЕС примерно 1,4 млрд.

В целом благодаря трем национальным и региональным программам Латвия получила от ЕС 5,63 млрд евро за период 2014–2020 гг., в то время как внесла в коммунитарный бюджет взнос в размере 1,27 млрд евро.

Из региональных фондов Литва получит на период с 2014 г. по 2020 г. 8,4 млрд евро. При этом взнос Литвы в коммунитарный бюджет составил 1,56 млрд евро².

* * *

Рассмотрим более подробно вопросы помощи государствам Прибалтики на примере поддержки Эстонии. 19 марта Европейская комиссия утвердила две схемы поддержки экономики Эстонии. Стране предоставлено 1,75 млрд евро, направляемых на кредиты предприятиям по выгодным условиям, а также обеспечение государственных гарантий под выделяемые кредиты. Эстония распределила эти средства на два фонда. Первый фонд открыт для поддержки всех компаний, кроме сельскохозяйственных, табачных и тех, что занимаются генетическими модификациями. Второй фонд администрирует финансирование сельских районов Эстонии на территории всей страны.

Помимо этих финансов Эстония дополнительно может получить около 300 млн евро из Европейского Союза на борьбу с коронавирусом. Данные ресурсы появляются в результате высвобождения ликвидности из неиспользованных средств структурных фондов и бюджета ЕС.

В обычных обстоятельствах эти ресурсы были бы аккумулированы Комиссией, однако в чрезвычайных обстоятельствах они будут выделены Эстонии для финансирования мер, связанных с борьбой с коронавирусом. Более того, Еврокомиссия временно разрешает рассматривать эту сумму как национальное софинансирование, а не как исключительно средства ЕС. Это технически играет на пользу Эстонии, которая в следующем многолетнем бюджете на 2021–2027 гг. столкнется со значительным увеличением доли софинансирования — суммы, которую страна должна вложить в проекты, финансируемые ЕС³.

«Европейская комиссия одобрила две программы государственной помощи, разработанные в Эстонии для смягчения последствий вызванного коронавирусом COVID-19 экономического кризиса. Первую программу антикризисных мер, пред-

¹ Балтийские страны призывают ЕС увеличить бюджет [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.err.ee/1088030/baltijskie-strany-prizyvajut-es-uvclchit-bjudzhet> (дата обращения: 10.05.2020).

² Расчеты сделаны на основе данных национальной статистики и Евростата и опубликованы в [4].

³ Estonia to get €295 million from EU to combat coronavirus [Электронный ресурс]. URL: <https://news.err.ee/1064696/estonia-to-get-295-million-from-eu-to-combat-coronavirus>

ставленную Эстонией на утверждение Еврокомиссии, будет реализовывать фонд KredEx, а вторую — Фонд развития сельских районов (MES). Первая программа доступна для большинства предприятий, за исключением компаний в секторе сельского хозяйства, табачной промышленности и ряда других секторов, а второй могут воспользоваться все эстонские предприятия»¹.

Схожие меры принимаются и в Латвии. Финансы будут направлены на предоставление государственных займов и гарантии государства в обеспечении банковских кредитов для латвийских предприятий. Правительство Латвии полагает, что эта поддержка облегчит доступ к внешнему финансированию для тех компаний, которые наиболее серьезно пострадали от воздействия вспышки коронавируса².

Опираясь на свои ресурсы и поддержку ЕС, в Латвии представили законопроект об угрозах государству и предотвращении последствий коронавируса COVID-19. В законопроекте упоминается, как Кабинет министров определяет отрасли, в которых возникли чрезвычайные расходы в связи с распространением COVID-19, механизмы их поддержки. Правительство разработало список отраслей, пострадавших от кризиса. В нем упоминается, что налогоплательщики из отраслей, затронутых кризисом, имеют право подавать заявки на налоговые каникулы. Что касается гарантий, в условиях указывается, что в программе предусмотрена возможность предоставления поддержки в размере до 100 млн евро на каждые 10–15 млн евро покрытия рисков. Малый и средний бизнес, крупные компании и те, кто столкнулся с трудностями до кризиса COVID-19, также получили право на поддержку. Гарантии предоставлялись по действующим обязательствам (инвестиционные кредиты, финансовый лизинг)³.

Условия получения кредитов в кризисных ситуациях предусматривают в Латвии поддержку малых, средних и крупных компаний, которые не столкнулись с финансовыми трудностями до кризиса COVID-19. Максимально допустимая сумма составляет 1 млн евро с максимальным сроком погашения до трех лет. В законопроекте также упоминается, что для выделения кредита будет сниженная и субсидированная ставка, сообщает министерство. В период с 1 апреля 2020 г. по 31 декабря 2020 г. политика возврата НДС также будет регулироваться этим законом. В трехлетний период (2021–2023) Служба государственных доходов (VID) уполномочена не принимать никаких отрицательных решений в отношении предприятий, затронутых кризисом.

Отдельные меры принимаются для поддержки рабочих мест. Так, если работодатели, работающие в отраслях, затронутых кризисом, не нанимают работников, или если компания не работает, закон предусматривает, что Кабинет министров должен компенсировать заработную плату неработающим работникам до 75% от заработной платы, установленной Законом о труде, но не более 700 евро за календарный месяц⁴.

Теоретически в Латвии на меры борьбы с коронавирусным кризисом доступно до 4 млрд евро, сообщил министр финансов Латвии Янис Рейрс. Он отметил, что остаток наличности в Государственной кассе составляет 2,6 млрд евро, еще 1,5 млрд евро зарезервированы для Латвии по разным договорам с европейскими финансовыми

¹ Еврокомиссия одобрила две программы госпомощи Эстонии [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.postimees.ee/6937624/evrokomissiya-odobrila-dve-programmy-gospomoshchi-estonii> (дата обращения: 31.03.2020).

² State aid: Commission approves state support for €250 million Latvian subsidised loan scheme and loan guarantee scheme for companies affected by coronavirus outbreak [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_508.

³ Latvian government compiles all support measures for Covid-19-related damages in one law [Электронный ресурс]. URL: <https://bnn-news.com/latvian-government-compiles-all-support-measures-for-covid-19-related-damages-in-one-law-211551>.

⁴ Там же.

учреждениями. «По сравнению с другими странами, где поддержка исчисляется десятками миллиардов евро, это мало. Сумма наличности составляет 8,7% от ВВП или 26% от госбюджета. Эта сумма внушительная, и мы входим в топ стран Евросоюза, которые сразу применили инструменты поддержки»¹. Однако на смягчение последствий коронавирусного кризиса в сельском хозяйстве будет выделено всего 45,5 млн евро. Об этом договорилась возглавляемая министром финансов Янисом Рейрсом рабочая группа по поддержке бизнеса и работников². Иными словами, министр фактически определил почти все средства госбюджета как потенциально «кризисные», что не соответствует реальным возможностям страны. Реальных программ помощи населению и бизнесу озвучено очень мало, финансируется еще меньше.

Аналогичным образом ситуация развивается в Литве. Литва с учетом требований Комиссии ЕС сформировала два плана по распределению выделяемых средств: 1) поддержка малых и средних предприятий через субсидии; 2) государственные гарантии всех видов банковских займов, включая внешние³.

Эти ресурсы вошли в общий план поддержки экономики страны в размере 2 млрд евро. Предполагается, что часть этих средств будет направлена на поддержку 32 тыс. предприятий и налоговые льготы⁴.

При этом Министерство финансов заявило, что в 2020 г. экономика страны, невзирая на меры поддержки, может сократиться на 1,3–2,8%⁵. Хотя правительство стремится показать, что ситуация не так плачевна и страна даже может оказывать поддержку другим. Впрочем, последнее относится не только к Литве, но и к Латвии и Эстонии.

Коронавирус наносит удар по всем экономикам. Более того, в силу их взаимосвязанности последствия эпидемии коснутся всех. Однако наибольший ущерб будет нанесен слабым экономикам, где зависимость сочетается с отсутствием резервов и геоэкономическими амбициями. Именно к этой группе относятся страны Прибалтики. Впрочем, амбиции наших соседей изначально сочетались с политикой максимизации доходов по всем направлениям региональной политики ЕС. «Премьер-министр Польши и президенты Литвы и Эстонии так же решительно возражают против сокращения финансирования политики сплочения и общую сельскохозяйственную политику, требуя сохранения прямых выплат фермерам» [3, с. 31]. Укажем и на то, что такие требования встречают поддержку в национальном экспертном сообществе. Профессор экономики из Эстонии Х. Барабанер справедливо отмечает: «Нужна программа повышения эффективности сельского хозяйства. Когда-то оно было одним из лучших в Европе и мире, сегодня мы эти преимущества потеряли. Чтобы Эстония по молоку и мясу была получателем продуктов откуда-то — это даже не анекдот, это хуже»⁶.

¹ Министр финансов Латвии: стране хватит средств на поддержку экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://bnn-news.ru/ministr-finansov-latvii-strane-hvatit-sredstv-na-podderzhku-ekonomiki-230957> (дата обращения: 08.04.2020).

² Латвия выделит на поддержку сельского хозяйства 45,5 млн евро [Электронный ресурс]. URL: <https://bnn-news.ru/latviya-vydelit-na-podderzhku-selskogo-hozyajstva-45-5-mln-evro-231035> (дата обращения: 08.04.2020).

³ State aid: Commission approves €150 million Lithuanian schemes to support economy in coronavirus outbreak [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_644 (дата обращения: 10.05.2020).

⁴ Lithuanian government to extend €2bn aid package to 'responsible businesses' [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrt.lt/en/news-in-english/19/1154639/lithuanian-government-to-extend-eur2bn-aid-package-to-responsible-businesses> 2020.03.24.

⁵ Там же.

⁶ Экономист: «В кризис, принимая тактические меры, нельзя утрачивать стратегический взгляд» [Электронный ресурс]. URL: http://www.inforing.net/publications/infopress/vabariigineys.php?ELEMENT_ID=45090 (дата обращения: 08.04.2020).

Единая сельскохозяйственная политика — важная часть европейской экономической политики, что не отрицает значимость других направлений деятельности Союза. Прежде всего, речь идет о политике занятости. Объективно именно политика занятости требует первоочередного реагирования в условиях пандемии и ее преодоления. Ситуация в странах Прибалтики прямо указывает на это. К примеру, число зарегистрированных безработных в Эстонии превысило границу 40 000¹. Это примерно то же самое, что 4 000 000 безработных для России. В апреле число безработных в Литве увеличилось на 4415 человек. «Неблагополучные сценарии говорят — на момент выхода Литвы из объятий пандемии работу потеряют 20% трудоустроенных»².

Уровень зарегистрированной безработицы в Латвии достиг 8,2% экономически активного населения, сообщила директор Государственного агентства занятости (ГАЗ) Эвита Симсоне в начале мая 2020 г.³

Последнее замечание. Не следует трактовать как указание на исключительность ситуации прибалтийских стран. Скорее следует отметить то, что проблемы рынка труда присутствуют во всех странах Европы, это обстоятельство создает конкуренцию за финансовые ресурсы, распределяемые как в стандартных, так и текущих чрезвычайных обстоятельствах.

Укажем на то, что многие иные европейские проблемы становятся общими и типичными для всех стран. О. В. Буторина, член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института Европы РАН отмечает: «Практически закрылась отрасль туризма. От нее страны Европейского союза зависят очень по-разному. В Испании туризм дает до 20% ВВП, и это колоссальная сумма»⁴. Однако и в странах Прибалтики эта величина существенна. Склонность к гипертрофированному развитию сферы услуг, считавшаяся признаком прогресса, в текущих условиях становится проблемой.

Подведем итоги.

С одной стороны: «Анализ поведения европейской дипломатии позволяет сделать следующий вывод: фактор COVID-19 пока существенно не повлиял ни на содержание и основные линии внешней политики ЕС, ни на механизмы ее осуществления» [5, с. 17]. С другой стороны, фактор COVID-19 с некоторым опозданием повлиял на экономику и систему принятия управленческих решений. Без демонстрации особой увлеченности система принятия управленческих решений в Евросоюзе начинает меняться. Причем речь идет об изменениях в самой главной сфере — распределения и перераспределения финансовых ресурсов. Какие это будут изменения, как будет выглядеть управление, пока сказать сложно. Однако эти изменения требуют нашего постоянного внимания, т. к. эффективность управления финансов не идеальна и в России.

Литература

1. Громыко Ал. А. Коронавирус как фактор мировой политики // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 4–13.

¹ Все больше: в Эстонии уже более 40 000 безработных [Электронный ресурс]. URL: <https://stolitsa.ee/estoniya/vse-bolshe-v-estonii-uzhe-bolee-40-000-bezrabotnykh> 30.03.2020.

² «Нежный карантин» не за горами? Армия безработных Литвы растет как на дрожжах [Электронный ресурс]. URL: https://baltnews.lt/ekonomika_online_novosti/20200417/1019882736/Nezhnyy-karantin-ne-za-gorami-Armiya-bezrabotnykh-Litvy-rastet-kak-na-drozhzhakh.html 17.04.2020.

³ Уровень зарегистрированной безработицы в Латвии достиг 8,2% [Электронный ресурс]. URL: <https://www.leta.lv/rus/home/important/0D6FD460-1366-44CE-A072-3F0886E4887F/> 12.05.2020.

⁴ Европа хочет выйти из карантина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/441881> 21.04.2020.

2. *Защита государственного суверенитета — опыт Евросоюза и европейских стран* / отв. ред. В. Б. Белов. М. : ИЕ РАН, 2018.
3. *Потемкина О. Ю.* Европейский союз: битва за бюджет // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 29–34.
4. *Шамахов В. А., Еремина Н. В., Межевич Н. М.* Основные характеристики политического развития стран Прибалтики и их экономические последствия // Управленческое консультирование. 2019. № 3. С. 8–23.
5. *Шумилин А. И.* Фактор пандемии во внешней политике Евросоюза // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2020. № 2. С. 14–21.

Об авторах:

Ерёмина Наталья Валерьевна, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Советник президента Российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; nerem78@mail.ru

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

References

1. Gromyko A. I. A. Coronavirus as a factor of world politics // Scientific and Analytical Journal of IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2020. No. 2. P. 4–13. (In rus)
2. Protection of state sovereignty — experience of the European Union and European countries / Ex.ed. V. B. Belov. M.: IE RAS, 2018. (In rus)
3. Potemkina O. Yu. European Union: Battle for Budget // Scientific and Analytical Journal of IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2020. No. 2. P. 29–34. (In rus)
4. Shamakhov V. A., Eremina N. V., Mezhevich N. M. Main characteristics of political development of the Baltic states and their economic consequences // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. No. 3. P. 8–23. (In rus)
5. Schumilin A. I. Pandemic Factor in the Foreign Policy of the European Union // Scientific and Analytical Journal of IE RAS [Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN]. 2020. No. 2. P. 14–21. (In rus)

About the authors:

Natalya V. Eryomina, Associate Professor of the Chair of European Researches of St. Petersburg State University, Adviser to the President of Russian Association of Baltic Studies (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; nerem78@mail.ru

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhovva@ranepa.ru

Типология современных политических элит

Амуров М. А.

Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; amurov10@bk.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи выступает типологизация современных политических элит. Основными шагами достижения данной цели являются изучение предпосылок появления политической элиты как таковой, рассмотрение сущности политической элиты в государстве, классификация подходов к определению политической элиты, обоснование ключевых типов политических элит современности. *Методами* исследования выступает комплексный теоретический анализ и систематизация. Проведенный теоретический анализ определил исследовательский вопрос и проблему исследования: если формально-концептуальные контуры политической элиты примерно одинаковы, но в то же время исторические и современные государственные образования эмпирически демонстрируют различные «силу» и «вес» элитарной группы, то какова релевантная типология политических элит, позволяющая спрогнозировать приоритеты ее развития в будущем? Автором были проанализированы пять существующих классификаций политических элит и предложена собственная классификация. В *результате* исследования предложен новый подход к типологизации элит. В частности, обосновано выделение организационной, коммуникативной, стратегической и интеграционной элиты в современном государстве. Данная классификация описывает функционально-ролевой контент элитарных групп и позволяет сделать предположение о тенденциях развития политических элит в современном обществе. В статье делается *вывод*, что политическая элита является сообществом людей, имеющих позиционное превосходство над остальными, и потому наиболее авторитетных и компетентных в вопросах управления государством. Политическая элита состоит из людей, активно участвующих в политике, и имеет отличительные черты: право на выдвижение политических лидеров из своих кругов; особые привилегии; определенную степень закрытости для попадания в элиту членов прочих социальных слоев; мышление, основанное на психологии превосходства над остальными; уникальную идеологию; доступ к конфиденциальной государственной информации.

Ключевые слова: политическая элита, типология элит, теория элит, правящая элита, современное государство

Для цитирования: Амуров М. А. Типология современных политических элит // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 19–28.

The Classification of Contemporary Political Elites

Mark A. Amurov

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; amurov10@bk.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is classification of contemporary political elites. The main steps to achieve this goal are to study the prerequisites for the emergence of the political elite as such, to consider the essence of the political elite in a state, to classify approaches to the definition of the political elite, to define the key types of political elites of today. The method of research is generalized theoretical analysis and systematization. The conducted theoretical analysis has defined the research question and problem: if the formal and conceptual contours of the political elite are approximately the same, but at the same time historical and modern state formations empirically demonstrate the different «power» and «weight» of the elite group, then what is the relevant typology of political elites, which allows predicting the priorities of its development in the future? The author has analyzed five existing classifications of political

elites and proposed his own classification. As a result of the research, a new approach to the typology of elites was proposed. In particular, the identification of organizational, communicative, strategic and integration elites in the modern state is justified. This classification describes the functional-role content of elite groups and makes it possible to make an assumption about the development trends of political elites in modern society. The article concludes that the political elite is a society of people who have superiority over the others, and therefore are the most authoritative and competent in matters of state governance. The political elite consists of people who are actively involved in politics and have distinctive features: the right to nominate political leaders from their circles; special privileges; a certain degree of closeness to the elite members of other social strata; thinking based on the psychology of superiority over others; unique ideology; access to confidential state information.

Keywords: political elite, typology of elites, theory of elites, power elite, contemporary state

For citing: Amurov M. A. The Classification of Contemporary Political Elites // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 19–28.

Введение

В современном мире, развитие которого уже долгое время во многом определяется нарастающими темпами глобализации, наблюдается разделение политических систем на демократические и тоталитарные [19]. Это связано в основном с необходимостью проводить наиболее эффективную внешнюю и внутреннюю политику одними странами, и сохранить «у руля» государства правящую политическую элиту с целью не допустить ухудшения ситуации в стране — другими. В связи с этим, современная мировая арена представлена принципиально расходящимися во мнениях типами политических элит, выполняющих разные функции [25]. Роль политических элит в социальном и экономическом развитии общества, тем не менее, признается в любой модели государственно-политического устройства [26]. Именно поэтому столь важен анализ современных политических элит, равно как и дискуссия о перспективах их дальнейшего развития.

Цель исследования, положенного в основу данной статьи, — рассмотреть типологию современных политических элит. Согласно академическим трендам теоретического анализа в данной сфере [2; 8; 16], основными шагами достижения данной цели являются изучение предпосылок появления политической элиты как таковой, рассмотрение сущности политической элиты в государстве, классификация подходов к определению политической элиты, определение ключевых типов политических элит современности. Методологической базой данного исследования послужил широкий пласт трудов отечественных и зарубежных исследователей.

Предпосылки возникновения политической элиты

За все время существования государственности, которая насчитывает в истории человечества уже не одно тысячелетие, ни одно государственное образование не обходилось без того, чтобы не сформировать в тот или иной момент особый общественный институт — класс политической элиты [1, с. 6]. Политическая элита является своеобразной ступенью социальной и политической стратификаций, отбирающей в свои круги наиболее авторитетных, богатых и успешных политиков своего времени и дающей им особые привилегии в обществе.

Предпосылкой зарождения института политической элиты, в первую очередь, стало выделение в обществе класса лидеров: наиболее перспективных и амбициозных профессионалов, обладающих высокими практическими знаниями в сфере

экономики, ораторского искусства и т. д. Иными словами, политическая элита представляет собой класс особо успешных и властных людей, готовых взять управление государством в свои руки. Легитимность политических элит формируется прежде всего на основе обещания обществу максимально выгодных для него условий жизни, а также веры в эти обещания [5]. Согласно теории «пассионарного толчка» Л. Н. Гумилева, в определенный промежуток времени в любом обществе появляется группа людей, которых не устраивают современные общественные устои. Желая изменить общество, эти люди прилагают максимальные физические и душевные усилия, меняя мир вокруг себя. Такие люди называются «пассионариями» [3, с. 152], и их деятельность — залог научного и общественного прогресса любого общества. Формирование политической элиты очень похоже на процесс появления пассионариев: в политической структуре государства однажды выделяется класс чиновников, которые вознамериваются взять управление государством в свои руки. Не менее важной предпосылкой развития политических элит стало появление особых видов государственности, таких как демократическое государство, при которых наблюдается заметная отчужденность разных социальных слоев. Таким образом, зарождение в таких государствах группы наиболее влиятельных политиков обусловлено их оторванностью от простого народа, от прочих социальных слоев.

Факт, что демократизация может приводить к формированию политической элиты, в определенном смысле парадоксален — ведь по изначальному принципу структура демократического общества нивелирует какую бы то ни было монополизацию государственной власти. Иными словами, демократическое общество не допускает формирование института политической элиты, потому что такое общество направлено на уравнивание политических процессов и поддержание баланса государственности в стране. Но, тем не менее, в определенных условиях демократия может стать главным оружием создания политической элиты, — таким условием чаще всего выступает кризис государственности [6, с. 90].

По своему характеру стихийный, кризис государственности основан на резких ухудшениях показателей экономики и политики управления в государстве, что в свою очередь ведет к ухудшению жизни населения. Население, в свою очередь, будучи главной движущей силой демократии, начинает испытывать острую потребность смены власти с целью улучшения условий своей жизни. Поэтому некоторые политики, уловив это общественное настроение, путем специальных кампаний и лозунгов, занимают главенствующее положение в государстве и формируют институт политической элиты — институт, основанный на общественной поддержке. Можно привести множество примеров такого создания политической элиты как в древности, так в относительно недавнее время. К примеру, во время кризиса Римской Империи во второй половине I в. до н. э., чтобы противостоять усилившему свои позиции Сенату, будущий император Гай Юлий Цезарь объединился с главнокомандующими Гнеем Помпеем и Марком Крассом. Данный политический союз, получивший в историографии название «Первый триумvirат», имел серьезную поддержку народа. Воспользовавшись ею, Цезарь сначала сформировал политическую элиту, а потом, как известно из истории, и вовсе узурпировал свою власть, став единоличным правителем. Другим примером можно привести создание Советского государства В. И. Лениным, который, правильно воспользовавшись тяжелейшим кризисом государственности Российской Империи и последовавшего за ее упразднением Временного правительства России, смог побудить огромные народные массы к свержению правящей власти и образованию Союза Советских Социалистических Республик. Политическая элита в данном случае сформировалась «на крови революции» в виде партии большевиков, поддерживаемых рабочим классом. Далее, после смерти Ленина, поддержкой народа воспользовался И. В. Сталин, который посредством грамотной политической борьбы

получил единоличную власть в государстве, победив своих оппонентов: Троцкого, Зиновьева, Каменева и пр.

Итак, феномен политической элиты в государстве имеет глубокие исторические корни и связан с самим развитием государства, — в связи с чем неизменно появлялась необходимость сосредоточить бразды правления в руках узких кругов наиболее авторитетных и деятельных политиков. Далее рассмотрим сущность института политической элиты, чтобы понять, что определяет в современном мире типологию политического лидерства.

Теоретические основы

Одна из первых влиятельных концепций политических элит — это концепция не утрачивающего популярность и в современном мире итальянского мыслителя XV–XVI вв. — Н. Макиавелли. В знаменитом труде «Государь» Макиавелли особое внимание уделяет политическим переворотам. Государственность, по Макиавелли, являет собой результат синтез взаимодействия нескольких социальных сил [4, с. 200]. Это означает, что власть в государстве не может быть удержана ни одним человеком, ни всеми людьми сразу. Поэтому в любом государстве выделяется меньшинство, состоящее из наиболее притких и пытливых политиков, которые определяют дальнейшую жизнь государства. Макиавелли пишет: «Авторитет или власть лидера коренится в поддержке сторонников» [4, с. 203]. Данный тезис соотносится с одной из определенных нами предпосылок создания института политической элиты — поддержкой обществом или группой определенных людей.

Спустя триста лет после смерти Макиавелли другой итальянский ученый, Г. Моска, создал «теорию элит», поделив все общество на правящее меньшинство (элиту) и подвластное ему большинство (остальной народ). Выделяя общественную элиту как особый политический класс, Моска писал: «согласованно и единообразно действующие люди побеждают тысячу человек, между которыми нет согласия» [22, с. 109].

Закрытость и привилегированность многих групп политической элиты рождает вопрос о методах рекрутирования людей в члены политической элиты. Моска выделяет три метода рекрутирования [20; 21]:

- наследование (передача должности члена политической элиты нижестоящему в политической структуре лицу);
- проведение выборов, по результату которых на законном основании отбирается новый слой политической элиты;
- кооптация (т. е. соглашение о вступлении лица в ряды политической элиты без проведения каких-либо выборов и официального наследования).

Концепция Моски называется «элитической» и основана на политическом классе.

Другой знаменитый мыслитель, В. Парето, основным фактором в теории элит выделял принадлежность элиты к правящей или оппозиционной. Иными словами, политической элитой будет являться та группа людей, которая действительно решает важные вопросы государства. Также Парето характеризовал элиты по стилю правления: он выделял элиту «львов» (консерваторов, привыкших в правлении к методам силы) и элиту «лис» (наиболее динамичных и хитрых политиков, умело прибегающих к механизмам манипуляции с помощью ораторства и дипломатии) [23, с. 111]. Концепция В. Парето носит название «меритократической» — ее основу в отборе политической элиты составляет признак продуктивной деятельности [12].

Концепции политической элиты Н. Макиавелли, Г. Моски и В. Парето можно называть традиционными, или классическими. Они интересны прежде всего тем, что описывая ключевые элементы генезиса политических элит, нашли продолжение в современных политологических теориях [11; 14; 18]. К ним относятся, в частно-

сти, макиавеллистская школа, ценностная концепция, концепция демократического элитизма, плюралистическая школа и концепция левого либерализма.

Макиавеллистская школа утверждает, что политическую элиту составляет группа сплоченных между собой людей, каждый из которых обладает определенными природными дарованиями и соответствующим воспитанием, которые позволяют члену элиты принимать важные решения и иметь превосходство над другими. Макиавеллистская школа признает элитарность абсолютно любого общества, она неизбежно разделяет общество на сильных (творческих, амбициозных) людей и слабых (пассивных) людей. Также данная школа основным инструментом формирования элиты считает борьбу за власть — объясняя это тем, что любой человек, обладающий высокими психологическими и умственными качествами, не согласится просто так отдать свое элитное положение в государстве другому человеку. Также, согласно данной концепции, современная политическая элита основной целью преследует сохранение своей власти — в связи с чем, зачастую, управление этой элитой государством ухудшается.

В рамках *ценностной концепции* политическая элита также призвана отвечать за руководство государством. Однако применительно к современности, данная теория рассматривает политическую элиту не так оторвано от прочих слоев общества, как макиавеллистская школа. Сплочение членов элиты происходит не за счет природных дарований, а по общности руководящих функций. А формирование элиты происходит уже не посредством борьбы за власть, а на основе выбора обществом наиболее ценных политиков. Ценностная концепция рассматривает современные политические элиты как отвечающие интересом всех граждан государства.

Концепция демократического элитизма основывается на конкуренции между потенциальными членами политической элиты за выбор их избирателями. Концепция гласит, что современное демократическое общество неизбежно нуждается в правящей политической элите, причем, элита эта должна быть ограниченной в количестве — потому что переизбыток приведет к нарушению стабильности демократического строя государства. Ценность демократии при такой элите будет зависеть от качества последней. Поэтому в огромной степени ответственность за свою будущую жизнь в государстве несет сам народ, ведь именно народ (избиратели) выбрал того или иного политика на руководящую должность [13].

Плюралистическая школа, не отрицая основные постулаты элитарной теории, требует ее пересмотра. Плюрализм говорит о необходимости обладания будущими членами политической элиты высокой квалифицированной подготовкой в вопросе управления определенными общественными процессами. Примечательно, что школа плюрализма отрицает существование одной наиболее привилегированной группы — в рамках концепции, управление государством осуществляется множеством взаимодействующих групп и союзов. Данная политическая элита является открытой и наиболее полно отражает исторические принципы демократии, так как позволяет любому человеку, обладающему достаточной компетенцией, попробовать себя в роли политического лидера.

Концепция левого либерализма противостоит плюралистической и важнейшим критерием отбора в политическую элиту называет обладание будущим ее членом высокого социального статуса и должности. Иными словами, элита формируется из наиболее влиятельных деятелей экономики, политики и военной сферы, то есть из авторитетных и богатых людей страны. Таким образом, данная элита по большей части является закрытой, поскольку вхождение представителей простого народа в круги элит может произойти только в случае занятия народным представителем высокой государственной или коммерческой должности.

Анализ приведенных теорий позволяет сделать вывод, что политическая элита является отбираемым элементом власти, определяющим дальнейшее развитие

государства. Несмотря на разные акценты, многочисленные теоретические концепции сходятся в том, что политическая элита является обществом людей, имеющих превосходство над остальными, и потому наиболее авторитетных и компетентных в вопросах управления государством. Политическая элита состоит из людей, активно участвующих в политике, и имеет отличительные черты [15; 17]: право на выдвижение политических лидеров из своих кругов; особые привилегии; определенную степень закрытости для попадания в элиту членов прочих социальных слоев; мышление, основанное на психологии превосходства над остальными; уникальную идеологию; доступ к конфиденциальной государственной информации.

Проведенный теоретический анализ определяет дальнейший исследовательский вопрос. Если формально-концептуальные контуры политической элиты примерно одинаковы, но в то же время исторические и современные государственные образования эмпирически демонстрируют различные «силу» и «вес» элитарной группы, то какова релевантная типология политических элит, позволяющая спрогнозировать приоритеты ее развития в будущем? Для ответа на данный вопрос обратимся прежде всего к существующим типологиям, а далее обоснуем свою.

Методы классификации современных политических элит

Приведенная ниже классификация относится не только к политическим элитам, но и к прочим общественным элитам. Однако так или иначе все нижеперечисленные типы элит в той или иной степени регулируются правящей политической партией, поэтому целесообразно проанализировать полный их перечень. Итак, приведем основные подходы к классификации современных политических элит.

1. По способу отбора в членство элиты можно выявить два типа элиты: открытую (антрепренерскую) и закрытую (на основе гильдий). Открытая элита основывается на механизме выборов и имеет некоторые существенные ограничения отбора: необходимость обладания будущим членом политической элиты определенных личных качеств, а также высокий уровень профессионализма. Закрытая элита пополняется путем прямых назначений руководителями политической элиты и предполагает необходимость будущим членом элиты выполнять приказы руководства.

2. По роду деятельности: политическая, экономическая, военная, бюрократическая, культурно-информационная. *Политическая элита* занимается руководством политической деятельностью государства: в нее входят политические лидеры, главы наиболее авторитетных в стране партий и движений. *Экономическая элита* представлена крупными собственниками, банкирами, главами крупнейших организаций, активными участниками капитализации страны. Данный тип элиты призван управлять экономикой страны. Примечательно, что в настоящее время очень трудно провести границу между политической и экономической элитой: ведь большинство современных политиков, так или иначе, обладают крупным финансовым капиталом и участвуют в экономической жизни страны. *Военная элита* представляет собой группу людей в высших военных должностях, организующих оборонную политику страны. Политическая власть в тоталитарных странах обычно опирается на военную элиту. *Бюрократическая элита* представляет собой систему чиновников, осуществляющих принятие политических решений внутри государства. Ярким примером такой элиты служит современная верхушка Государственной Думы России, подавляющее большинство членов которой состоит в партии «Единая Россия», также являющейся политической элитой государства. *Культурно-информационная элита* представлена самыми авторитетными деятелями науки, культуры, религии страны. Это очень важный тип элиты, так как такая элита имеет колоссальное влияние на формирование общественного мнения и идеологии страны.

3. По месту в политической системе: правящая и оппозиционная (так называемая «контрэлита»). *Правящая элита* — это важнейшая категория типологии элит, ведь правящими называются те политические элиты, которые реально, а не эфемерно, участвуют в политической жизни страны и принимают важные решения. Важность политической элиты особенно заметна в кризисных условиях, когда становится понятно, кто действительно управляет государством. *Оппозиционная элита* противостоит правящей и являет собой так называемый альтернативный вариант развития власти в государстве, опирающийся на поддержку некоторых социальных групп. Некоторые современные исследователи полагают, что оппозиционная элита является искусственно созданным механизмом, призванным создать в стране видимость политической борьбы.

4. По характеру отношений между самими членами элиты: *объединенная* (высокоинтегрированная) и *разъединенная* (низкоинтегрированная). Объединенная элита — это сплоченная группа людей. Степень конкуренции внутри группы довольно низка, т. к. все члены элиты преследуют в данном случае одни и те же цели. Разъединенная элита, напротив, характеризуется разными целями ее членов, а потому обуславливает высокую степень конкуренции в кругах такой элиты.

5. По уровню представительности: *высокопредставительная элита* отражает интересы большой группы людей; *низкопредставительная элита*, как правило, представляет интересы меньшинства населения страны.

Типология современных типов политических элит представлена широким спектром различных классификаций, с той или другой стороны отражающих особенности феномена политической элиты. Тем не менее, с нашей точки зрения, классификации политических элит, опирающиеся на классические теории, не в полной мере соответствуют динамике современного общества. В сложной ситуации дифференцированной, постоянно меняющейся и ускоряющейся информации на первый план выходят содержательные характеристики представителей социальных групп, которых относят к политическим элитам. Существующие классификации не описывают функционально-ролевой контент этих групп и, следовательно, не позволяет сделать предположение о тенденциях развития политических элит в современном обществе.

Обсуждение и выводы

Современный спектр политических элит в большей степени представлен такими системами, которые предполагают, с одной стороны, высокую социальную мобильность общественных групп на политической арене, а с другой — принцип взаимодействия многих политических институтов в рамках решения вопросов государственной важности. Большинство современных политических систем — к примеру, европейских — основаны на демократизации политического правления. В рамках таких систем, любой компетентный человек может занять государственную должность и попытаться должным образом представлять интересы определенного круга общества [24].

Происходящие повсеместно процессы информатизации общества продемонстрировали коллективный потенциал более открытого и гибкого государственного сектора, который нуждается не столько в контроле и директивности [9], сколько в возможности слушать, учиться и действовать совместно с другими институтами [20]. Это неизбежно предопределяет необходимость пересмотра акцентов в понимании политической элиты. Оставаясь отбираемым элементом власти, определяющим дальнейшее развитие государства и общества, она не исчерпывает свое функциональное назначение в современном мире отраслевым или представительным признаком, равно как и степенью открытости или оппозиционности [9].

Для современного государства, управление которым связано с постоянным и непрерывным принятием решений в ситуациях неопределенности — на любых уровнях — понимание политической элиты необходимо связано с конкурентным давлением и стимулами для более эффективных действий [7]. Поэтому типологизация элит в большей степени должна быть ориентирована на измерение и улучшение результатов работы, чем на перечисление формальных признаков.

В связи с этим мы предлагаем авторскую классификацию современных политических элит, основанную на их функционально-контекстуальных особенностях. Мы выделяем следующие типы политических элит.

Организационная элита осуществляет на практике выработанный курс действий, определяя политику государства. Сюда относятся, прежде всего, назначаемые на ответственные должности государственные служащие, в том числе военнослужащие.

Коммуникативная элита — имиджевые политики, которые выражают в своих политических программах интересы и потребности различных социальных групп.

Стратегическая элита — политики выборных должностей (парламентарии, губернаторы, мэры, лидеры партий), определяющие политическую программу государства, учитывая как общественные интересы в целом, так и желания отдельных слоев общества.

Интеграционная элита (глава государства, председатель парламента, председатель Верховного Суда, премьер-министр и пр.), укрепляющая единство общества, обеспечивающая стабильность его существования и устойчивость систем экономики и политики; решающая конфликтные ситуации, возникающие в обществе.

Данная классификация демонстрирует содержательный принцип разделения элит и позволяет предположить, что их развитие в современном обществе будет связано с усилением выделенных черт в развитии приоритетов государственного и развития и общественного прогресса.

Литература

1. Артамошин С. В. Карл Шмитт // Вопросы истории. 2014. № 2. С. 100–115.
2. Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // Политическая наука. 2016. № 2. С. 38–73.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001.
4. Макиавелли Н. Государь. М.: Художественная литература, 1982.
5. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12 (96). С. 6–15.
6. Шмитт К. Человек и общество в условиях бедствий: Влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Издательский дом «Мир», 2012.
7. Abbink J., Salverda T. (eds.). The Anthropology of Elites: Power, Culture and the Complexity of Distinction. Basingstoke/New York: Palgrave Macmillan, 2013.
8. Aguiar L. L. M., Schneider C. J. Researching amongst Elites: Challenges and Opportunities in Studying Up. New York: Routledge, 2012.
9. Back H., Magnier A., Heinelt H. (eds.). The European Mayor. Political Leaders in the Changing Context of Local Democracy. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.
10. Bader J. China, Autocratic Patron? An Empirical Investigation of China as a Factor in Autocratic Survival. International Studies Quarterly. 2015. N 59 (1). P. 23–33.
11. Best H. Associated Rivals: Antagonism and Cooperation in the German Political Elite. In H. Best, J. Higley (eds.). Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives. Brill: Leiden, 2010. P. 97–116.
12. Delican M. Elite theories of Pareto, Mosca and Michels. Sosyal Siyaset Konferanslari Dergisi. 2000. N 43. 323–336.
13. Domhoff G. W. Who Rules America? (6th ed.). New York: McGraw Hill, 2010.
14. Gill G. The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and The Transition Process. New York: St. Martins Press, 2000.

15. *Hafner-Burton E.M., Hughes D.A., Victor D.G.* The Cognitive Revolution and the Political Psychology of Elite Decision Making. *Perspectives on Politics*, 2013. N 11 (2). P. 368–386.
16. *Higley J., Burton M.* Elite Foundations of Liberal Democracy. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.
17. *Hoffmann-Lange U.* Studying Elite Versus Mass Opinion // W. Donsbach, M.W. Traugott (eds.). *The Sage Handbook of Public Opinion Research*. Los Angeles: Sage Publications, 2008. P. 53–63
18. *Joo J.-H.* A Typology of Political Elites and Its Transformation in China: From “Ideology-Oriented/Replacement” Elites to “Fragmented/Reproductive” Elites. *Asian Perspective*, 2013. N 37. P. 255–279.
19. *Linz J.J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Consolidation. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1996.
20. *Meisel J. H.* (1965) Power Structure and Power Flow. In Meisel J. H. (Eds.) *Pareto and Mosca* (pp. 165–169). Englewood Cliffs, New York : Prentice-Hall.
21. *Milner M. Jr.* Elites. A General Model. Cambridge : Polity Press, 2015.
22. *Mosca G.* The Ruling Class. New York : McGraw Hill, 1939.
23. *Pareto V.* The Mind and Society. A Treatise on General Sociology. New York : Dower, 1935.
24. *Robertson R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. Newbury Park, CA : Sage Publications, 1992.
25. *Stoker G.* Governance as a theory: five positions. *International Social Science Journal*, 1998. N 50 (1). P. 17–29.
26. *Szücs S., Strömberg L.* Local Elites, Political Capital and Democratic Development: Governing Leaders in Seven European Countries/ Wiesbaden, Germany : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.

Об авторе:

Амуров Марк Александрович, Помощник члена Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации (Москва, Российская Федерация); amurov10@bk.ru

References

1. Artamoshin S. V. Carl Schmitt // History issues [Voprosy istorii]. 2014. № 2. P. 100–115. (In rus)
2. Gaman-Golutvina O. V. Political elite as an object a research in domestic political science // Political science [Politicheskaya nauka]. 2016. № 2. P. 38–73. (In rus)
3. Gumilev L. N. Ethnogenesis and Earth biosphere. SPb.: Crystal, 2001. (In rus)
4. Machiavelli N. Sovereign. M.: Art Literature, 1982. (In rus)
5. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet management system // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. № 12 (96). P. 6–15. (In rus)
6. Schmitt C. Person and Society in Disaster: The Impact of War, Revolution, Famine, Epidemics on Human Intelligence and Behavior, Social Organization and Cultural Life. SPb.: Publishing House “World,” 2012. (In rus)
7. Abbink J., Salverda T. (eds.). The Anthropology of Elites: Power, Culture and the Complexity of Distinction. Basingstoke / New York: Palgrave Macmillan, 2013.
8. Aguiar L. L. M., Schneider C. J. Researching amongst Elites: Challenges and Opportunities in Studying Up. New York : Routledge, 2012.
9. Back H., Magnier A., Heinelt H. (eds.). The European Mayor. Political Leaders in the Changing Context of Local Democracy. Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.
10. Bader J. China, Autocratic Patron? An Empirical Investigation of China as a Factor in Autocratic Survival. *International Studies Quarterly*. 2015. N 59 (1). P. 23–33.
11. Best H. Associated Rivals: Antagonism and Cooperation in the German Political Elite. In H. Best, J. Higley (eds.). *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Brill : Leiden, 2010. P. 97–116.
12. Delican M. Elite theories of Pareto, Mosca and Michels. *Sosyal Siyaset Konferanslari Dergisi*. 2000. N 43. 323–336.
13. Domhoff G. W. Who Rules America? (6th ed.). New York : McGraw Hill, 2010.
14. Gill G. The Dynamics of Democratization. Elites, Civil Society and The Transition Process. New York : St. Martins Press, 2000.
15. *Hafner-Burton E.M., Hughes D.A., Victor D.G.* The Cognitive Revolution and the Political Psychology of Elite Decision Making. *Perspectives on Politics*, 2013. N 11 (2). P. 368–386.

16. Higley J., Burton M. *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006.
17. Hoffmann-Lange U. Studying Elite Versus Mass Opinion // W. Donsbach, M.W. Traugott (eds.). *The Sage Handbook of Public Opinion Research*. Los Angeles: Sage Publications, 2008. P. 53–63.
18. Joo J.-H. A Typology of Political Elites and Its Transformation in China: From “Ideology-Oriented/Replacement” Elites to “Fragmented/Reproductive” Elites. *Asian Perspective*, 2013. N 37. P. 255–279.
19. Linz J.J., Stepan A. *Problems of Democratic Transition and Consolidation*. Baltimore : Johns Hopkins Press, 1996.
20. Meisel J.H. (1965) Power Structure and Power Flow. In Meisel J. H. (Eds.) *Pareto and Mosca* (pp. 165–169). Englewood Cliffs, New York : Prentice-Hall.
21. Milner M. Jr. *Elites. A General Model*. Cambridge : Polity Press, 2015.
22. Mosca G. *The Ruling Class*. New York : McGraw Hill, 1939.
23. Pareto V. *The Mind and Society. A Treatise on General Sociology*. New York : Dower, 1935.
24. Robertson R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. Newbury Park, CA : Sage Publications, 1992.
25. Stoker G. Governance as a theory: five positions. *International Social Science Journal*, 1998. N 50 (1). P. 17–29.
26. Szücs S., Strömberg L. *Local Elites, Political Capital and Democratic Development: Governing Leaders in Seven European Countries/ Wiesbaden, Germany : VS Verlag für Socialwissenschaften, 2006.*

About the author:

Mark A. Amurov, Assistant Member of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation; amurov10@bk.ru

Государственно-управленческое проектирование развития партийной и избирательной систем в Российской Федерации

Шалашова О. Н.

Территориальная избирательная комиссия № 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация; 9520530@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — обоснование ключевых элементов государственно-управленческого проектирования развития партийной и избирательной систем, а именно, законодательных, финансовых и коммуникационных технологий. В работе доказывается, что качественное, управляемое, изменение в молодой демократии должно быть спроектировано на государственном уровне, поскольку партийная и избирательная системы подвержены не только стихийному развитию, но и могут быть целенаправленно развиты исходя из целей и задач государственного управления. Ключевым исследовательским вопросом данной работы является выявление факторов, которые способны препятствовать процессам развития и институционализации партийной и избирательной систем в Российской Федерации. *Теоретическую* базу исследования составили исследования Д. П. Куинтала, Дж. Сартори, Р. Таагепера, М. С. Шугарт, К. Бенуа и Э. Ласло. Применение политологических теорий позволило доказать актуальность изучения партийной системы в качестве важной части политической сферы, а также продемонстрировать значимость выделенных элементов проектирования. Основанный на теоретическом анализе обзор практики работы избирательного и партийного институтов в Российской Федерации дал возможность понять, в чем заключаются особенности государственного проектирования в данной области. На основе теоретического анализа сделан ряд *выводов* об обоснованности определенных мер государственного воздействия на партийную и избирательную системы. Государственно-управленческое проектирование за последние полвека приобрело особое значение с точки зрения развития политической системы в целом и избирательной системы в частности. В стратегическом плане государственно-управленческое проектирование развития партийной и избирательной системы должно быть основано на работе с молодежью как проективным объектом государственного управления. К основным факторам, которые потенциально способны негативным образом отразиться развитии и институционализации партийной и избирательной систем, относятся следующие: (1) отсутствие системного подхода при внесении изменений в законодательство; (2) отсутствие комплексной системы обратной связи с электоратом, ведущие к устойчивому абсентизму, и способные навредить самой системе государственно-управленческого проектирования партийной и избирательной систем; (3) нерешенная проблема контент-менеджмента в кампаниях политических партий, вследствие чего большинство кампаний основано на продвижении известных всем лидеров, что плохо согласуется с запросом молодежи на новых политических акторов; (4) проблемы с развитием независимых средств массовой информации в России.

Ключевые слова: избирательная система, партийная система, государственно-управленческое проектирование, политические партии, выборная система в России

Для цитирования: Шалашова О. Н. Государственно-управленческое проектирование развития партийной и избирательной систем в Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 29–41.

Public Engineering of Party and Electoral Systems Development in the Russian Federation

Olga N. Shalashova

Territorial election commission No 3, Saint-Petersburg, Russian Federation; 9520530@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of this article is to substantiate the key elements of public administration design of party and electoral systems development, namely, legislative, financial and communication

technologies. The paper proves that qualitative, manageable, change in young democracy must inevitably be designed at the state level. Party and electoral systems are not only subject to spontaneous development, but can also be purposefully developed based on the goals and objectives of public administration. The key research issue in this paper is to identify factors that can hinder the processes of development and institutionalization of party and electoral systems in the Russian Federation. Theoretical basis of the study was formed by D. P. Quintal, G. Sartori, R. Taagepera, M. S. Shugart, K. Benoit and E. Laszlo. The application of political theories helped to prove the relevance of studying the party system as an important part of the political sphere, as well as to demonstrate the importance of the selected public engineering elements. The review of the practice of electoral and party institutes in the Russian Federation, based on theoretical analysis, helped to understand what are the features of state public engineering in this area. On the basis of the theoretical analysis, a number of conclusions were made about the validity of certain measures of state influence on the party and electoral systems. The public engineering for last half a century has gained special value from the point of view of development of political system as a whole and electoral system in particular. In the strategic plan, the public engineering of the development of the party and electoral system should be based on working with young people as a projective object of public management. The main factors that potentially have a negative impact on the development and institutionalization of party and electoral systems include the following: (1) the absence of a systematic approach to changes in legislation; (2) the absence of a comprehensive system of feedback from the electorate, which leads to sustainable absenteeism and may harm the very system of public engineering of party and electoral systems; (3) the unresolved problem of content management in the campaigns of political parties, as a result of which most campaigns are based on the promotion of leaders known to all, which is poorly aligned with the demand of young people for new political actors; (4) the lack of a comprehensive system of feedback from the electorate.

Keywords: electoral system, party system, public engineering, political parties, electoral system in Russia

For citing: Shalashova O. N. Public Engineering of Party and Electoral Systems Development in the Russian Federation // Administrative Consulting. 2020. No. 5. P. 29–41.

Введение

Роль политических партий в политической жизни за последние полвека значительно увеличилась. Неоспорим факт обоюдной связи развития партийной системы и избирательной, а некоторые ученые даже выявляют связь между наличием в стране сильной партии и экономической стабильностью [17, с. 309]. В связи с этим, крайне важно, чтобы действия органов государственного управления в рамках процесса проектирования развития этих систем были бы согласованными [16, с. 364].

Государственно-управленческое проектирование представляет собой довольно распространенный способ для достижения целей в различных сферах развития общества. Избирательная система не является исключением. Всенародные выборы являются институтом демократического государства. Сегодня во многих странах — и особенно в странах с молодой демократией — уделяется особое внимание разработке политики по развитию избирательной системы. В наиболее общем виде государственно-управленческое проектирование партийной и избирательной систем включает в себя комплекс мер по содействию гражданам в осуществлении их избирательных прав, совершенствованию законодательства, развитию многопартийности и налаживанию коммуникаций политических лидеров с электоратом.

Несмотря на то, что движение к политическому плюрализму началось еще во времена Советского Союза, официальной датой установления многопартийности в России принято считать 1990 г. [1, с. 229]. Именно в этом году было отменено положение в Конституции СССР о том, что Коммунистическая партия обладала в го-

сударстве особым статусом и являлась руководящей. На сегодняшний день согласно официальным данным Министерства юстиции Российской Федерации, в России зарегистрировано пятьдесят политических партий, допускаемых к выборам¹. Это говорит о том, что принцип плюрализма в стране официально закреплён, следовательно, одной из целей государственно-управленческого проектирования развития партийной системы в стране должно стать поддержание этого принципа. Вместе с тем партийная система наиболее устойчива при развитой демократии [25, с. 831]. Это говорит о том, что равный доступ к избирательным правам всех участников процесса выборов представляет собой основу для развития института выборов, ведь речь идет не только о правах избирателей, но и о правах политических акторов на равный доступ к выборам, СМИ и иным средствам поддержки государства [15, с. 65].

В данной работе будут рассмотрены следующие элементы государственно-управленческого проектирования развития партийной и избирательной системы: законодательство, финансы, коммуникации. Ключевым исследовательским вопросом данной работы является выявление факторов, которые способны препятствовать процессам развития и институционализации партийной и избирательной систем в Российской Федерации. Применение политологических теорий позволит доказать актуальность изучения партийной системы в качестве важной части политической сферы, а также продемонстрирует значимость выделенных элементов проектирования. Анализ практики работы избирательного и партийного институтов в Российской Федерации предоставит возможность понять, в чем заключаются особенности государственного проектирования в данной области. Выводы в рамках данной работы будут относиться как указанным элементам, так и к системе государственно-управленческого проектирования в целом.

Теоретические основы анализа

Партийная и избирательная системы как элементы функционирования демократического общества на протяжении долгого времени представляли интерес не только государственных деятелей и граждан, но и академического сообщества. Тем не менее, вопрос специфических особенностей взаимодействия партийной и избирательной систем более подробно начал изучаться с середины XX в., когда Д. П. Куинталом и его коллегами были заложены основы для исследования избирательной партийной системы как отдельного элемента политической жизни [20, с. 752]. Ряд исследователей, среди которых Дж. Сартори, полагают, что благодаря эффективному электоральному проектированию поведение потенциальных избирателей может в значительной степени быть скорректировано [22, с. 262]. Теория Сартори о подверженности поведения электората моделированию была дополнена выводами Р. Таагепера и М. С. Шугарта о том, что выборы представляют собой наиболее легко манипулируемый институт, особенно в условиях молодой демократии [24, с. 234]. Избирательная и партийная системы, по мнению Таагепера и Шугарта, должны формироваться в результате борьбы и дебатов в условиях реального плюрализма. При этом, как отмечает К. Бенуа, между партийной и избирательной системами существует сильная обоюдная связь [16, с. 364]. Избирательные институты формируют партийные системы, однако при этом сами эти институты развиваются в результате партийного соперничества, что вновь подтверждает тезис Таагепера и Шугарта.

¹ Список зарегистрированных политических партий по состоянию на 28 января 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok?language=en> (дата обращения: 11.02.2020).

Российские исследователи также развивают мысль о проективности партийной и избирательной систем. Так, согласно позиции эксперта в области российской политики и избирательной системы С. С. Сулакшина, цикл развития политической системы в РФ в 2010 г. достиг того этапа, когда была необходима интервенция государственных управленцев. Именно в этот период была возможность для осуществления качественной формации политической системы [11, с. 100]. Подобная точка зрения обоснована тем, что данному этапу предшествовал кризис в политической системе, а кризис предоставляет две возможности: либо система начнет качественно изменяться, либо она будет пребывать в состоянии стагнации. Качественное, управляемое, изменение неизбежно должно быть спроектировано на государственном уровне. Таким образом, партийная и избирательная системы подвержены не только стихийному развитию, но и могут быть целенаправленно развиты исходя из целей и задач государственного управления. Другими словами, партийная и избирательная системы являются объектами государственно-управленческого проектирования.

Развиваясь, система не дает себе умереть. Воздействие большего числа акторов позволяет системе качественно развиваться. Проектное управление как раз и подразумевает вовлечение в процесс множества элементов и субъектов. Закономерности природы в равной степени верны и для политической системы в целом [19, с. 76], однако стоит учитывать тот факт, что эффективное государственно-управленческое проектирование относится к позитивному фактору «ускорения» наступления следующего этапа развития.

Исходя из рассмотренных научных теорий, можно сделать вывод о том, что государственно-управленческое проектирование за последние полвека приобрело особое значение с точки зрения развития политической системы в целом и избирательной системы в частности. Исходя из данного утверждения, существует две модели развития партийной и избирательной систем. В первом случае в результате эффективного проектирования они смогут развиваться до качественно нового состояния и, соответственно, вступить в новый цикл политической жизни. Во втором негативное воздействия от некомпетентного управления введет их в состояние стагнации, последствия которой, согласно теории бифуркаций Ласло [19], не являются детерминированными и плохо предсказуемы.

Опираясь на данные теоретические предпосылки, представим методологию государственно-управленческого проектирования партийной и избирательной систем в современной России, выделив основные элементы проективного процесса и определив факторы, способные препятствовать процессам развития и институционализации указанных систем в Российской Федерации.

Методология

Государственно-управленческое проектирование подразумевает прямое воздействие на субъект, за которым следует вовлечение системы обратной связи [11, с. 86]. Так, в качестве инструмента прямого государственного воздействия в контексте развития партийной и избирательной системы могут рассматриваться *нормативно-правовые акты* — например, изменения в законах, регулирующих тип избирательной системы, или пороговые проценты голосов для партий на выборах в Государственную Думу. Важной частью любого типа проектирования, который в данном случае также закрепляется на законодательном уровне, является *финансирование*. Партии могут финансироваться государством, юридическими и частными лицами. Интерес представляет то, как государственные управленцы выстраивают баланс в распределении финансовых ресурсов для политических партий, так

как данный фактор потенциально может являться значительным рычагом для управления партийной системой в целом.

Принцип обратной связи поддерживается *коммуникационными технологиями*, которые должны применяться в рамках проектирования. Коммуникация может организовываться как государственным аппаратом, так и непосредственно политическими партиями. Так как государство регулирует способы передачи информации, которые находятся в распоряжении партий, то и этот вид коммуникации может быть отнесен к процессу государственно-управленческого проектирования [14, с. 11].

Необходимо подчеркнуть, что в любом типе проектирования существуют операционные действия и стратегические. Работа с такой социально-возрастной группой, как молодежь, может быть отнесена к стратегическому уровню государственно-управленческого проектирования. С точки зрения институционализации выборов в любой стране с молодой демократией технологии по работе с данной категорией граждан представляют собой предмет особого интереса, ведь молодежь сама является проективным объектом: от особенностей взаимодействия с данной социальной группой в настоящем зависит развитие социально-экономических и социально-политических институтов в будущем.

Таким образом, на основе изучения научных источников [24, с. 234; 16, с. 364] мы выделили критически важные элементы государственно-управленческого проектирования развития партийной и избирательной систем. Ими являются:

- законодательные инструменты и технологии;
- финансовые инструменты и технологии;
- коммуникационные инструменты и технологии.

Все эти инструменты и технологии проектирования имеют стратегический фокус на работу с молодежью (рис.).

Подобная сегментация анализа позволит более подробно изучить методы, с помощью которых в Российской Федерации сегодня осуществляется воздействие на партийную и избирательную системы.

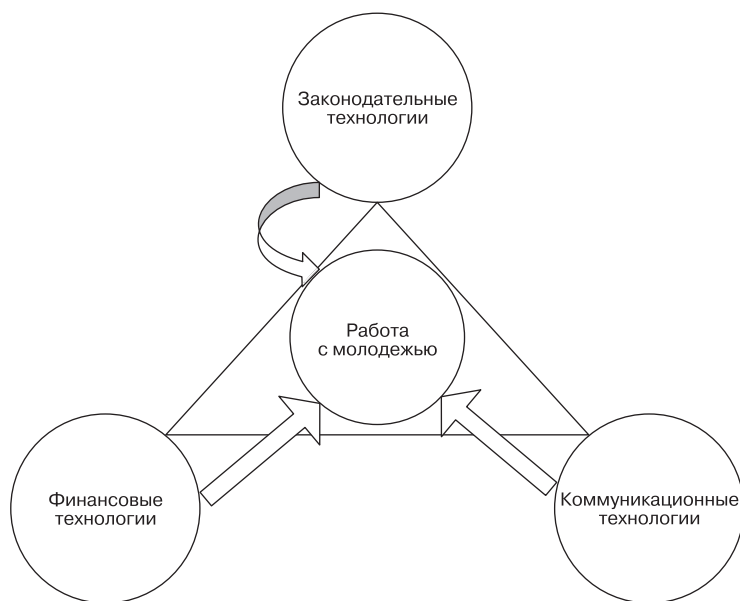

Рис. Элементы государственно-управленческого проектирования
Fig. Elements of state and administrative design

Анализ элементов государственно-управленческого проектирования

Одним из важнейших элементов в государственно-управленческом проектировании развития партийной и избирательной систем является нормотворчество. Для того чтобы сделать выводы о работе органов государственной власти в данном направлении, необходимо установить, как менялись нормы, регулирующие работу указанных систем. Основополагающим федеральным законом, регулирующим сферу выборов, является закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации». Помимо данного федерального закона также существуют отдельные правовые акты со спецификацией по типу выборов, например, президентских или в Государственную Думу РФ. С помощью внесения изменений и дополнений в данные нормативно-правовые акты государственные управленцы, в том числе, способны осуществлять проектирование развития избирательной системы. То же самое актуально и для системы выборов. В 2001 г. был ратифицирован Федеральный закон «О политических партиях», в котором были установлены основы деятельности данного института. Крупнейшие изменения, оказавшие серьезное влияние на институт выборов в России, касались системы их проведения. С 2007 по 2011 гг. все 450 депутатов Государственной Думы РФ избирались по единому избирательному округу. Выборы проводились в рамках пропорциональной системы с процентным барьером в 7%. На выборах 2016 г. в закон о выборах в ГД РФ были внесены следующие изменения: половина депутатов избиралась по одномандатным мажоритарным округам, в вторая — по единому избирательному округу, процентный барьер при этом был снижен до 5%¹. Установление мажоритарной системы правительством может рассматриваться как шаг к повышению динамичности партийной и избирательной системы, а после того, как, по мнению государственных управленцев, нужный эффект был достигнут, было осуществлено возвращение к смешанной системе выборов [10, с. 36].

Нередко новые направления государственного проектирования развития систем партий и выборов в стране направлены на молодой электорат, который нельзя назвать заинтересованным в политической жизни государства. Согласно исследованиям, проведенным в интернет-пространстве, их активность фиксировалась лишь в двух случаях: во-первых, при проведении выборов, во-вторых, в случае определенных масштабных политических событий в стране [9, с. 71]. Наряду с этим эмпирически подтверждено, что более высокая явка избирателей положительно коррелирует с лучшими показателями оппозиции. Это позволяет некоторым исследователям считать, что люди, которые, скорее всего, воздержатся от голосования на выборах в государстве с «гибридным» режимом, являются сторонниками оппозиции [18, с. 224]. В проективном плане это означает, что, несмотря на то, что инкумбенту и политической элите может быть выгоден политический абсентизм, любая власть должна осознавать тот факт, что именно в молодежи заключен наибольший потенциал и что крайне важно налаживать коммуникацию с этой социальной группой. Даже опуская мотивацию социальной направленности, и сконцентрировавшись на меркантильных интересах, политические партии пытаются взаимодействовать с молодым электоратом для того, чтобы партия могла стабильно развиваться и в будущем. В связи с этим в рамках государственно-управленческого проектирования специалисты ищут новые методы, которые позволят достигнуть вышеупомянутых целей. Одним из этих методов является внедрение относительно новой

¹ Закон Российской Федерации «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» от 22.02.2014 № 20 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2014 г. № 8. Ст. 740.

для Российской Федерации практики проведения праймериз [12, с. 104]. Праймериз представляют собой потенциально эффективный инструмент по повышению сознательности граждан и не только молодых в отношении института выборов. Для партий же это еще один способ для продвижения и привлечения нового электората.

Крайне значимым блоком законодательства в сфере выборов и партийной деятельности также является часть в отношении финансовой составляющей. Федеральным законом «О политических партиях» установлен порядок финансирования данного института. Данный закон в значительной степени повлиял на дальнейший вектор развития партийной системы в принципе. Установление четких норм, способных препятствовать коррупции в рамках партийной системы, также способствовало ее институционализации [26, с. 1089]. Как и во многих странах, где процесс институционализации партий и выборов был начат относительно недавно, в Российской Федерации не раз менялся порядок финансирования партий. Сегодня финансирование политических партий можно разделить на категории: внутреннее финансирование, которое включает в себя членские взносы, пожертвования, и внешнее финансирование — государственные и частные средства. По мнению экспертов, тот уровень пожертвований, который установлен законом для частных лиц и компаний сегодня, не в полной мере обоснован [7, с. 81]. Ограничения в финансировании политических партий скорее воздействуют на частных лиц, нежели на коммерческие компании. Помимо этого существует некоторый дисбаланс в государственном финансировании. Наибольшая доля в финансировании четырех крупнейших политических партий, а именно «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия» и «ЛДПР» все же принадлежит государству¹. В то же время партия «Парнас» осуществляет свою деятельность за счет средств коммерческих компаний или физических лиц, а партия «Яблоко» за счет средств некоммерческих организаций, фондов и так далее. Безусловно, объем финансирования партии за счет бюджетных средств во многом зависит от того, какое количество голосов ею было получено на выборах. Несмотря на это, когда разница в государственном финансировании партий с противоположными политическими взглядами достигает больших значений, то в рамках государственно-управленческого проектирования, возможно, имеет смысл провести дополнительный анализ уровня представительности партий, обратив особое внимание, насколько популярными являются миноритарные партии у молодежи. Подобный анализ необходим в любой стране, не только в молодой демократии, так как он позволяет понять, не нуждается ли система финансирования партий в корректировках.

В независимости от того, какой режим действует в государстве, коммуникация государственной власти с гражданами представляет собой необходимый элемент для стабильного развития страны. Систему выборов можно назвать наиболее крупным механизмом, благодаря которому граждане способны донести свою точку зрения до власти, однако в ряде случаев существуют искажения, причины которым могут быть различными: действия властей, абсентизм граждан и так далее. Как правило, партии должны играть роль коммуникатора, однако в Российской Федерации данная функция практически утеряна ввиду множества преобразований и факторов, которые негативным образом сказались на доверии со стороны избирателей [3, с. 69]. Так, например, отношение граждан к текущему состоянию политической жизни в стране могло выражаться с помощью варианта «Против всех» в бюллетене, однако сегодня данная графа изъята из избирательной практики.

¹ Информация о результатах проверки сводных финансовых отчетов политических партий о поступлении и расходовании средств [Электронный ресурс]. URL: http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodni_otchet.php (дата обращения: 10.02.2020).

В 2006 г. данная графа была официально изъята из бюллетеней всех уровней выборов, то есть граждане лишились возможности продемонстрировать свое отношение к различным политическим акторам и партиям подобным способом. Даже несмотря на то, что в 2014 г. Парламент Российской Федерации вновь предусмотрел подобную практику для региональных выборов, только шесть из восьмидесяти пяти субъектов РФ изъявили желание воспользоваться этим правом. В рамках государственно-управленческого проектирования данный шаг имеет логическое обоснование. На муниципальных выборах имели место прецеденты, когда жители отдавали больше голосов против всех, нежели за конкретных кандидатов. Это, в свою очередь, влекло признание выборов несостоявшимися, а проведение новых выборов требует дополнительных ресурсов, что является неэффективным с точки зрения расходования бюджетных средств. Отмена возможности голосовать против всех, с одной стороны, отвечает принципам эффективного государственного менеджмента, однако если влечет за собой противоречие между свободой волеизъявления людей и бюджетной политикой. Согласно данным опроса, около сорока двух процентов жителей России полагают, что ни одна из действующих партий не выражает их интересов¹. В то же время значительное число людей было бы за возвращение графы «Против всех»². Кроме того, невозможность отдавать голос против всех трансформировались в устойчивую тенденцию к абсентизму у представителей молодого поколения³.

Вопрос с графой «Против всех» хоть и представляется важным, однако он относится скорее к стратегическому спектру вопросов, а самым распространенным и применяемым способом, благодаря которому власть может донести свою позицию, являются средства массовой информации. СМИ сегодня также требуется партиям скорее для формирования позитивного имиджа среди граждан, но в этой связи возникает еще один важный вопрос: насколько средства массовой информации независимы: могут ли они транслировать позицию определенной партии, не манипулируя при этом мнением потенциальных избирателей [8, с. 19].

Для того чтобы поддерживать связь в том числе и с молодым электоратом, сегодня партиями используются все современные средства массовой информации. Так партии формируют положительный имидж, в том числе и при поддержке государства. Тем не менее, существует фактор, который потенциально способен оказать негативное влияние на развитие партийной системы. Политические партии в России сегодня зачастую основывают свои кампании по продвижению именно на популярности определенного сильного лидера. Это явление вновь подтверждает тот факт, что на данный момент выборы, пусть даже в представительные органы власти, скорее представляет собой борьбу элит, но никак не механизм для реализации гражданами своего права на волеизъявление в полной мере [13, с. 331]. Наряду с этим тенденции в практике реальных выборов подтверждают данный тезис [21, с. 113].

На основе изменений, вносимых в законодательство, можно предположить, что у государственного аппарата отсутствует единая стратегии по развитию партийной системы в качестве эффективного института политической жизни страны и механизма народовластия [2, с. 128], однако с учетом рассмотренных элементов госу-

¹ 42% of Russians Say No Existing Political Party Represents Their Interests — Poll // The Moscow Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/10/26/42-percent-russians-say-no-existing-political-party-represents-their-interests-poll-a63321> (дата обращения: 10.02.2020).

² Графа «Против всех» отнимет голоса у единороссов // Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/2014/02/18/grafa-protiv-vseh-otnimet-golosa-u-edinorossov/> (дата обращения: 10.02.2020).

³ Там же.

дарственно-управленческого проектирования развития партийной и избирательной систем можно сформулировать выводы о том, что препятствует этим процессам, а также каким образом проектирование может быть усовершенствовано.

Недостатки в государственно-управленческом проектировании существуют в любом государстве, тем более в молодых демократиях, однако важно отметить, что многие из рассмотренных действий государственных управленцев имели под собой основы. В работе уже отмечалось, что практически каждая государственная интервенция имела как положительный, так и отрицательный эффект на избирательную сферу, это лишь подтверждает сложность и неоднозначность политических процессов. Факторы, которые более подробно будут обсуждаться в следующем разделе статьи, можно объединить в следующие категории:

- законодательные интервенции;
- обратная связь;
- применение современных технологий и СМИ.

Обсуждение и выводы

Отсутствие комплексного подхода к государственно-управленческому проектированию партийной и избирательной систем приводит к тому, что вместо развития партийного института появился феномен так называемой «мелкопартийности» [5, с. 129]. Для того чтобы нивелировать негативные последствия от интервенций, российским государственным управленцам, занимающимся развитием партийной и избирательной систем, необходимо применять в системе анализа состояния этих систем актуальные показатели, демонстрирующие представительность выборов [6, с. 204]. Примером негативного последствия несоблюдения принципа представительности может служить наблюдаемая сегодня тенденция к абсентизму. При нарушении представительности прагматизм может стать более важным, нежели демократические ценности [23, с. 296]. Возможно, подобная тенденция может быть полезной для краткосрочных целей инкумбента и политических элит, однако в долгосрочной перспективе она может стать причиной развития институтов выборов и партий в стране. Это, в свою очередь, только усложнит процесс государственно-управленческого проектирования в будущем, а также снизит уровень доверия со стороны электората к партийному и избирательному институту. Важно отметить, что на данный момент доверие институту партий со стороны граждан в России характеризуется как довольно низкое¹. В то же время в муниципальных округах появляются своего рода «субституты» партийных представительств — это общественные объединения граждан. Эти объединения, в свою очередь, «выдвигают» на выборах независимых кандидатов, которые, по их мнению, лучше способны выражать их интересы, нежели кандидаты от партии [4, с. 41]. Таким образом, вновь возникает противоречие, которое является еще одной серьезной задачей для государственно-управленческого проектирования, а именно, какая из избирательных систем лучше подходит на региональных и муниципальных выборах.

Важным элементом эффективного государственно-управленческого проектирования также является способность качественно осуществлять планирование на основе анализа комплексных эмпирических данных, которые бы включали в себя показатели социально-экономического развития, отношение граждан к определенным

¹ Неконкурентные выборы: имитация демократии снижает доверие к власти [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2019-04-21/3_7562_kart.html (дата обращения: 12.02.2020).

институтам или общественно значимым вопросам. Отсутствие реакции государства на негативные тенденции в обществе, сопровождаемое отменой определенного коммуникационного механизма между властью и гражданами, не может способствовать ни развитию, ни институционализации выборов и партий, а также будет негативным образом сказываться на практике государственно-управленческого проектирования в целом, ввиду отсутствия сложных прецедентов в масштабах страны.

Сегодня как государственной властью, так и политическими партиями активно используются и традиционные СМИ (печатные издания, теле- и радиовещание), и актуальные среди молодого населения интернет-платформы, однако существует две главные проблемы: уровень свободы СМИ и стратегия продвижения партий. Помимо этого, важно отметить, что применение современных технологий в проектировании чаще всего позитивно влияет на развитие систем, однако в некоторых случаях они не только могут не произвести эффекта, но и усугубить некоторые проблемы. Например, введение электронного голосования или автоматизированных систем вряд ли способно положительно отразиться на избирательной системе в условиях абсентизма. Обезличенный характер технологий может только усугубить существующую тенденцию, особенно пока в стране существует запрос на новых политических акторов¹.

Для повышения эффективности работы партийной и избирательной систем необходимо также налаживать коммуникации с экспертным сообществом, в том числе международным. Например, вовлечение в процесс государственно-управленческого проектирования внешних субъектов позволит сделать его продуманнее и качественнее. Данный вывод согласуется с теориями Ласло о развитии систем [19, с. 68].

Осуществляя проектирование, необходимо понимать не только цели и задачи, но и то, на кого направлен определенный комплекс мер. Понимая, кто представляет собой целевую группу, государственным управленцам не только удастся повысить качество проектов, но и включить в анализ, уже ставший необходимым в западной практике государственного управления, элемент обратной связи.

Подводя итог анализу практики государственно-управленческого проектирования развития партийной и избирательной систем в Российской Федерации, можно выделить ряд факторов, которые потенциально способны негативным образом отразиться на указанных системах. Во-первых, отсутствие системного подхода при внесении изменений в законодательство. Во-вторых, отсутствие комплексной системы обратной связи с электоратом. Проблемы в сфере коммуникации не только могут привести к устойчивому абсентизму, но и способны навредить самой системе государственно-управленческого проектирования на этапе планирования. В-третьих, существует проблема контент-менеджмента в кампаниях политических партий. Несмотря на то что сегодня партии работают над поддержанием связи с молодым электоратом, большинство кампаний основано на продвижении известных всем лидеров [13, с. 331], что плохо согласуется с запросом на новых политических акторов. Иначе говоря, сегодня партиям помимо разработки программ, необходимо также заниматься контент-менеджментом для повышения популярности среди молодого электората. Наконец, объединяет все коммуникационные составляющие проектирования то, что ни один из них не сможет улучшиться без свободы СМИ. Наличие независимых СМИ можно назвать важнейшим условием для развития партийной и избирательной систем.

¹ «Есть запрос на новые политические силы». Кремль собирает предложения по изменению законов перед выборами в Госдуму [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bfm.ru/news/426112> (дата обращения: 13.02.2020).

Литература

1. Абзалбеков Б. С. Особенности становления партийной системы современной России: политологический обзор // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 4. С. 228–234.
2. Аминова Г. Г. Партии-спойлеры как угроза развитию политической конкуренции // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 2 (40). С. 127–132.
3. Бойко С. И. Концепция политических бифуркаций и проектирование устойчивых социальных коммуникаций // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 1 (123). С. 66–75.
4. Варлен М. В. Особенности правового регулирования участия политических партий в региональных и муниципальных выборах в России и зарубежных странах // Lex Russica. 2016. № 3 (112). С. 35–44.
5. Грачев М. Н., Ирхин Ю. В, Борисов Н. А., Бойко С. И. и др. Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций: теории и технологии. Материалы «Круглого стола» сотрудников и аспирантов российского государственного гуманитарного университета и российского университета дружбы народов // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2013. № 3.
6. Иванова М. В. Измерение выборов при электоральном авторитаризме: индекс диспропорциональности для российских выборов // ПОЛИТЭКС. 2015. № 4. С. 198–207.
7. Какителашвили М. М. Проблемы государственного и частного финансирования политических партий в государствах-участниках СНГ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 70–90.
8. Савина Е. В. Политико-коммуникационные технологии взаимодействия политических партий и граждан // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 18–22.
9. Сковиков А. К., Скутина С. Г., Фалина А. С. Политические партии и российская молодежь: диалог на современном этапе // PolitBook. 2018. № 4. С. 64–73.
10. Стромов В. Ю. От смешанной избирательной системы к пропорциональной и вновь к смешанной: анализ правовых основ думских выборов // Pro Nunc. 2016. № 1 (16). С. 31–42.
11. Сулакшин С. С. Политическая и партийная система России и государственное управление // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 85–103.
12. Цюник Д. А. Праймериз в России — возможность вернуть интерес молодежи к участию в политическом процессе // PolitBook. 2016. № 2. С. 95–106.
13. Чижов Д. В. Формирование имиджа российских политических партий в сети Интернет // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 1. С. 313–338.
14. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12(96). С. 6–15.
15. Bækken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia?, Communist and Post-Communist Studies. N. 48. Is. 1. 2015. P. 61–70.
16. Benoit K. Electoral laws as political consequences: Explaining the origins and change of electoral institutions // Annual review of political science. Palo Alto. Vol. 10. 2007. P. 363–390.
17. Bizzarro F., Gerrig J, Knutsen CH, et al. Party Strength and Economic Growth. World Politics, Vol. 70. N 2, 2018. P. 275–320.
18. Frantz E. Voter turnout and opposition performance in competitive authoritarian elections, Electoral Studies. Vol. 54. 2018. P. 218–225.
19. Laszlo E. The Age of Bifurcation: Understanding the Changing World. Philadelphia : Gordon & Breach, 1991.
20. Quintal D. P. The Theory of Electoral Systems. Western Political Quarterly. N 23 (4). 1970. P. 752–761.
21. Ross C. Federalism and Political Asymmetry: Regional Elections and Political Parties. Federalism and Democratization. Manchester University Press, Manchester; New York, 2002. P. 92–121.
22. Sartori G. Political development and political engineering // Public policy. Cambridge : Harvard univ. press, 1968. Vol. 17. P. 261–298.
23. Stoner K. Introduction: Russia in Retrospect and in Prospect. Comparative Politics. Vol. 50. N 3. 2018. P. 295–303.
24. Taagepera R., Shugart M. S. Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems. New Haven : Yale univ. press, 1989.

25. Weber T., Franklin M. N. A Behavioral Theory of Electoral Structure. *Polit Behav.* 2018. N 40. P. 831–856.
26. Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 Law “On Political Parties” made a difference? *Europe-Asia Studies.* Vol. 59. N 7. 2007. P. 1089–1113.

Об авторе:

Шалашова Ольга Николаевна, председатель Территориальной избирательной комиссии № 3 (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 9520530@mail.ru

References

1. Abzalbekov B. S. Peculiarities of the formation of the party system of modern Russia: Political Science Review // *Journal of the University of Omsk. Historical Sciences series [Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»]*. 2017. № 4. P. 228–234. (In rus)
2. Aminova G. G. Spoiler Parties as a Threat to the Development of Political Competition // *Contours of Global Transformations: Politics, Economy, Law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]*. 2015. № 2 (40). P. 127–132. (In rus)
3. Boyko S. I. Concept of Political Bifurcations and Design of Sustainable Social Communications // *Journal of the RSHU. Series: Political science. History. International relations [Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2014. № 1 (123). P. 66–75. (In rus)
4. Varlen M. V. Peculiarities of legal regulation of participation of political parties in regional and municipal elections in Russia and foreign countries // *Lex Russia.* 2016. № 3 (112). P. 35–44. (In rus)
5. Grachev M. N., Irkhin Yu. V., Borisov N. A., Boyko S. I., Mikhaleva G. M. Political design in the space of social communications: theory and technology. Materials of the Round Table of Employees and Postgraduate Students of the Russian State Humanitarian University and the Russian University of Friendship of Peoples // *Journal of RUDN. Series: Political science [Vestnik RUDN. Ser.: Politologiya]*. 2013. № 3. (In rus)
6. Ivanova M. V. Measurement of Elections under Electoral Authoritarianism: Index of Imbalance for Russian Elections // *POLITEX.* 2015. № 4. P. 198–207. (In rus)
7. Kakitelashvili M. M. Problems of public and private financing of political parties in the CIS member states // *Journal of the Moscow State Regional University. Series: Law [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya]*. 2018. № 4. P. 70–90. (In rus)
8. Savina E. V. Political and communication technologies of interaction between political parties and citizens // *News of TulSU. Humanities [Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki]*. 2018. № 3. P. 18–22. (In rus)
9. Skovikov A. K., Skutina S. G., Falina A. S. Political parties and Russian youth: dialogue at the present stage // *PolitBook.* 2018. № 4. P. 64–73. (In rus)
10. Stromov V. Yu. From mixed electoral system to proportional and again to mixed: analysis of legal foundations of Duma elections // *Pro Nunc.* 2016. № 1 (16). P. 31–42. (In rus)
11. Sulakshin S. S. Political and party system of Russia and public administration // *Contours of global transformations: politics, economy, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]*. 2010. № 1. P. 85–103. (In rus)
12. Zynik D. A. Primary in Russia — an opportunity to return the interest of young people to participate in the political process // *PolitBook.* 2016. № 2. P. 95–106. (In rus)
13. Chijov D. V. Shaping the Image of Russian Political Parties on the Internet // *Monitoring Public Opinion: Economic and Social Change [Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny]*. 2016. № 1. P. 313–338. (In rus)
14. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]*. 2016. № 12(96). P. 6–15. (In rus)
15. Bækken H. Selections before elections: Double standards in implementing election registration procedures in Russia?, *Communist and Post-Communist Studies.* No. 48. Is. 1. 2015. P. 61–70.
16. Benoit K. Electoral laws as political consequences: Explaining the origins and change of electoral institutions // *Annual review of political science.* Palo Alto. Vol. 10. 2007. P. 363–390.
17. Bizzarro F., Gerring J, Knutsen CH, et al. Party Strength and Economic Growth. *World Politics,* Vol. 70. No. 2, 2018. P. 275–320.

18. Frantz E. Voter turnout and opposition performance in competitive authoritarian elections, *Electoral Studies*. Vol. 54. 2018. P. 218–225.
19. Laszlo E. *The Age of Bifurcation: Understanding the Changing World*. Philadelphia : Gordon & Breach, 1991.
20. Quintal D. P. The Theory of Electoral Systems. *Western Political Quarterly*. No. 23 (4). 1970. P. 752–761.
21. Ross C. *Federalism and Political Asymmetry: Regional Elections and Political Parties*. Federalism and Democratization. Manchester University Press, Manchester; New York, 2002. P. 92–121.
22. Sartori G. Political development and political engineering // *Public policy*. Cambridge : Harvard univ. press, 1968. Vol. 17. P. 261–298.
23. Stoner K. Introduction: Russia in Retrospect and in Prospect. *Comparative Politics*. Vol. 50. No. 3. 2018. P. 295–303.
24. Taagepera R., Shugart M. S. *Seats and votes: The effects and determinants of electoral systems*. New Haven : Yale univ. press, 1989.
25. Weber T., Franklin M. N. A Behavioral Theory of Electoral Structure. *Polit Behav*. 2018. No. 40. P. 831–856.
26. Wilson K. Party finance in Russia: Has the 2001 Law “On Political Parties” made a difference? *Europe-Asia Studies*. Vol. 59. No. 7. 2007. P. 1089–1113.

About the author:

Olga N. Shalashova, Chairman of the Territorial election commission № 3 (Saint-Petersburg, Russian Federation); 9520530@mail.ru

Диспропорции развития региональных страховых рынков и управление ими

Халин В. Г.^{1, *}, Чернова Г. В.¹, Прокопьева Л. В.²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *v.halin@spbu.ru

² Хакасский технический институт — филиал Сибирского Федерального университета, Абакан, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Современный этап развития российского страхового рынка в большинстве регионов сопровождается диспропорциями его развития — несоответствием уровня развития регионального страхового рынка потребностям региона в страховой защите, а также большими отклонениями значений показателей страхования на уровне региона от их эталонных значений, например, лучших или средних по всему страховому рынку страны. Поэтому исследование причин таких диспропорций, а также выработка управленческих решений по их снижению и устранению является чрезвычайно актуальным. Статья содержит анализ факторов диспропорций развития региональных страховых рынков (РСР) и соответствующих им регионов, а также перечень мероприятий по их снижению. В ней также содержится анализ и оценка диспропорций в развитии региональных страховых рынков, обусловленных отклонением реального качества и стоимости предоставляемых регионом услуг от эталонных. Особое внимание уделено выявлению региональных рисков, определяющих приоритетные для рассматриваемого региона виды страхования. В исследовании использованы метод экспериментального сравнительного анализа, дедукции и статистические методы. Предложенный подход к выявлению диспропорций в развитии РСР и формированию управленческих решений по их снижению может быть использован для повышения эффективности функционирования РСР, оцениваемой по двум предложенным критериям. Результаты работы могут быть использованы для разработки и внедрения национальных и региональных стратегий социально-экономического развития, включающих использование страхования как института социальной и финансовой защиты от рисков.

Ключевые слова: эффективность регионального страхового рынка, стратегические цели функционирования регионального страхового рынка, диспропорции в развитии регионального страхового рынка, факторы функционирования и развития регионального страхового рынка, региональные риски, направления снижения диспропорций функционирования регионального страхового рынка

Для цитирования: Халин В. Г., Чернова Г. В., Прокопьева Л. В. Диспропорции развития региональных страховых рынков и управление ими // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 42–59.

Disproportions and Development of Regional Insurance Markets and Managing Them

Vladimir G. Khalin^{1, *}, Galina V. Chernova¹, Evgenia L. Prokopjeva²

¹ Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *v.halin@spbu.ru

² Khakass technical Institute — branch of Siberian Federal University

ABSTRACT

The current stage of development of the Russian insurance market in most regions is accompanied by imbalances in its development — a mismatch between the level of development of the regional insurance market and the needs of the region for insurance protection, as well as large deviations of insurance indicators at the regional level from their reference values, for

example, the best or average across the insurance market countries. Therefore, the study of the causes of such imbalances, as well as the development of managerial decisions to reduce and eliminate them, is extremely relevant. The article contains an analysis of imbalances in the development of regional insurance markets and their respective regions, as well as a list of measures to reduce them. It also contains an analysis and assessment of imbalances in the development of regional insurance markets (RIM) due to deviations in the real quality and cost of services provided by the region from the reference ones.

Particular attention is paid to identifying regional risks that determine the types of insurance that are priority for the region in question. The study used the method of experimental comparative analysis, deduction and statistical methods. The proposed approach to identifying imbalances in the development of RIM and the formation of managerial decisions to reduce them can be used to increase the effectiveness of the functioning of RIM, assessed by the two proposed criteria.

The results of the work can be used to develop and implement national and regional strategies for socio-economic development, including the use of insurance as an institution of social and financial protection against risks.

Keywords: the effectiveness of the regional insurance market, the strategic goals of the functioning of the regional insurance market, imbalances in the development of the regional insurance market, the factors of functioning and development of the regional insurance market, regional risks, ways to reduce the imbalances in the functioning of the regional insurance market

For citing: Khalin V.G., Chernova G.V., Prokopjeva E.L. The Disproportions and Development of Regional Insurance Markets and Managing them // Administrative consulting. 2020. N 5. P. 42–59.

Основные положения

Общее состояние российского страхового рынка характеризуется функционированием его региональных сегментов, поэтому проблема анализа их функционирования и развития является чрезвычайно важной.

Региональные страховые рынки (РСР) должны обслуживать соответствующие им регионы, т. е. должны предоставлять региону страховую защиту от рисков по содержанию и в размере, отвечающем потребности региона в ней. Предоставляя такую защиту, формируя новые рабочие места, делая инвестиции в экономику региона, РСР способствует экономическому развитию региона.

К сожалению, современный этап развития российского страхового рынка в большинстве регионов сопровождается диспропорциями в его развитии и развитии региона — несоответствием предлагаемой страховой защиты потребностям в ней региона, а также большими отклонениями значений показателей страхования на уровне региона от эталонных — лучших или средних их значений по всему страховому рынку страны. Именно поэтому исследование причин и факторов таких диспропорций, а также выработка управленческих решений по их снижению и устранению являются *актуальными*.

Целью статьи является выявление диспропорций развития региональных страховых рынков и выработка предложений по их снижению и/или устранению. Реализация цели предполагает решение следующих задач: формулировка целей развития РСР; определение понятия и критериев эффективности функционирования РСР; выявление факторов развития РСР и диспропорций в его функционировании, связанных с достижением двух стратегических целей развития РСР; выделение региональных страховых рисков, а также определение направлений повышения эффективности функционирования региональных страховых рынков.

Гипотеза исследования — целенаправленное управление выявленными диспропорциями развития регионального страхового рынка способно повысить эффективность функционирования регионального страхового рынка как по обеспечению соответствия уровня развития РСР потребностям региона в страховой защите, так и по обеспечению соответствия качества и стоимости страховых услуг, предоставляемых региональным страховым рынком, эталонным требованиям.

В рамках настоящего исследования под регионом понимаются субъекты и федеральные округа РФ, а под региональным страховым рынком — совокупность организаций, сфера деятельности которых распространяется на страховой рынок отдельного региона.

Анализ разработанности проблемы показал следующее.

Вопросам регионального страхования и изучению факторов его развития в настоящее время уделяется достаточное внимание [2; 3; 4; 6; 7; 9; 12; 16; 21]. Большинство авторов указывает на неравномерность развития региональных страховых рынков и связывает это с разнообразием влияющих на них факторов. При этом авторы подразделяют факторы на внешние и внутренние, а также на общие и специфические.

Также достаточное внимание уделяется региональным рискам — рискам функционирования и развития регионов, их специфике и причинам возникновения [1; 5; 10; 11]. Так как страхование является институтом финансовой защиты от рисков, акцент в их исследовании делается на исследовании проблем функционирования и развития регионального страхового рынка.

Однако проблемы выявления рисков и управления ими в настоящее время рассматриваются не только на уровне отдельного региона. Следует особо отметить исследования по рискам, возникающим на финансовых рынках, и по рискам, связанным с процессами финансовой конвергенции [13; 14; 17]. Это обусловлено тем, что развитие финансовых рынков и углубление процессов финансовой конвергенции охватывает разные регионы страны и, тем самым, способствует появлению специфических региональных рисков, являющихся внешними для региона.

Немаловажное влияние на уровень внутренних региональных рисков оказывают национальные особенности и организационно-правовые факторы развития страхового рынка страны. Это отмечается в работах авторов разных стран [15; 18]. Механизмы и методы управления рисками на региональном уровне тесным образом связаны с эффективностью функционирования страхового рынка. Как социально-экономическая категория эффективность страхования всесторонне освещена в современных исследованиях [см., например, 8]. Так как эффективность функционирования страхового рынка связана с макроэкономическими процессами в национальной и мировой экономике, стоит отметить исследования, излагающие взаимосвязь развития страхового рынка и экономического роста [19; 20; 21; 22].

Особенностью данного исследования является то, что с учетом важности стратегических целей РСР в статье вводится понятие эффективности функционирования и развития РСР и определяются ее критерии, соответствующие сформулированным стратегическим целям. Уровень эффективности РСР предлагается оценивать через диспропорции, имеющие место в его развитии. Задачу снижения и устранения этих диспропорций предлагается решать через выявление внешних и внутренних факторов функционирования РСР и управление ими. Предложением авторов также является нетрадиционный подход к определению рисков функционирования и развития РСР. Они рассматриваются как выражение отрицательных, сдерживающих факторов развития региона и РСР, которые могут проявиться в будущем.

Эффективность функционирования и развития регионального страхового рынка

Страхование является важнейшим институтом, предоставляющим социальную и финансовую защиту от рисков, поэтому эффективность его функционирования будет определяться тем, насколько качественно и полно оно обеспечивает такую защиту как на уровне всей страны, так и на уровне любого отдельного региона.

Региональный страховой рынок является сегментом всего российского страхового рынка и сектором региональной экономики, и это оказывает существенное воздействие на него. В то же время сам РСР влияет как на развитие всей национальной страховой отрасли, так и на развитие соответствующего региона (обратная связь).

Первой важнейшей стратегической целью функционирования и развития любого регионального страхового рынка является предоставление региону социальной и финансовой защиты от рисков, которым он подвержен.

Степень реализации поставленной перед РСР этой стратегической цели может характеризовать эффективность функционирования и развития РСР по достижению этой цели. Другими словами, под эффективностью РСР можно понимать степень соответствия всей предоставляемой региону региональным страховым рынком страховой защиты тому ее размеру и структуре, которые определяются потребностью региона в ней. В том случае, когда РСР предоставляет страховую защиту в полном объеме, можно говорить о том, что РСР функционирует эффективно.

Данное утверждение определяет первый критерий эффективности функционирования РСР — РСР является эффективным, если он предоставляет региону страховую защиту в объеме и структуре, отвечающем уровню развития самого региона.

Степень несоответствия предоставляемой региональным страховым рынком страховой защиты потребности в ней региона отражает уровень диспропорций в развитии региона и РСР.

Оценка эффективности функционирования и развития РСР по первому критерию возможна через выявление и анализ сложившихся диспропорций между страховой защитой, предоставляемой региональным страховым рынком реально, и потребностью региона в ней. Размер диспропорций отражает уровень несоответствия размера и структуры страховых услуг, предоставляемых региону региональным страховым рынком, размеру и структуре страховых услуг, в которых нуждается регион. Сформированные и внедренные управленческие решения, направленные на снижение и/или устранение выявленной диспропорции, будут способствовать повышению эффективности функционирования РСР, определяемой по первому критерию.

Достижение поставленной цели по обеспечению страховой защиты региона РСР осуществляется через реализацию самой страховой деятельности. Как самостоятельный хозяйствующий субъект, работающий в рыночных условиях, региональный страховой рынок имеет вторую стратегическую цель — получение прибыли и обеспечение собственной конкурентоспособности на рынке, в том числе за счет повышения качества предоставляемых страховых услуг и снижения затрат, которое способствует получению прибыли. Поэтому эффективность функционирования РСР также может оцениваться и через степень соответствия качества и стоимости предоставляемых им страховых услуг эталонному качеству и стоимости аналогичных услуг. В качестве эталонных, например, могут рассматриваться средние или лучшие по отрасли значения соответствующих показателей; показатели деятельности региона, рассматриваемого как лучший, и т. д.

Под эффективностью функционирования РСР в этом случае можно понимать степень реализации поставленной перед РСР этой стратегической цели, т. е. степень соответствия качества и стоимости предоставляемых им страховых услуг эталонному качеству и стоимости аналогичных услуг, например, на всем российском страховом рынке. При этом, чем выше качество и стоимость предоставляемых услуг отвечает эталонным требованиям, тем выше эффективность РСР. В том случае, когда РСР предоставляет страховую защиту должного (эталонного) качества и стоимости, можно говорить о том, что РСР функционирует эффективно (реализация второй стратегической цели развития РСР). Данное утверждение определяет второй критерий эффективности функционирования РСР — РСР является эффективным, если он предоставляет региону страховую защиту в качестве и по стоимости, которые отвечают эталонным требованиям.

Оценить эффективность функционирования и развития РСР по второму критерию можно через анализ сложившихся диспропорций между реальными значениями качества и стоимости страховых услуг, предоставляемых региону региональным страховым рынком, и эталонными значениями качества и стоимости соответствующих страховых услуг. Глубина выявленных диспропорций отражает уровень несоответствия качества и стоимости страховых услуг, предоставляемых региону региональным страховым рынком, их эталонным значениям. Выработанные и внедренные управленческие решения, направленные на снижение и/или устранение выявленных диспропорций, будут способствовать повышению эффективности функционирования РСР, определяемой по второму критерию.

Использование двух критериев эффективности функционирования и развития РСР обусловлено важнейшей социальной ролью страхования как института финансовой защиты (первый критерий) и требованиями выживаемости РСР в условиях конкуренции (второй критерий).

В целях повышения эффективности функционирования РСР, измеряемой обоими критериями, необходимо выделить существующие диспропорции и выработать управленческие решения, направленные на их снижение или устранение.

Факторы, диспропорции развития РСР и региона, управление ими

На функционирование и развитие регионального страхового рынка оказывает влияние множество факторов. По признаку «направление воздействия этих факторов на РСР» их можно разделить на следующие укрупненные группы:

- положительные (стимулирующие) факторы развития РСР. Например, это улучшение качества регионального страхового портфеля; усиление государственного регулирования; повышение прозрачности страховых операций и т. д.;
- отрицательные (сдерживающие) факторы развития РСР. Например, это несбалансированность структуры российского страхового портфеля; завышенная стоимость страховых услуг; низкий уровень бюджетной обеспеченности населения страны и т. д.;
- изменяющие направление влияния на РСР — при одних условиях они оказывают стимулирующее воздействие на РСР, а при других — отрицательное. Так, фактор усиления государственного регулирования, с одной стороны, способствует повышению качества страховых услуг, а, с другой, чрезмерное усиление регулирования может привести к сворачиванию страховой деятельности.

При выявлении существенных факторов, влияющих на развитие РСР, необходимо помнить о месте РСР во всей национальной экономике и на национальном страховом рынке, о его взаимосвязи с экономикой региона, а также о месте самого региона в экономике страны (рис. 1).

Рис. 1. Место PCP в экономике страны

Fig. 1. The place of the regional insurance market in the country's economy

Как видно из схемы, PCP является сегментом национального страхового рынка, который (рынок) является частью экономики всей страны. В то же время PCP является сектором экономики региона.

Двойственная роль PCP (его участие в развитии национального страхового рынка и в развитии региона) обуславливает рассмотрение следующих групп факторов, воздействующих на его развитие и тем самым влияющих на возможные диспропорции развития PCP и региона (рис. 2):

- факторы развития национальной экономики, непосредственно влияющие на PCP. Примером сдерживающего фактора этого уровня является снижение платежеспособности населения страны за последние годы;
- факторы развития экономики, влияющие на национальный страховой рынок и через него на PCP. Примером является фактор экономических и политических санкций против России, существенно снижающий возможности кооперации и сотрудничества иностранных и российских страховщиков, в том числе региональных страховых компаний. Известно, что в ряде случаев иностранные страховщики не выполняли или задерживали выполнение своих страховых обязательств перед субъектами РФ, что негативно сказывалось на функционировании тех PCP, деятельность которых была связана с иностранными страховщиками;
- самостоятельные факторы функционирования и развития национального страхового рынка, влияющие на развитие PCP. Примером существенного негативного фактора, влияющего на уровень развития всего российского страхового рынка и на PCP как его часть, является отсутствие общегосударственной политики, направленной на развитие региональных страховых рынков в интересах самих регионов и страхового рынка РФ. Законы и акты, определяющие функционирование российского страхового рынка, не предусматривают никаких преференций для региональных страховых рынков;

- факторы развития национальной экономики, влияющие на экономику региона и через него на РСР. Так как регион является частью всей национальной экономики, значимым фактором развития РСР является, например, отраслевая структура экономики региона, обусловленная особенностями экономики всей страны. Так, чем более развит производственный сектор, как правило, обладающий значительным по стоимости имущественным комплексом, тем выше потребность в страховой защите, что способствует развитию РСР. Развитая сфера услуг также способствует развитию РСР. Это происходит потому, что в ней формируются наиболее высокие зарплаты, что повышает спрос на услуги добровольного страхования;
- самостоятельные факторы развития экономики региона, влияющие на РСР. Существенным и значимым для развития РСР является такой фактор как экономический и финансовый потенциал региона. Страховая услуга характеризуется эластичным спросом, поэтому стабильный спрос на нее по видам имущественного и личного страхования проявляется в регионах с устойчивым экономическим потенциалом. В депрессивных регионах, напротив, распространено, преимущественно, обязательное страхование, а также страхование, сопутствующее банковским кредитным продуктам.

В целом выявление диспропорций развития РСР и региона предполагает определение всех значимых стимулирующих и сдерживающих факторов развития РСР, определяемых тем, что, с одной стороны, РСР является сегментом всего российского страхового рынка, а с другой, он является отраслевым сектором экономики региона.

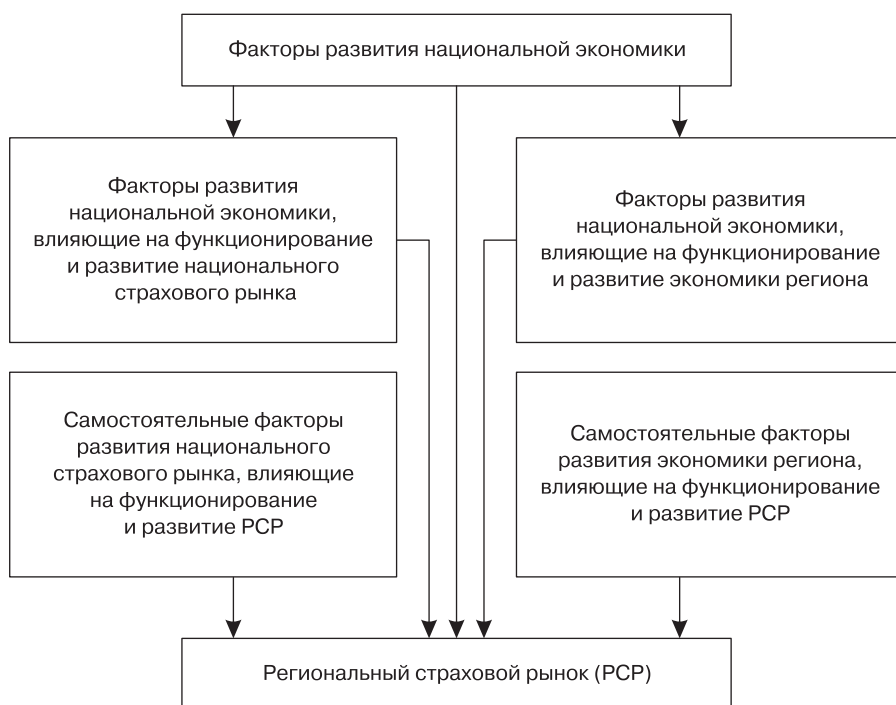

Рис. 2. Схема влияния факторов на функционирование и развитие регионального страхового рынка

Fig. 2. Scheme of the influence of factors on the functioning and development of the regional insurance market

В целях повышения эффективности функционирования РСР по первому критерию необходима оценка влияния на РСР выявленных факторов и на ее основе разработка и внедрение управленческих решений. Они (управленческие решения) должны быть направлены на снижение найденных диспропорций за счет усиления воздействия на РСР положительных факторов и снижения или устранения воздействия на РСР сдерживающих (отрицательных) факторов.

При разработке управленческих решений необходимо принимать во внимание то, что непосредственному управлению поддаются не все факторы.

Примером является фактор природно-климатических и географических особенностей региона. Сам фактор, в общем случае, не поддается непосредственному воздействию на него, однако на развитие региона он оказывает существенное влияние. Если природно-климатические и географические особенности региона сдерживают его развитие, например, за счет тяжелого климата, а РСР не предоставляет страховую защиту от экологических рисков, имеет место диспропорция между развитием региона, требующего защиты от природно-климатических рисков, и функционированием РСР, не предоставляющим ее. Выявленная диспропорция может быть уменьшена или ликвидирована за счет освоения региональным страховым рынком, например, экологического страхования. Эта мера будет способствовать повышению эффективности функционирования РСР по первому критерию, так как будет означать повышение соответствия между потребностью региона в страховой защите и страховыми услугами, предоставляемыми региональным страховым рынком.

Факторы функционирования и развития РСР, обусловленные двойной ролью РСР, можно рассматривать как внешние, так как они влияют на РСР как самостоятельный хозяйствующий объект извне. Поэтому повышение эффективности функционирования РСР по достижению им соответствия между услугами, предоставляемыми РСР, и потребностями в них региона, осуществляемое за счет снижения диспропорций между РСР и регионом, должно осуществляться за счет управления факторами, являющимися внешними по отношению РСР.

Факторы, диспропорции развития РСР как самостоятельного хозяйствующего субъекта, управление ими

Как самостоятельный хозяйствующий субъект РСР заинтересован в положительных результатах своей собственной деятельности, описываемых качеством и стоимостью предоставляемых региональным страховым рынком страховых услуг (вторая стратегическая цель функционирования и развития РСР). Несоответствие предоставляемых РСР услуг эталонным отражает диспропорции в функционировании РСР как самостоятельного хозяйствующего субъекта. Поэтому факторы функционирования и развития РСР, влияющие на качество и стоимость страховых услуг, предоставляемых самим РСР, можно рассматривать как внутренние.

Второй критерий эффективности функционирования РСР предполагает отбор эталонных значений показателей страховой деятельности, с которыми должны сравниваться показатели деятельности рассматриваемого региона. При определении диспропорций в функционировании и развитии собственно РСР в качестве эталонных могут быть выбраны, например, средние или лучшие значения этих показателей по всей страховой отрасли. Диспропорции в развитии РСР также могут быть выявлены на основе сравнительного анализа значений тех показателей деятельности страховщиков разных регионов, которые прямо или косвенно влияют на качество и стоимость страховых услуг, предоставляемых региональным страховым рынком.

Для выявления диспропорций в развитии РСР как самостоятельного хозяйствующего объекта могут использоваться различные показатели страховой деятельно-

сти — затраты, прибыль, количество заключаемых договоров, рентабельность и т. д. Сравнение реальных значений этих показателей с эталонными даст возможность выявить диспропорции, уточнить факторы, влияющие на их наличие, а также выработать управленческие решения по снижению или устранению этих диспропорций.

Тем не менее, среди всех используемых для сравнения показателей можно назвать один очень значимый — убыточность страховых операций. Этот показатель, рассчитанный для любого отдельного региона, в интегрированном виде учитывает практически все аспекты деятельности РСР как самостоятельного хозяйствующего субъекта. В сделанных страховых выплатах и полученных страховых премиях по сути дела косвенно отражаются все аспекты деятельности регионального страхового рынка — стоимость, уровень затрат и качество страховых услуг. Сравнение же значений этого показателя по регионам дополнительно позволяет ранжировать регионы по значению эффективности РСР, измеряемой по второму критерию (качество и стоимость услуг, предоставляемых регионом, должно отвечать их эталонным, лучшим значениям).

На рис. 3 в территориальном разрезе (по федеральным округам) представлено соотношение страховых выплат и страховых премий.

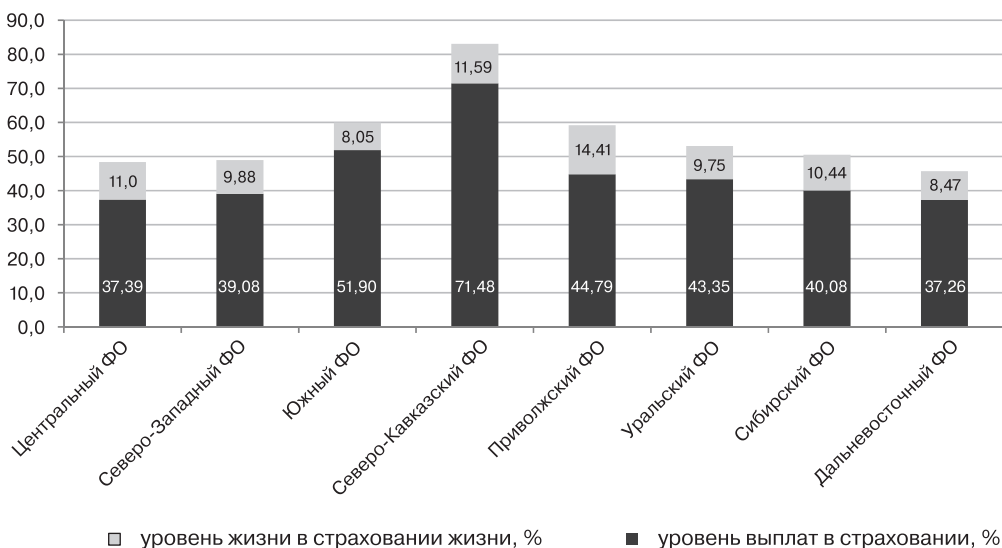

Рис. 3. Убыточность страховых операций (соотношение страховых выплат и страховых премий) по федеральным округам РФ

Fig. 3. Loss of insurance operations (ratio of insurance payments and insurance premiums) by federal districts of the Russian Federation

Составлено по данным: Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru>

Из диаграммы рис. 3 следует, что по уровню эффективности функционирования регионального страхового рынка, как самостоятельного хозяйствующего субъекта, которая оценивается показателем убыточности, рассчитанным по всем видам страхования сразу, региональные страховые рынки упорядочиваются следующим образом: Дальневосточный ФО (убыточность 37,26%), Центральный ФО (убыточность 37,39%), Северо-Западный ФО (убыточность 39,08%), Сибирский ФО (убыточность 40,08%), Уральский ФО (убыточность 43,35%), Приволжский ФО (убыточность 44,79%), Южный ФО (убыточность 51,90%), Северо-Кавказский ФО (убыточ-

ность 71,48%). Большое значение соотношения страховых выплат и страховых премий в СКФО (71,5%) иллюстрирует очень высокую убыточность страховых операций, что означает низкую эффективность функционирования этого регионального рынка как самостоятельного хозяйствующего субъекта.

Аналогично могут быть построены рейтинги региональных страховых рынков по уровню их эффективности, оцениваемому другими показателями — например, убыточностью операций по страхованию жизни или по любому другому виду страхования.

В качестве РСР могут рассматриваться не только укрупненные регионы — Федеральные округа, но и субъекты, входящие в него.

При этом интегральным показателем эффективности функционирования РСР как самостоятельного хозяйствующего субъекта помимо традиционной убыточности страховых операций может быть взят, например, индекс I, рассчитанный как отношение значения убыточности регионального страхового рынка оцениваемого субъекта, входящего в определенный ФО, к значению убыточности, рассчитанному по всему российскому страховому рынку. Ниже эта возможность проиллюстрирована на примере субъектов, входящих в Центральный Федеральный округ (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели убыточности страховых операций субъектов,
входящих в Центральный Федеральный округ**

Table 1. Indicators of loss-making insurance operations
of entities within the Central Federal District

Регионы РФ	Убыточность страховых операций на РСР по субъектам ЦФО (%)	Индекс убыточности I, рассчитываемый для субъектов ЦФО
РФ	39,88	1,00
Центральный ФО	37,39	0,94
Рязанская обл.	26,29	0,66
Тульская обл.	29,70	0,74
Брянская обл.	29,82	0,75
Калужская обл.	30,14	0,76
Ярославская обл.	36,01	0,90
Орловская обл.	36,31	0,91
Тверская обл.	36,48	0,91
Москва	37,23	0,93
Костромская обл.	37,23	0,93
Смоленская обл.	37,24	0,93
Владимирская обл.	37,28	0,93
Тамбовская обл.	38,12	0,96
Белгородская обл.	38,53	0,97
Московская обл.	38,97	0,98
Курская обл.	40,12	1,01
Воронежская обл.	45,93	1,15
Липецкая обл.	57,10	1,43
Ивановская обл.	60,24	1,51

Убыточность рассчитана по данным: Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 20.02.2020). Индекс убыточности рассчитан авторами.

Использование наряду с убыточностью, измеряемой традиционно (отношение страховых выплат к страховым премиям), предложенного индекса имеет свои особенности. В качестве эталона взято значение среднероссийского индекса, равное единице. Фактические значения индекса, рассчитанные по субъектам, отклоняются от единицы. Они иллюстрируют уровень эффективности функционирования РСР отдельного субъекта относительно эффективности всего национального страхового рынка. Так, из таблицы видно, что большую эффективность имеют региональные страховые рынки субъектов вверху списка, а меньшую — субъекты внизу списка.

Использование индекса дает более наглядное представление о диспропорциях в эффективности региональных страховых рынков, функционирующих как самостоятельные хозяйствующие субъекты, и позволяет выделить РСР с большей или меньшей их эффективностью, измеряемой вторым критерием.

Повышение эффективности функционирования РСР как самостоятельных хозяйствующих объектов предполагает:

- выявление факторов, влияющих на результаты страховой деятельности в регионе,
- деление выявленных факторов на группы — стимулирующие и сдерживающие,
- разработку управленческих решений, направленных на снижение или устранение выявленных диспропорций за счет усиления влияния стимулирующих факторов и/или элиминирования воздействия сдерживающих факторов.

Внедрение разработанных управленческих решений будет способствовать повышению эффективности функционирования РСР, определяемой вторым критерием, по которому значения показателей деятельности функционирования РСР должны соответствовать их эталонным значениям.

Риски функционирования и развития региональных страховых рынков и управление ими

Все факторы развития РСР по направлению своего воздействия на РСР разделены на три большие группы — положительные, стимулирующие развитие РСР, отрицательные, сдерживающие его и факторы, изменяющие направление своего влияния.

Для снижения выявленных диспропорций необходима разработка и внедрение управленческих решений, направленных на усиление положительного и снижения отрицательного воздействия этих факторов на РСР.

Среди положительных факторов функционирования и развития РСР можно выделить те, которые на РСР оказывают уже известное положительное воздействие, и те, которые могут быть усилены за счет дополнительных управленческих решений.

Среди отрицательных факторов функционирования и развития РСР можно выделить те, негативное (сдерживающее) влияние которых уже проявляется, и те, отрицательное воздействие которых еще только может проявиться. Именно поэтому последние (факторы) могут быть описаны соответствующими рисками — рисками отрицательных (сдерживающих) факторов функционирования и развития РСР.

Управление отрицательными факторами различает две ситуации. В первом случае управленческие решения должны быть направлены на устранение уже известных последствий влияния отрицательных (сдерживающих) факторов, а во втором — на предотвращение реализации рисков отрицательных (сдерживающих) факторов функционирования и развития РСР.

Двойственная роль РСР определяет следующую специфику их функционирования.

Риски функционирования и развития национальной экономики, а также риски национального страхового рынка являются одинаковыми для всех региональных рынков РФ. В то же время региональные риски функционирования и развития различных

субъектов РФ могут быть разделены на две группы — общие для всех регионов и специфические для каждого региона или для отдельной группы регионов.

Естественно, что на перечень региональных рисков существенное влияние оказывает уровень и специфика социально-экономического развития самого региона. В табл. 2 дан пример значимых региональных рисков, характерных для Республики Хакасия. Этот выбор обусловлен спецификой данного региона — удаленностью от центра страны, преобладанием добывающей промышленности, особыми природно-климатическими условиями, а также техногенными и экологическими рисками. Регион является дотационным, с низкой бюджетной обеспеченностью и уровнем жизни. Доля страхового рынка Хакасии в структуре Сибирского федерального округа по сумме страховых премий составляет всего лишь 2%.

Таблица 2

**Значимые региональные риски и приоритетные виды страхования
на примере Республики Хакасия**

Table 2. Significant regional risks and priority types of insurance
on the example of the Republic of Khakasia

Значимые риски региона		Приоритетные виды страхования
Наименование рисков	Отрицательные факторы как источники риска	
1	2	3
Финансовые	- Низкая бюджетная обеспеченность; - ограниченный налоговый потенциал; - низкая эффективность финансовых рынков; - неплатежеспособность региональных субъектов	- Страхование предпринимательских рисков; - страхование финансовых рисков; - страхование кредитных операций; - страхование недвижимости от огня и стихийных бедствий
Экономические	- Моноотраслевая структура экономики; - преобладание добывающей промышленности	- Страхование производственных рисков; - страхование ответственности ОПО
Внешнеэкономические	Преобладание сырьевого экспорта	- Страхование экспортно-импортных операций; - страхование транспортных рисков и грузов
Экологические	- Деятельность угольных и металлургических предприятий; - деятельность ГЭС	- Страхование экологических рисков; - добровольное медицинское страхование работников и других жителей; - страхование жизни; - страхование от несчастных случаев
Инвестиционные	- Отсутствие организационной и финансовой поддержки инвесторов; - низкая эффективность малого бизнеса	- Страхование предпринимательских рисков; - страхование инвестиций и строительных рисков

1	2	3
Туристические	Слабо развитая туристическая инфраструктура и сезонность	Страхование туризма
Природно-естественные	Подверженность стихийным бедствиям (подтопления, пожары)	• Страхование имущества граждан и предприятий от огня и стихийных бедствий; • страхование жизни; • страхование от несчастных случаев
Техногенные	• Потенциальная зона затопления ГЭС; • проведение взрывных работ на предприятиях добывающей промышленности	• Страхование ответственности ОПО; • страхование производственных рисков; • страхование от несчастных случаев; • страхование жизни
Сельскохозяйственные	• Риски гибели урожая в результате стихийных бедствий и погодных условий; • сезонный характер производства	Страхование урожая от неблагоприятных погодных условий и стихийных бедствий
Социальные	• Зависимость занятости от структуры экономики; • низкий уровень социальной защиты; • приток мигрантов из других стран	• Накопительное страхование жизни; • страхование от несчастных случаев; • страхование жизни

Составлено авторами

Как уже отмечалось, направлением повышения эффективности РСР, отражающей степень соответствия объема и перечня страховых услуг, предлагаемых региональным страховым рынком, потребности региона в этих услугах (первый критерий эффективности), является принятие необходимых управленческих решений.

Снижение региональных рисков как направление повышения эффективности, прежде всего, возможно за счет освоения и развития видов страхования, приоритетных для данного региона (табл. 2). Именно в этом будет проявляться не только развитие РСР как такового, но и влияние его (РСР) на социально-экономическое развитие самого региона.

Как показал анализ, приоритетные виды страхования условно можно разделить на две группы:

- *виды страхования, стимулирующие развитие экономики региона:* страхование производственных рисков; страхование ответственности опасных промышленных объектов; страхование имущества предприятий от огня и стихийных бедствий; сельскохозяйственное страхование и др.;
- *социально значимые виды страхования:* страхование имущества граждан от огня и стихийных бедствий; страхование экологических рисков; добровольное медицинское страхование; накопительное страхование жизни и др.

Развитие приоритетных видов страхования будет способствовать усилению защиты региона от рисков, значимых для него, и снижению диспропорций в развитии

РСП и региона. В свою очередь снижение этих диспропорций будет уменьшать несоответствие развития РСП потребностям региона в страховой защите и тем самым будет отвечать повышению эффективности РСП, измеряемой по первому критерию.

О соотношении управления факторами и рисками. Управление факторами связано с уже известным положительным или отрицательным их воздействием на функционирования и развития РСП. Управление рисками отрицательных (сдерживающих) факторов функционирования и развития РСП направлено на предотвращение реализации возможных отрицательных факторов или на уменьшение ущерба при их реализации. Это означает, что в целях повышения эффективности РСП необходимо управление положительными и отрицательными факторами его функционирования и развития РСП, а также управление рисками отрицательных факторов.

Направления снижения диспропорций развития РСП и региона

Важнейшим направлением снижения диспропорций развития РСП и региона является разработка и освоение региональным страховым рынком видов страхования, приоритетных именно для рассматриваемого региона.

Помимо разработки приоритетных видов страхования снижению диспропорций развития РСП и региона и, как следствие, повышению эффективности РСП по первому критерию будет способствовать реализация управленческих решений, связанных со следующими, например, мерами:

- создание и развитие деятельности региональных страховых компаний, то есть компаний, зарегистрированных в конкретном субъекте РФ. Деятельность региональных страховщиков требует финансовой и организационной поддержки со стороны региональных органов власти. Это могут быть налоговые льготы по региональным налогам, а также участие правительства субъекта РФ в капитале. По итогам 2018 г. в 46 субъектах РФ не зарегистрированы собственные (региональные) компании, рынок представлен исключительно страховщиками из других (в основном центральных) регионов;
- регулирование ценовой политики страховщиков в целом и на региональном уровне. Прежде всего, необходимо законодательно установить коридоры значений страховых тарифов в тех видах добровольного страхования, которые характеризуются высокими показателями вариации убыточности в регионах. Это касается страхования жизни и жилья, а также имущества и ответственности организаций;
- стимулирование долгосрочного страхования жизни в регионах РФ. Прежде всего, страхование жизни требует детализированной нормативно-правовой основы, которая защищала бы интересы страхователей и застрахованных. В настоящее время данная проблема — отсутствие соответствующей нормативной базы — сохраняется в инвестиционном страховании жизни, которое сопровождается высокими рисками, обеспечивая среднюю доходность лишь чуть выше депозитной ставки. В то же время регулируемое развитие страхования жизни могло бы способствовать росту долгосрочных финансовых ресурсов в экономике региона, а также снижению инвестиционных и других финансовых рисков.

В целом снижение диспропорций развития РСП и региона благоприятно скажется не только на функционировании РСП, но и на развитии всего национального страхового рынка, рассматриваемого как совокупность всех региональных страховых рынков. Также оно положительно повлияет на социально-экономическом развитие региона.

Комплекс мероприятий по устранению возможных диспропорций в развитии региональных страховых рынков должен определяться как на федеральном, так и на региональном уровнях управления, в том числе в форме программ развития как федерального, так и региональных страховых рынков. При этом региональная программа развития страхования для конкретного региона должна учитывать особенности и приоритеты развития этого региона.

Что касается направлений снижения диспропорций функционирования РСР, обусловленных реализацией второй цели его развития — уровень качества и стоимости страховых услуг в регионе должен отвечать эталонным требованиям, необходимо отметить следующее. Проведенная в статье оценка подтвердила необходимость принятия мер в регионе, направленных на улучшение показателей самой страховой деятельности.

Выводы

Целями развития регионального страхового рынка как совокупности организаций, сфера деятельности которых распространяется на страховой рынок отдельного региона, являются, во-первых, предоставление региону социальной и финансовой защиты от рисков, которым он подвержен (первая стратегическая цель), и, во-вторых, предоставление региону должного (эталонного) качества и стоимости страховых услуг (вторая стратегическая цель).

Только достижение указанных целей позволяет рассматривать РСР как эффективный по первому критерию (реализация первой цели функционирования и развития РСР) и по второму критерию (реализация второй цели функционирования и развития РСР).

Степень несоответствия реального функционирования РСР эффективному, предполагающему реализацию этих целей, отражается в:

- диспропорциях развития регионального страхового рынка и соответствующего ему региона,
- диспропорциях между реальными значениями качества и стоимости страховых услуг, предлагаемых конкретным регионом, эталонным (например, средним или лучшим по отрасли).

Причиной появления и наличия названных диспропорций является воздействие на РСР различных факторов.

Так как РСР, с одной стороны, является сегментом национального страхового рынка, а с другой, сектором экономики региона, на него оказывают воздействие факторы, являющиеся внешними для него.

В то же время РСР функционирует как определенная хозяйственная система, подверженная влиянию внутренних факторов.

Все внешние и внутренние факторы имеют разную направленность воздействия на РСР — стимулирующие его развитие, сдерживающие его, а также факторы, которые при разных условиях на РСР могут оказывать различное влияние.

Выявленные отрицательные факторы можно разделить на две подгруппы — те, которые уже негативно влияют на функционирование и развитие РСР, и те, которые в настоящее время себя еще не проявляют, но могут проявиться в будущем.

Последние можно представлять как риски отрицательных факторов функционирования и развития РСР. Так как реализация таких рисков может сопровождаться тяжелыми негативными последствиями, управление ими, направленное на снижение таких последствий, является чрезвычайно важным.

Управление региональными рисками предполагает освоение и развитие видов страхования, приоритетных для рассматриваемого региона.

К числу возможных управленческих решений по снижению диспропорций функционирования РСР и региона, помимо освоения приоритетных для региона видов страхования, в статье отнесены другие управленческие решения. Это меры, направленные на снижение выявленных диспропорций, и, как следствие, способствующие повышению эффективности функционирования и развития РСР, соответствующего ему региона и всего национального страхового рынка.

Относительно диспропорций качества и стоимости страховых услуг, предоставляемых региональными страховыми рынками в разных регионах, их эталонным требованиям. На уровне любого РСР должны быть приняты меры и разработаны конкретные управленческие решения, направленные на улучшение показателей самой страховой деятельности.

Проведенное исследование показало, что целенаправленное управление выявленными диспропорциями развития регионального страхового рынка способно повысить эффективность функционирования регионального страхового рынка как по обеспечению соответствия уровня развития РСР потребностям региона в страховой защите, так и по обеспечению соответствия качества и стоимости страховых услуг, предоставляемых региональным страховым рынком, эталонным требованиям.

Литература

1. Алякина Д. П., Кайгородова Г. Н., Пыrkova Г. X. Особенности управления рисками региональной страховой компании // Казанский экономический вестник. 2018. № 2 (32). С. 12–18.
2. Белозеров С. А., Чернова Г. В., Калайда С. А. Современные факторы развития российского страхового рынка // Страховое дело. 2018. № 6. С. 31–35.
3. Воронцов П. Г. Влияние страховых компаний на развитие региональной экономики в РФ // Экономика и предпринимательство. 2014. №7. С. 279–285.
4. Ефимов О. Н., Кочубей И. А. Страховой рынок и страховой бизнес: проблема региональной дифференциации // Страховое дело. 2017. № 5. С. 13–19.
5. Калайда С. А., Чернова Г. В. Применение мирового опыта учета страховых рисков в деятельности российских страховщиков. Збірник матеріалів III Міжнародної науково-практичної конференції «Інноваційні напрямки звіткy страхового ринку України» 19–20 квітня 2016 р. Київ, КНЕУ. С. 134–137.
6. Кириллова Н. В. Совершенствование региональной страховой политики в 2018–2020 гг. // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 1. С. 83–88.
7. Орланюк-Малицкая Л. А. Региональное страхование: теоретический аспект // Страховое дело. 2017. № 9. С. 49–55.
8. Прокопьева Е. Л. Источники и механизмы повышения региональной эффективности страхования. Новосибирск: АНС «СибАК». 2018.
9. Рыбин В. Н., Скобелева И. П. Государственное регулирование страховой деятельности в регионах Российской Федерации на основе целевых показателей и индикаторов // Экономика и управление в XXI веке: наука и практика. 2015. № 2. С. 113–125.
10. Страхование и управление рисками: учебник для бакалавров / под ред. Г. В. Черновой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019.
11. Страхование и управление рисками: проблемы и перспективы: монография / под ред. С. А. Белозерова, Н. П. Кузнецовой. М. : Проспект, 2017.
12. Тарасова Ю. А., Восковская Е. С., Ярусова К. В. Оценка региональных рынков страхования и их влияние на российский страховой рынок // Страховое дело. 2018. № 10 (307). С. 36–53.
13. Чернова Г. В., Писаренко Ж. В., Кузнецова Н. П. Факторы, предпосылки и параметры финансовой конвергенции // Страховое дело. 2017. № 3. С. 3–13.
14. Blake D. Longevity risk and capital markets: The 2011–2012 Update // Journal of Risk and Insurance. 2013. Vol. 80. Is. 3. P. 495–500.
15. Gaganis C., Hasan I., Papadimitri P., Tasiou M. National culture and risk-taking: Evidence from the insurance industry // Journal of Business Research. 2019. Vol. 97. Is. 4. P. 104–116.

16. Kuznetsova N. P., Chernova G. V., Prokopjeva E. L., Boldyreva N. B. Governance of factors for the regional insurance market development (evidence from Russia) // Problems and Perspectives in Management. 2019. Vol. 17. Is. 3. P. 492–507.
17. Laux C., Muermann A. Financing risk transfer under management problems: mutual versus stock insurers // Journal of financial intermediation. 2010. Vol. 19. Is. 3. P. 333–354.
18. Mnykh M. V. Competition in the insurance market of Ukraine and the peculiarities of its control. Priority research areas Collection of scientific articles. 2017. P. 79–94.
19. Mohy ul din S., Regupathi A., Abu-Bakar A. Insurance effect on economic growth—among economies in various phases of development // Review of International Business and Strateg. 2017. Vol. 27. Is. 4. P. 501–519.
20. Njegomir V., Stojić D. Does insurance promote economic growth: The evidence from ex-Yugoslavia region // Ekonomika misao i praksa. 2010. P. 31–48.
21. Porrini D. Regulating big data effects in the European insurance market // Insurance Markets and Companies. 2017. Vol. 8. Is. 1–16. P. 6–15.
22. Zheng Hui, Zhao Xin. The dynamic relationship between insurance development and economic growth // New evidence from China's coastal areas. 2017. Vol. 11. Is. 5. P. 102–109.

Об авторах:

Халин Владимир Георгиевич, профессор кафедры информационных систем в экономике Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; v.halin@spbu.ru

Чернова Галина Васильевна, профессор кафедры управления рисками и страхования Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; g.chernova@spbu.ru

Прокопьева Евгения Леонидовна, доцент кафедры экономики и управления Хакасского технического института — филиала Сибирского Федерального университета (Абакан, Российская Федерация), кандидат экономических наук; evgenia-prokopjeva@yandex.ru

References

1. Alyakina D. P., Kaigorova G. N., Purkova G. H. Peculiarities of risk management of the regional insurance company // Kazan Economic Journal [Kazanskii ekonomicheskii vestnik]. 2018. № 2 (32). P. 12–18. (In rus)
2. Belozarov S. A., Chernova G. V., Kalayda S. A. Modern factors of development of the Russian insurance market // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2018. № 6. P. 31–35. (In rus)
3. Vorontsov P. G. The influence of insurance companies on the development of the regional economy in the Russian Federation // Economics and entrepreneurship [Ekonomika i predprinimatel'stvo]. 2014. № 7. P. 279–285. (In rus)
4. Efimov O. N., Kochubey I. A. Insurance market and insurance business: the problem of regional differentiation // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2017. № 5. P. 13–19. (In rus)
5. Kalayda S. A., Chernova G. V. Application of world experience in accounting for insurance risks in the activities of Russian insurers. Collection of materials of the III International Scientific and Practical Conference "Innovative Directions of Development of the Insurance Market of Ukraine" on April 19–20, 2016 Kiiv, KHEY. P. 134, 137. (432 p.) (In rus)
6. Kirillova N. V. Improvement of regional insurance policy in 2018, 2020 // Economics. Taxes. Law [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2018. V. 11. № 1. P. 83–88. (In rus)
7. Orlanyuk-Malitskaya L. A. Regional Insurance: Theoretical Aspect // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2017. № 9. P. 49–55. (In rus)
8. Prokopieva E. L. Sources and mechanisms of improvement of regional efficiency of insurance. Novosibirsk: ANS "SIBAC. 2018. 208 p. (In rus)
9. Rybin V. N., Skobeleva I. P. State regulation of insurance activities in the regions of the Russian Federation on the basis of targets and indicators // Economics and governance in the 21st century: science and practice [Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika]. 2015. № 2. P. 113–125. (In rus)
10. Insurance and risk management: textbook for bachelor 's degrees/G. V. Chernova [et al]; Under ed. of G. V. Chernova. M.: Urait, 2019. 767 p. (In rus)
11. Insurance and Risk Management: Problems and Prospects: Monograph / Arkhipov A. P., Bazanov A. N., Belozarov S. A. [et al]; Under ed. of S. A. Belozarov, N. P. Kuznetsova. Moscow: Prospect, 2017. 528 p. (In rus)

12. Tarasova Yu. A., Voskovskaya E. S., Yarusova K. V. Assessment of regional insurance markets and their impact on the Russian insurance market // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2018. № 10 (307). P. 36–53. (In rus)
13. Chernova G. V., Pisarenko Zh. V., Kuznetsova N. P. Factors, prerequisites and parameters of financial convergence // Insurance business [Strakhovoe delo]. 2017. № 3. P. 3–13. (In rus)
14. Blake D. Longevity risk and capital markets: The 2011–2012 Update // Journal of Risk and Insurance. 2013. Vol. 80. Is. 3. P. 495–500.
15. Gaganis C., Hasan I., Papadimitri P., Tasiou M. National culture and risk-taking: Evidence from the insurance industry // Journal of Business Research. 2019. Vol. 97. Is. 4. P. 104–116.
16. Kuznetsova N. P., Chernova G. V., Prokopjeva E. L., Boldyreva N. B. Governance of factors for the regional insurance market development (evidence from Russia) // Problems and Perspectives in Management. 2019. Vol. 17. Is. 3. P. 492–507.
17. Laux C., Muermann A. Financing risk transfer under management problems: mutual versus stock insurers // Journal of financial intermediation. 2010. Vol. 19. Is. 3. P. 333–354.
18. Mnykh M. V. Competition in the insurance market of Ukraine and the peculiarities of its control. Priority research areas Collection of scientific articles. 2017. P. 79–94.
19. Mohy ul din, S., Regupathi, A., Abu-Bakar, A. Insurance effect on economic growth—among economies in various phases of development // Review of International Business and Strateg. 2017. Vol. 27. Is. 4. P. 501–519.
20. Njegomir V., Stojić D. Does insurance promote economic growth: The evidence from ex-Yugoslavia region // Ekonomska misao i praksa. 2010. P. 31–48.
21. Porrini D. Regulating big data effects in the European insurance market // Insurance Markets and Companies. 2017. Vol. 8. Is. 1–16. P. 6–15.
22. Zheng Hui, Zhao Xin. The dynamic relationship between insurance development and economic growth // New evidence from China's coastal areas. 2017. Vol. 11. Is. 5. P. 102–109.

About the authors:

Vladimir G. Khalin, Professor of the Chair of Information Systems in Economics of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; v.halin@spbu.ru

Galina V. Chernova, Professor of the Chair of Risk management and Insurance of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economic), Professor; g.chernova@spbu.ru

Evgenia L. Prokopjeva, Associate Professor of the Chair of Economics and Management of Khakass technical Institute — branch of Siberian Federal University, Associate Professor; evgenia-prokopjeva@yandex.ru

Стратегическое сотрудничество Китая с Россией в области развития трудовых ресурсов

Новикова И. В.^{1, *}, Яо Ли²

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *NovikovaIV5@gmail.com

² Шанхайский университет, Шанхай, Китайская Народная Республика

РЕФЕРАТ

Глобальная конкуренция требует инноваций, которые в свою очередь обусловлены человеческим фактором. Трудовые ресурсы являются основой и предпосылкой для развития страны, поэтому стратегия конкуренции за трудовые ресурсы становится все более важной для развития предприятий или стран. С углублением глобальной экономической интеграции, благодаря политическим и экономическим географическим преимуществам и взаимодополняемости между Китаем и Россией с точки зрения производственных факторов, обе стороны постоянно усиливают взаимодействие. Трудовое сотрудничество является важным фактором, дефицит рабочей силы на российском Дальнем Востоке и в Сибири может быть закрыт трудовыми ресурсами Китая. Для развития северных районов Китая, Северо-восточное промышленное сотрудничество с Дальним Востоком и Сибирью является для него главным приоритетом. Для более эффективного взаимодействия двух стран необходима единая стратегия развития трудовых ресурсов Китая и России.

Ключевые слова: трудовые ресурсы, стратегия, Китай, Россия, трудовое сотрудничество

Для цитирования: Новикова И. В., Яо Ли. Стратегическое сотрудничество Китая с Россией в области развития трудовых ресурсов // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 60–67.

China-Russia Strategic Cooperation in Labour Development

Irina V. Novikova^{1, *}, Yao Li²

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *NovikovaIV5@gmail.com

² Shanghai University, Shanghai, People's Republic of China

ABSTRACT

Global competition requires innovation, which in turn is driven by a human factor. Labor resources are a prerequisite for the development of a country; therefore, a competition strategy for labor resources is becoming increasingly important for the development of enterprises or countries. With the deepening of global economic integration, thanks to political and geographical advantages and the possibility of increased political cohesion between China and Russia in terms of production factors, both sides are constantly strengthening cooperation. Labor cooperation is an important factor; labor shortages in the Russian Far East and Siberia may be closed by China's labor resources. For the development of the northern regions of China, Northeast industrial cooperation with the Far East and Siberia is his top priority. For a more effective interaction between the two countries, a unified labor development strategy is necessary and are the basis of the economic resources of China and Russia.

Keywords: labor resources, strategy, China, Russia, labor cooperation

For citing: Novikova I. V., Yao Li. China-Russia Strategic Cooperation in Labour Development // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 60–67.

Введение

Российские и китайские ученые [2, с. 5–11]¹ считают, что основная конкуренция в XXI в. будет за трудовые ресурсы. По мнению Тан Майн², необходимо использовать такие модели управления человеческими ресурсами, которые могут гарантировать, что организация станет обладать конкурентными преимуществами и достигнет устойчивого развития. Деганг³ при исследовании продвижения западного развития и реализации стратегии «Шелкового пути экономических поясов» Китая, выделяет талант как самый важный стратегический ресурс. В настоящее время, с появлением индустрии 4.0, больших данных, интернета и искусственного интеллекта, цифровые технологии постепенно заменяют традиционные человеческие ресурсы. Автоматизация, интеллектуализация машин значительно снижает зависимость от человеческих ресурсов. Рутинная и сложная работа заменяется машинами, устраняя неэффективный труд в прошлом, но требуя при этом более производительных трудовых ресурсов. Поэтому интеллектуальный труд становится новым видом труда⁴, а экономика знаниеинтенсивной [1; 2].

Трудовые ресурсы являются фактором, который нельзя игнорировать в развитии страны и общества. Количество и качество рабочей силы оказывают большое влияние на экономическое развитие страны. В связи с этим особенно актуальным становится разработка стратегии развития трудовых ресурсов на национальном, региональном и межгосударственном уровнях [5].

Методология

В целях сопоставимости и прозрачности стратегий, а следовательно, их эффективности и результативности для всех заинтересованных субъектов, они должны быть разработаны по единой методологии. В 2019 г. за цикл работ по теории стратегии и методологии стратегирования Иностранный член РАН, академик, д. э. н., профессор В. Л. Квинт был награжден самой высокой в России научной наградой — Премией им. М. В. Ломоносова I степени. Также в 2019 г. монография В. Л. Квинта «Теория стратегирования» [3] стала «Экономической книгой года — 2019». Работы Владимира Львовича переведены на многие языки, изданы в разных странах, и по ним учатся студенты по всему миру. В данной статье для определения стратегических направлений сотрудничества России и Китая по развитию трудовых ресурсов используется методология стратегирования В. Л. Квинта.

Результаты

Китай

После 19-го Национального конгресса Китай официально вступил в новую эру. Переход Китая от плановой экономики к рыночной сопровождался изменением стратегии развития трудовых ресурсов от идей марксизма-ленинизма, до идей

¹ См. также: Тан Майн. Трансформация и инновации: от управления человеческими ресурсами к стратегическому управлению трудовыми отношениями // Сюэ Хай. 2013. № 5. С. 56–60. (唐簾. 转型与创新:从人力资源管理到战略劳动关系管理[J]. 学海, 2013(05):56-60).

² Там же.

³ Деганг У., Дэн Йочао. Стратегическое исследование в области развития людских ресурсов в Западной Китае // Исследования в области образования. 2015. № 36 (04). С. 33–41. (吴德刚, 曾天山, 邓友超. 我国西部地区人才资源开发战略研究[J]. 教育研究, 2015, 36(04):33-41).

⁴ Вей Лин. Содействие совершенствованию конструкции «Пояса и дороги» с помощью искусственного интеллекта на основе политической экономики Маркса // Журнал Северо-Западного университета (Философия и социальные науки). 2019. № 49 (03). С. 151–158. (卫玲. 以人工智能推进“一带一路”建设的提质升级—基于马克思政治经济学的思考[J]. 西北大学学报(哲学社会科学版), 2019, 49(03):151-158).

Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина. В настоящее время модель развития трудовых ресурсов Китая сместилась с «институциональные изменения + отраслевая ориентация» на «переобучение трудовых ресурсов»¹. Сходство Китая и России заключается в том, что основная цель, на которой основаны их стратегии, заключается в повышении качества и уровня жизни людей и укреплении страны, инновационном развитии и формировании постиндустриального общества. Разница заключается в том, что Россия полностью отказалась от социалистической модели, Китай строит Дорогу к социализму с китайскими характеристиками².

В Китае разрабатываются стратегии на разных уровнях: глобальном, национальном и региональном. Глобальная стратегия включает семь стратегических этапов. В начале 1990-х гг. Дэн Сяопин перешел к новой стратегии безопасности. Целью глобальной стратегии стало строительство прочного мира и общее процветание. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с докладом о стратегии новой эры, построенной на основе «пяти принципов мирного сосуществования», «мирного развития и содействия строительству процветающего человеческого сообщества». В рамках национальной стратегии, Китай регулярно проводит мониторинг и анализирует каждый следующий пятилетний план. С точки зрения долгосрочной стратегии, в 1987 г. Дэн Сяопин предложил «трехэтапную» стратегию модернизации, а в 19-м докладе за 30-й год (2017 г.) было предложено «трехэтапное» стратегическое разветвление построения социалистической обновленной державы. На 18-м Национальном конгрессе Китай сосредоточился на продвижении общей схемы «пять в одном» и «четыре всеобъемлющих» стратегических плана. В 13-й пятилетке в отчете предложены четырнадцать основных стратегий. В 2017 г. была предложена реализация «Стратегии здорового Китая». В 19-м докладе Конгресса, Си Цзиньпин заявил о стратегии на двести лет, которая будет включать семь основных стратегий, в том числе стратегию омоложения страны с помощью науки и образования и стратегию укрепления страны с помощью талантов. В региональной стратегии «13-я пятилетка» описывает реализацию «четырех основных секторов» и «трех основных стратегий». Среди «трех основных стратегий» дипломатическая стратегия — это стратегия «Один пояс, один путь» (это сокращение от «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской шелковый путь XXI века»), которая охватывает Центральную Азию, Южную Азию, Западную Азию и Юго-Восточную Азию. Европейский сектор, способствующий упорядоченному и свободному потоку экономических факторов и эффективному распределению ресурсов, является стратегической концепцией, предложенной Си Цзиньпином в 2013 г. (см. табл.).

Стратегия трудовых ресурсов Китая

С 1990-х гг. для того, чтобы создать благополучное общество, Китай начал разрабатывать стратегию трудовых ресурсов, направленную на трудоустройство занятых сельским хозяйством. Вступление в ВТО, миграция сельской рабочей силы в города привели к дисбалансу между спросом и предложением на рынке труда. В современной экономике знаний растут затраты на трудовые ресурсы, и основной тенденцией является диверсификация рабочей силы. Ранее недорогая рабочая сила являлась сравнительным преимуществом экономического развития Китая, а также внутренней движущей силой его экономического развития. Постепенно

¹ Китай меняет мир с точки зрения экономики, технологий и ценностей [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1589746018509056027&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 20.02.2020).

² Лянцзао Ю. Эволюция России и знамя ленинизма // Исследование марксизма. 2001. № 02. С. 31–38. (俞良早. 俄罗斯演变与列宁主义旗帜[J]. 马克思主义研究, 2001(02):31-38).

Стратегическая система Китая
Table. Strategic system of China

Вид стратегии	Основное содержание
Глобальная стратегия	• Мирное развитие и создание сообщества человеческого процветание.
Национальная стратегия	• Общая схема «пять в одном» и «четыре всеобъемлющих» стратегических плана в докладе 18-го Национального конгресса; • Четырнадцать основных стратегий в отчете 13-й пятилетки и «трехэтапная» стратегия Дэн Сяопина; • Семь стратегий в отчете 19-го Национального Конгресса.
Региональная стратегия	• Лидерство восточного района, развитие западного района, возрождение северо-восточного района и подъем центрального района. • «Один пояс — один путь» (совместное развитие Пекин — Тяньцзинь — Хэбэй и развитие экономического пояса Янцзы)

демографический дивиденд иссяк. В настоящее время структура труда в Китае претерпела огромные изменения, а такие технологии, как большие данные, мобильные приложения и интернет, предъявляют повышенные требования к качеству трудовых ресурсов. Поэтому стратегия развития трудовых ресурсов Китая направлена на решение проблемы низкой производительности труда, выявление и поддержку отдельных талантов¹.

Для формирования среднего класса, строительства новой деревни и гармоничного общества, Китаю необходимо использовать «стратегию сильных человеческих ресурсов». Например, пекинский «Проект Хайчжу», «Цзянсу», «Двойной Чуан», «Программа ста талантов» Шэньси, «Программа талантов Жемчужной реки» Гуандуна и т. д.²

Россия

С начала 1990-х гг. переход от плановой экономики к рыночной привел к депрессии, росту безработицы и одновременно к значительной «утечке умов». Дефицит рабочей силы не только серьезно ограничил экономическое развитие, но и удержал Россию в демографическом кризисе. Чрезвычайно низкий уровень рождаемости в России и высокая смертность привели к резкому сокращению количества рабочей силы, а численность населения трудоспособного возраста начала снижаться в 2010 г.³

Особенно это негативно отразилось на регионах Дальнего Востока и Сибири, которые характеризуются депопуляцией, но при этом очень богаты природными

¹ Национальные игры 2011-2020 гг. Стратегические возможности и вызовы Китая в следующем десятилетии (6) [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/GB/14031809.html> (дата обращения: 20.02.2020).

² Тан Майн. Трансформация и инновации: от управления человеческими ресурсами к стратегическому управлению трудовыми отношениями // Сюэ Хай. 2013. № 5. С. 56–60. (唐鑑. 转型与创新:从人力资源管理到战略劳动关系管理[J]. 学海, 2013(05):56-60).

³ Пэн Вэньцин. Влияние российского демографического кризиса на экономику и ее контрмеры // Синьцзян (Социальные науки). 2011. № 3. С. 65–68. (彭文进. 俄罗斯人口危机对经济的影响及其应对措施[J]. 新疆社会科学, 2011(03):65-68).

ресурсами. Для изменения ситуации на данных территориях в России разработаны и реализуются многочисленные стратегии развития, которые в большинстве случаев неэффективны и малорезультативны [5].

В целом, с точки зрения стратегии развития трудовых ресурсов, Россия реализует следующие меры. На национальном уровне, ориентируясь на увеличение доли молодых талантов¹, развивает высококвалифицированный персонал, увеличивает инвестиции в образование, совместную подготовку с ведущими мировыми университетами². Одновременно осуществляется пенсионная реформа, в том числе увеличен возраст выхода на пенсию для того, чтобы учесть тенденцию старения населения. На региональном уровне в трудодефицитных районах осуществляются меры по удержанию населения на территории, а в трудоизбыточных — стимулирование переселения и трудовую миграцию [4].

Стратегическое сотрудничество между Китаем и Россией по развитию трудовых ресурсов

Китай и Россия — крупнейшие по площади государства на евразийском континенте. Широкомасштабное сотрудничество в сфере трудовых отношений между Китаем и Россией началось в конце 1980-х гг.³ Трудовая кооперация включает в себя четыре формы подрядных строительных проектов, сельскохозяйственную трудовую кооперацию, животноводческую трудовую кооперацию и совместную заготовку лесов и минеральных ресурсов⁴. С момента подписания в 2001 г. «Договора о добрососедстве и дружбе между Китаем и Россией» в мае 2014 г. Китай и Россия утвердили «Совместное заявление о новом этапе российско-китайского всеобъемлющего стратегического партнера». После распада Советского Союза численность населения России продолжает сокращаться, трудовые ресурсы становятся все более скудными. Демографический кризис на Дальнем Востоке сдерживает экономическое развитие и угрожает национальной безопасности [6, с. 26–31], в то время как численность населения Китая продолжает расти, а потенциал его трудовых ресурсов чрезвычайно богат. Китай и Россия имеют высокую взаимодополняемость в сфере труда, дефицит рабочей силы на рынках Дальнего Востока и Сибири может быть компенсирован избыточной рабочей силой Китая. Кроме того, более 80% российских минеральных ресурсов распределяется в Сибири и на Дальнем Востоке. Правительство России рассматривает этот регион в качестве опоры для его экономического развития, и трудовые ресурсы являются одним из важных факторов экономического роста⁵. Поэтому развитие Дальнего Востока и

¹ Чунуан. Реализация Talent стратегии России и университетов // Высшие исследования. 2013. № 31. С. 21–23. (单春艳. 俄罗斯高校人才战略的实施及其启示[J]. 黑龙江高教研究, 2013,31(01):21-23).

² Скуй Полинг. Новая национальная стратегия развития России // International Economic Review, 2012. № 3. С. 45–58. (徐坡岭. 俄罗斯国家发展新战略[J]. 国际经济评论, 2012(03):45-58).

³ Лей Липин, Чжу Сюэзе. Кризис народонаселения на Дальнем Востоке России и китайско-российское трудовое сотрудничество // Population Journal. 2011. № 5. С. 66–73. (雷丽平, 朱秀杰. 俄罗斯远东地区人口危机与中俄劳务合作[J]. 人口学刊, 2011, (05):66-73).

⁴ Сунь Сяньминь, Цзэн Юн. Анализ эффекта взаимосвязи между возрождением старых промышленных баз в Северо-Восточном Китае и развитием Дальнего Востока России – на основе перспективы взаимосвязи экономического роста между Китаем и Россией // Обучение и исследование. 2017. № 4. С. 135–140. (孙先民, 曾勇. 东北老工业基地振兴与俄罗斯远东开发联动效应分析——基于中俄毗邻地区经济增长联动的视角[J]. 学习与探索, 2017(04):135-140).

⁵ Лю Цинцай, Лю Тао. Стратегия развития Дальневосточного региона России и китайско-российского регионального сотрудничества на фоне западных санкций // Форум Северо-Восточной Азии. 2015. № 24 (03). С. 84–93. (刘清才, 刘涛. 西方制裁背景下俄罗斯远东地区发展战略与中俄区域合作[J]. 东北亚论坛, 2015, 24(03):84-93).

Сибири стало одной из приоритетных национальных стратегий развития России, а расширение сотрудничества в сфере труда является одним из важных способов эффективного смягчения замедления экономического развития.

1. Китайская стратегия «Один пояс, один путь», российская программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» и стратегия «Евразийский экономический союз»

Китайская стратегия «Один пояс, один путь» из «Трех основных стратегий» и российская программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» во многом дополняют друг друга. В конце марта 2015 г. Национальная комиссия по развитию и реформам, Министерство иностранных дел и Министерство торговли Китая определили «Видение и меры», направленные на продвижение совместного строительства экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века¹. Вице-министр образования Лю Лимин сказал, что у него есть стратегическая идея — «развитие русского языка». Поэтому два из трех маршрутов Великого шелкового пути связаны с русским языком, один из которых пролегает через Россию в Европу. Стратегия «Один пояс, один путь» открывает новые возможности для подготовки русскоязычных кадров в Китае². В мае 2014 г. Китай и Россия достигли стратегического консенсуса по инициативе «Один пояс, один путь». В этот же период Россия подписала стратегию Евразийского экономического союза. В мае 2015 г. было принято Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по строительству Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. В апреле 2017 г. Шанхайская коммерческая комиссия подготовила «Руководство по найму рабочей силы инвестиционных предприятий в рамках инициативы «Один пояс, один путь»». В данном руководстве проводится всесторонний и подробный анализ рисков на российском рынке труда с точки зрения уровня образования, доступности и стоимости рабочей силы³.

Стыковка трех стратегий способствовала притоку трудовых ресурсов между Китаем и Россией, а также глубокому обмену талантами и технологиями.

2. Китайская стратегия возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая, Китайская стратегия выхода на глобальный рынок и Российская стратегия развития Дальнего Востока

До строительства Binhai № 1 и Binhai № 2 транспортная инфраструктура между Китаем и Россией была далека от удовлетворения потребностей двусторонней торговли между двумя странами⁴. Северо-восточный Китай является традиционной

¹ Видение и меры по содействию совместному развитию «Экономического пояса Шелкового пути и Морского шелкового пути XXI века» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/resume/n/201504/20150400929655.shtml> (дата обращения: 20.02.2020).

² Стратегия «Один пояс, одна дорога» открывает новые возможности для обучения китайско-российских талантов [Электронный ресурс]. URL: http://news.cri.cn/gb/42071/2015/05/20/6891s4969120_1.htm (дата обращения: 20.02.2020).

³ Шан Юэ. Новый российский раунд развития Дальнего Востока и китайско-российского сотрудничества // Современные международные отношения. 2018. № 7. С. 46–53. (尚月. 俄罗斯新一轮远东开发与中俄合作[J]. 现代国际关系, 2018(07):46-53).

⁴ Го Лянченг, Чжоу Юй, Ма Бин. Северо-Восточный Китай и транспортная сеть и экономические связи России на Дальнем Востоке // Форум Северо-Восточной Азии. 2017. № 26 (03). С. 72–83. (郭连成, 周瑜, 马斌. 中国东北地区与俄远东地区交通运输网络及城市群空间经济联系[J]. 东北亚论坛, 2017, 26(03):72-83).

старой промышленной базой с развитой тяжелой промышленностью. В целях оживления данной территории в 2003 г. Китай предложил стратегию оживления Северо-восточной старой промышленной базы, четко указав, что необходимо укреплять сотрудничество в области энергетики с Северо-Восточной Азией и Россией¹. В августе того же года правительство Китая опубликовало Программу возрождения северо-восточного региона, а в ноябре Российская Федерация опубликовала Федеральную целевую программу экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкальского края до 2013 г. После открытия Китайско-российского международного транспортного коридора Китая и Россия подняли свои стратегии до национального уровня. В сентябре 2009 г. Китай и Россия совместно приняли «Программу сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)», что ускорило процесс международной экономической интеграции Китая и России и способствовало усилению двустороннего экономического сотрудничества.

В дополнение к более значимому стратегическому сотрудничеству между Китаем и Россией в области традиционной рабочей силы, страны также активизировали сотрудничество в области развития интеллектуальных ресурсов². Китайско-российское сотрудничество в области образования началось в 1948 г. путем проведения научных обменов (обмена студентами, прием иностранных студентов и т. д.). Кроме того, китайско-российская сторона совместно создала «Университет ШОС», в котором проводятся соответствующие курсы русского и китайского языков.

Выводы и рекомендации

Российско-китайское трудовое сотрудничество после распада Советского Союза достигло значительного прорыва, стороны развернули активную стратегию сотрудничества в сфере труда.

Концепция взаимозависимости и взаимного доверия способствовала экономическому развитию России, особенно в восточной и сибирской областях, а также эффективному перераспределению избыточной рабочей силы в Китае и снижению давления на занятость.

Однако на пути российско-китайского сотрудничества по-прежнему остается ряд препятствий. Россия из-за опасений по поводу экономической и культурной безопасности ввела соответствующую политику ограничения въезда иностранных сотрудников, возникло предвзятое отношение к иностранным работникам. В Китае уровень образования и технический уровень знаний рабочих пока не сильно высок, что требует определенного внимания со стороны руководства государства.

В эпоху экономики знаний для современного сотрудничества в сфере труда необходимо, чтобы обе страны увеличили инвестиции в бюджетное образование, нарастили инвестиции в человеческий капитал, повысили качество рабочей силы, создали единый рыночный механизм мобильности трудовых ресурсов, содействовали рациональному распределению трудовых ресурсов. Обе стороны должны укреплять доверие и устранять недоразумения, совместно укреплять систему оценки

¹ Чжао Вэй. Эмпирический анализ важности оптимизации человеческих ресурсов на трудоемких предприятиях // Управление человеческими ресурсами. 2012. № 5. С. 103–104. (赵昶. 劳动密集型企业的人力资源优化配置重要性实证分析[J]. 人力资源管理, 2012(05):103-104).

² Хюежи Чан. Поддержка Долин. Китайские трудовые повинности сотрудничества Китая и России. Проблемы и контрмеры // Северо-Восточный педагогический университет (философии и социальные науки). 2008. № 3. С. 63–67. (薛嘉春, 支大林. 中国对日俄劳务合作中存在的问题与对策[J]. 东北师大学报(哲学社会科学版), 2008(03):63-67).

рисков и политическую систему для развития талантов, а также улучшать выход и ввод рабочей силы и продолжать углублять китайско-российское сотрудничество в сфере труда.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Грядущее. Новое индустриальное общество: перезагрузка. Монография. СПб. : ИНИР им. С.Ю. Витте. 2016.
2. Бодрунов С.Д. Технологическая революция требует глубокого реформирования экономики // Экономическое возрождение России. 2019. № 2. С. 5–11
3. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. 1. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019.
4. Кутаев Ш. К., Вишневская Н. Г., Новикова И. В. Концептуальные основы функционирования и развития рынка труда: опыт регионов. М., 2013.
5. Новикова И. В. Стратегическое развитие трудовых ресурсов Дальнего Востока России. М. : Креативная экономика, 2019. 158 с.
6. Половинкин В. Н. Человеческие ресурсы — главная проблема развития Севера // Экология и экономика. 2013. № 4. С. 26–31.

Об авторах:

Новикова Ирина Викторовна, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем, профессор кафедры экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; NovikovaIV5@gmail.com

Яо Ли, аспирант Шанхайского университета (Шахай, Китайская Народная Республика); liyaoacca@163.com

References

1. Bodrunov S. D. Coming. A new industrial society: a reset. Monograph. SPb.: INIR named after S. Yu Witte. 2016. 328 p. (In rus)
2. Bodrunov S. D. Technological Revolution requires deep reform of the economy // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii]. 2019. № 2. P. 5–11. (In rus)
3. Kvint V. L. Concept of strategizing. V. 1. SPb.: NWM of RANEPa, 2019. 132 p. (In rus)
4. Kutaev Sh. K., Vishnevskaya N. G., Novikova I. V. Conceptual foundations of labor market functioning and development: regional experience. Moscow, 2013. 272 p. (In rus)
5. Novikova I. V. Strategic development of labor resources of the Far East of Russia. Moscow : Creative Economy, 2019. 158 p. (In rus)
6. Polovinkin V. N. Human resources — the main problem of development of the North // Ecology and economy [Ekologiya i ekonomika]. 2013. № 4. P. 26–31. (In rus)

About the authors:

Irina V. Novikova, Leading Researcher of the Center for Strategic Studies of the Institute of Mathematical Research of Complex Systems, Professor of the Chair of Economic and Financial Strategy of the Moscow School of Economics of Moscow Lomonosov State University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; NovikovaIV5@gmail.com

Yao Li, Graduate Student of Shanghai University, (Shanghai, People's Republic of China); liyaoacca@163.com

Политика стимулирования зеленого инвестирования как направление регулирования рынка зеленого финансирования

Боркова Е. А.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e.borkova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В последние годы в мире теме зеленого финансирования уделяется огромное внимание. Набирает популярность она и в России, как в научном дискурсе, так и в практической работе. Глобальная инвестиционно-финансовая система тоже глубоко вовлечена в этот процесс. Факторы ESG (environmental, social and governance), учитывающие три ключевых составляющих устойчивого развития (экологическая, социальная и корпоративная управленческая ответственность), легли в основу такого понятия, как «ответственные/зеленые инвестиции». Многие финансовые рынки в настоящее время по всему миру проявляют большой интерес к вопросам устойчивого развития. При грамотной поддержке государства рынки ценных бумаг могут сыграть огромную роль в достижении Целей устойчивого развития (ЦУР), связанным с зелеными инвестициями.

В 2016–2017 гг. 132 страны, на долю которых приходится 82% всех вредных выбросов, на государственном уровне приняли ряд национальных инициатив в области развития зеленого финансирования. При реализации экологических, климатических и социально значимых проектов независимыми специализированными экспертами проводится их оценка на соответствие принципам и стандартам зеленых финансов. Кроме того, к ним предъявляются особые требования по раскрытию информации и обособлению денежных потоков. Страны, которые не участвуют в выработке правил и стандартов на этом пока еще не зарегулированном рынке, в итоге будут вынуждены принимать сформированные без их участия условия игры.

В работе подчеркивается, что зеленое финансирование является важным фактором, обеспечивающим устойчивое развитие. Предметом исследования выступают зеленые инвестиции как один из ключевых элементов, характеризующих сбалансированное социально-эколого-экономическое развитие страны. Объектом исследования является ответственное/зеленое финансирование национальной экономики, рассматриваемое в контексте того, что сбалансированное устойчивое развитие является основополагающей целью макроэкономической политики государства.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы и приемы. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные по рынку зеленых инвестиций. Формирование рынка «зеленых» инвестиций является важным фактором, способствующим сбалансированному развитию страны в рамках достижения ЦУР.

Ключевые слова: зеленые инвестиции, зеленое финансирование, цели устойчивого развития, экология, корпоративное управление, глобальные финансы, ответственное финансирование, единство ESG, экологические технологии, государственное управление

Для цитирования: Боркова Е. А. Политика стимулирования зеленого инвестирования как направление регулирования рынка зеленого финансирования // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 68–76.

Green Investment Promotion Policies as a Regulatory Direction for the Green Finance Market

Elena A. Borkova

Saint-Petersburg State University of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation; e.borkova@mail.ru

ABSTRACT

In recent years, the topic of green finance has received great attention in the world. It is also gaining popularity in Russia, both in scientific discourse and in practical work. The global

investment and financial system is also deeply involved in this process. ESG (environmental, social and governance) factors, which take into account the three pillars of sustainable development (environmental, social and corporate governance responsibility), formed the basis of the concept of “responsible/green investment.” Many financial markets around the world now have a strong interest in sustainable development. With good government support, securities markets can play a huge role in achieving the Sustainable Development Goals related to green investment.

In 2016–2017, 132 countries, which account for 82% of all harmful emissions, at the state level adopted a number of national initiatives in the field of green financing development. In the implementation of environmental, climatic and socially significant projects, independent specialized experts assess their compliance with green finance principles and standards. In addition, they are subject to special requirements for disclosure and isolation of cash flows. Countries that do not participate in the formulation of rules and standards in this not yet regulated market will eventually be forced to accept the conditions of play formed without their participation.

The work emphasizes that green finance is an important factor for sustainable development. The subject of the study is green investment as one of the key elements characterizing the balanced socio-ecological-economic development of the country. The objective of the study is responsible/green financing of the national economy, viewed in the context that balanced sustainable development is the fundamental objective of macroeconomic policies of the State. The methodological basis of the study was the general scientific methods and techniques. The empirical basis of the study was statistics on the green investment market. The formation of a green investment market is an important factor contributing to the balanced development of the country as part of the achievement of the Sustainable Development Goals.

Keywords: green investment, green financing, sustainable development goals, ecology, corporate governance, global finance, responsible financing, ESG unity, environmental technologies, public administration

For citing: Borkova E. A. Green Investment Promotion Policies as a Regulatory Direction for the Green Finance Market // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 68–76.

Введение

Актуальность исследования обусловлена тем, что формирование рынка зеленых инвестиций, при грамотной государственной политике, может стать эффективным средством для достижения Целей устойчивого развития (ЦУР) в рамках концепции устойчивого развития ООН, в основу которой положено единство трех факторов ESG — экология, социальные вопросы и корпоративное управление [4; 6; 10].

Исследования в области эколого-экономического развития и финансирования рынка «зеленых» инвестиций осуществляются большим числом ученых-теоретиков и практиков как за рубежом, так и в России. В научной литературе с выработкой практических рекомендаций анализируется комплекс проблем, связанных с формированием для национальной экономики России и ее регионов модели устойчивого роста и обеспечения экологической безопасности. При этом вопросы зеленых инвестиций и зеленого финансирования в целом пока еще остаются недостаточно изученными. Целесообразность разработки темы исследования определяется практической значимостью полученных результатов, позволяющих определить текущую инвестиционную ситуацию на зеленом финансовом рынке, с тем, чтобы в последующем помочь привлечь потенциальных инвесторов для последующего сбалансированного устойчивого развития.

Цель работы заключается в анализе текущего состояния «зеленого» финансирования в Российской Федерации и в мире и проблем, сдерживающих рыночное

«зеленое» финансирование, а также исследовании факторов, оказывающих влияние на динамику эколого-экономической ситуации на территории страны.

Задачи исследования: исследовать мировой опыт формирования рынка зеленых инвестиций и оценки уровня эколого-экономического развития стран; проанализировать страны по индексу развитости зеленой экономики; определить положение России в глобальном процессе «озеленения» экономики; выявить трудности и уже сделанные шаги в области привлечения «зеленых» инвестиций; определить направления дальнейшего развития в предметной области исследования.

Методологическая основа исследования: анализ существующей международной практики и способов достижения устойчивого сбалансированного экономического развития, основанного на финансировании «зеленой» экономики. Научная новизна исследования состоит в выявлении факторов и положительных тенденций в формировании моделей эколого-экономического развития, за счет эффективного управления рынка «зеленых» инвестиций с целью снижения вредных воздействий на окружающую среду.

Зеленые инвестиции и зеленое финансирование: сущность и содержание

Проблематика «зеленого» финансирования в настоящее время интегрирована во все сферы деятельности человека во всем мире [5]. Большинство международных организаций, следуя объективной реальности и проблеме достижения сбалансированного устойчивого развития, включают экологическую составляющую в свою сферу деятельности. Переход хозяйственных отношений на «зеленую» экономику как экономику, которая приводит к «улучшенному благосостоянию людей и социальному равенству, значительно уменьшая экологические риски и экологические дефициты», требует теоретического обоснования.

Понятие «зеленые» инвестиции трактуется как вложения в экологически чистые и ресурсосберегающие технологии. Такие вложения подразумевают инвестиции в различные программы и проекты, целью которых обычно является развитие «зеленой» экономики¹. ЮНЕП официально определяет «зеленую» экономику как такую экономику, которая повышает благосостояние людей и обеспечивает социальную справедливость, и при этом существенно снижает риски для окружающей среды и ее обеднение.

Вместе с тем, существующие как национальные, так и международные системы агрегирования статистических показателей, имеющие открытый доступ, представляют информацию в иной классификации в части инвестирования всех отраслей экономики (не только «зеленых») в проекты, реализуемые в сфере охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Масштаб мировой «зеленой» экономики пока сравнительно невелик, всего 2,7%–3% от мирового ВВП, прибыль от таких вложений — около 1,5 млрд долл., занятость — около 10 млн чел. Эти показатели заметно выше в Великобритании, США, Германии и Японии. Эти страны основную часть инвестиций направляют в развитие экологизации. Развитие этого сектора происходит благодаря двум субсекторам: институциональному и инвестиционному, при этом основные вложения наблюдаются в странах группы G20, а основной миссией подобной политики является

¹ Отчет о научно-исследовательской работе. Практический опыт поддержки «зеленого» финансирования (на примере стран «Группы двадцати») (заключительный). 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/06/main/2017_practical_20.pdf (дата обращения: 20.02.2020).

обеспечение устойчивого и сбалансированного роста¹. Речь идет не только о доступе к каким-то материальным благам, качественном образовании и здравоохранении, это еще и чистый воздух, чистая вода, доступная энергетика — с этим во многих странах имеются большие проблемы.

Оценка степени «зелености» экономик стран мира; ситуация в России

Американское коммуникационное агентство Dual Citizen с 2010 г. составляет индекс самых зеленых национальных экономик (Global Green Economy Index — GGEI). Кумулятивный балл стран учитывает четыре фактора:

1. Качество окружающей среды и природного капитала;
2. Рынки и инвестиции в «зеленый» сектор;
3. Позиция политического руководства государства и климатические изменения;
4. Стратегия местной промышленности.

Данные по странам представлены на рис. 1.

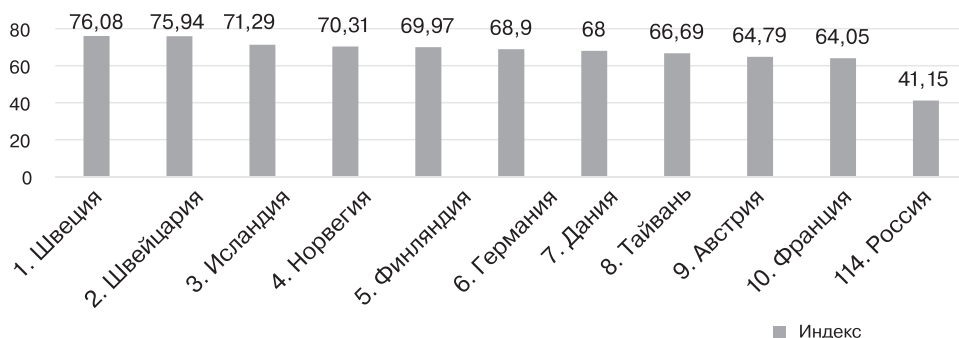

Рис. 1. Страна и индекс развитости зеленой экономики
Fig. 1. Country and Green Economy Development Index

Источник: составлено автором на основе <https://kiozk.ru/article/rbk/zelenaa-ekonomika>.

Аналитики производят обсчет по 130 странам, на рисунке представлены топ-10 стран по итогам 2018 г. У России в свежем ранкинге лишь GGEI 114-я позиция.

Россия сегодня в глобальном процессе «озеленения» экономики не занимает значимого положения, это следует из анализа объема и динамики как внешних, так и внутренних источников финансирования «зеленого» экономического роста. Природа наделила нашу страну уникальным природным ресурсами: примерно на 60% на территории страны сохранилась первозданная природа, практически не затронутая экономической деятельностью человека. При этом многие имеющиеся экосистемы весьма чувствительны к развитию хозяйственной деятельности человека, которая способна воздействовать на них разрушающе [1].

Страна обеспечивает собственный экономический рост во многом за счет использования природных ресурсов, что наносит непоправимый ущерб экологии и ограничивает возможность сохранить первозданную природу для будущих поколений, подвергает риску ее устойчивость в долгосрочной перспективе. Также

¹ Решения G20 не должны приниматься без учета социальных последствий. Новости НИУ ВШЭ 1993–2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/3018160/85816989.html> (дата обращения: 20.02.2020).

экологические проблемы вредят здоровью граждан и нарушают экологический баланс страны. Экономические издержки, связанные с ухудшением состояния природных ресурсов, по оценке, составляют 1–6% от российского ВВП¹.

Скромны и объемы внутренних инвестиций в «озеленение» национального производства [3; 9]. Сравнивая общий объем инвестиций в основной капитал с объемом инвестиций, направленных на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов, следует отметить, что «зеленые» инвестиции занимают сравнительно небольшую долю в общем объеме инвестиций в основной капитал (менее 1%), что показано в табл.

Таблица

Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов*

Table. Investment in fixed assets for environmental protection and natural resource management

	2010	2015	2016	2017
Тысяч рублей				
Инвестиции в основной капитал — всего, в т. ч.:	548 875	58 550,8	20 841,8	20 381
на охрану и рациональное использование водных ресурсов	445 719	46 674,8	15 778	12 146
на охрану атмосферного воздуха	—	—	—	—
земель	103 156	11 876,0	5063,8	8235,0
В % к предыдущему году (в сопоставимых ценах)				
Инвестиции в основной капитал — всего, в т. ч.:	195	в 5,5 р.	в 0,4 р.	в 0,1 р.
на охрану и рациональное использование водных ресурсов	в 2,1 р.	в 5,3 р.	в 0,3 р.	в 0,8 р.
на охрану атмосферного воздуха	—	—	—	—
земель	143	в 7 р.	в 0,4 р.	в 1,6 р.

*Без субъектов малого предпринимательства; начиная с 2001 г. — без НДС.

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Несмотря на такой небольшой объем инвестиций по сравнению с другими, например европейскими, странами, можно выделить традиционные для России сектора, в которых концентрируются «зеленые» инвестиции — это добыча полезных ископаемых, в этом секторе сконцентрировано в среднем около 25% инвестиций (из них зеленых 1,23%); обрабатывающее производство, на долю которой приходится в среднем 44–45% (из них зеленых 2,16%), металлургическое производство, производство и распределение электроэнергии, газа и воды (26% из них зеленых — 2,24%)².

¹ Дамианова А., Гуттизрез Э., Левитанская Е., Минасян Г., Немова В. «Зеленое финансирование» в России: создание возможностей для «зеленых» инвестиций // Аналитическая записка. М., 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://investinfra.ru/frontend/images/PDF/131516-RUSSIAN-PN-P168296-P164837-PUBLIC-Green-finance-Note.pdf> (дата обращения: 20.02.2020).

² Там же.

Политика в области регулирования зеленых инвестиций: опыт России

Переход к «зеленой» экономике был обозначен в качестве приоритета развития в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. В этом документе направление перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, связанное с «зеленым финансированием», формулировалось следующим образом — «завоевание лидирующих позиций в развитии возобновляемых источников энергии и внедрение в промышленных масштабах экологически чистых технологий производства энергии».

На сегодняшний день в рассматриваемой сфере существует довольно развитая нормативно-правовая база — это «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Для развития «зеленой» экономики в этом документе заявлено «решение социально-экономических задач, обеспечивающих экологически ориентированный рост экономики, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов для удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, реализации права каждого человека на благоприятную окружающую среду, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности»¹.

Впоследствии Правительством РФ был утвержден План действий по реализации «Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года», включающий ряд мероприятий, состав и структура которых представлены на рис. 2.

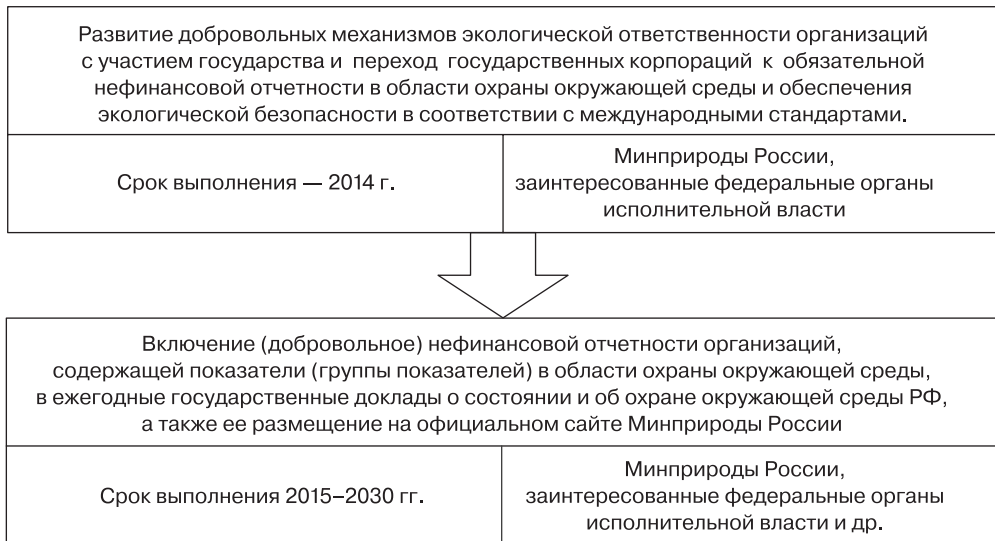

Рис. 2. План мероприятий по реализации плана действий в области экологического развития национальной экономики

Fig. 2. Action Plan for the Implementation of the Action Plan for the Environmental Development of the National Economy

Источник: составлено автором.

¹ Утверждены основы государственной политики в области экологического развития России на период до 2030 года. 2012. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15177> (дата обращения: 20.02.2020).

Несмотря на активную интеграцию в настоящее время российскими финансовыми организациями внедряются принципы экологической ответственности в свою деловую практику и развитие «зеленого» финансирования, «зеленый» банкинг в России пока находится на стадии своего становления.

Россия находится только в начале своего пути к переходу к сбалансированному «зеленому» экономическому росту. Есть устойчивое мнение, что «зеленые» инвестиции в нашей стране пока интересны только состоятельным инвесторам, для которых имидж может быть важнее дохода [2; 7; 8]. Не построена система инспекционного контроля за учреждениями, проверяющими инвестиции на соответствие «зеленым» стандартам. Система, как таковая, еще не сформировалась.

Впрочем, предпосылки для развития ответственного инвестирования в нашей стране сейчас активно создаются. Вопросы устойчивого развития учтены в национальном проекте «Экология». «Для его реализации потребуются привлечение значительных средств частных инвесторов, а значит, станет необходимостью создание полноценной регуляторной и рыночной инфраструктуры для ответственных инвестиций»¹. В конце апреля 2019 г. российское правительство утвердило правила получения субсидий на выплаты купонного дохода по облигациям, выпущенным для финансирования наилучших доступных технологий (НДТ) на объектах, негативно влияющих на окружающую среду (планируемый объем финансирования НДТ в нацпроекте «Экология» составляет 2,4 трлн руб.).

Таким образом, для более динамичного развития рынка ответственных финансов в России необходима поддержка со стороны государства, которая должна быть более активной. Нужны более веские мотивы для публикации компаниями нефинансовой отчетности. По состоянию на 11 апреля 2019 г., в Национальный Регистр нефинансовых отчетов внесены всего 176 компаний, зарегистрировано отчетов — 924, которые выпущены в период, начиная с 2000 г. В их числе: экологические отчеты (ЭО) — 81, социальные отчеты (СО) — 326, отчеты в области устойчивого развития (ОУР) — 314, интегрированные отчеты — 176, отраслевые отчеты — 27. Причем большую долю отчетов публикуют компании, занятые в сфере энергетики (рис. 3).

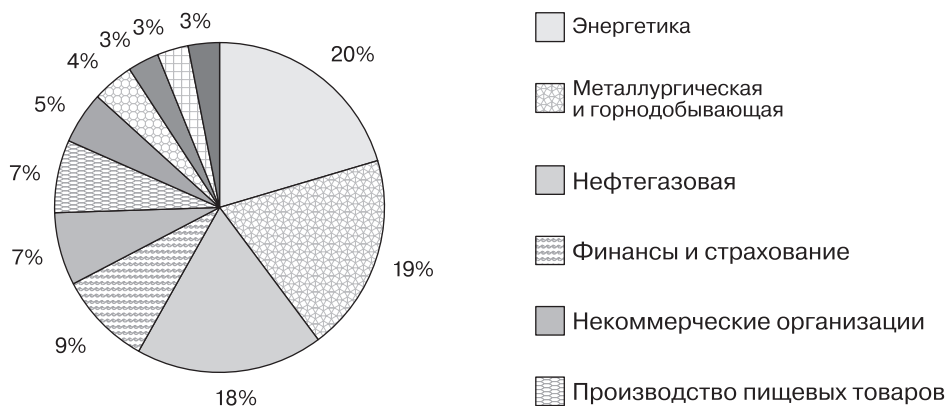

Рис. 3. Распределение компаний, публикующих нефинансовую отчетность, по отраслям
Fig. 3. Distribution of non-financial reporting companies by industry

Источник: составлено автором на основе данных РСПП (Российского союза промышленников и предпринимателей)

¹ Из выступления Ю. П. Трутнева на совещании «О комплексе мер по улучшению экологической обстановки в России» в 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.premier.gov.ru/events/news/14655/> (дата обращения: 20.02.2020).

Заключение

Таким образом, в глобальном контексте процесс экологизации рассматривается как ключевой элемент стратегии устойчивого развития. Вовлечение в этот процесс все большего числа стран приводит к формированию глобальных договоренностей, которые не только требуют от каждой страны — участницы договора официальной декларации политики перехода к «зеленой» экономике, но и практического подтверждения этих намерений реальными действиями в области экологизации промышленного производства, пользования природными ресурсами, транспортной и иной инфраструктуры, «озеленения» национальной финансовой системы. И многие страны уже сделали значительные шаги в этом направлении.

Очевидно, что по этому пути следует идти и России. Для того чтобы развитие в рассматриваемой области было успешным, требуется разработка и реализация специальной политики стимулирования зеленого инвестирования, рассматриваемой как одно из направлений регулирования национального рынка зеленого финансирования. При разработке и реализации этой политики, по нашему мнению, следует учесть необходимость первоочередного разрешения проблем, описанных в этой статье, а также сформулированных нами рекомендаций.

Литература

1. Агарков С. А., Матвишин Д. А. Влияние освоение региональных ресурсов углеводородов на экологическое состояние Печорского моря // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 58–67.
2. Багиев Г. Л., Черенков В. И., Черенкова Н. И. Маркетинг для реализации концепции устойчивого развития: сущность и терминологическая парадигма // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4 (112). С. 139–152.
3. Боркова Е. А. Использование динамической модели оценки инвестиционного климата в управлении инвестиционными процессами // Вестник ИНЖЭКОНа. Серия: Экономика. 2013. № 5 (64). С. 19–24.
4. Боркова Е. А., Тимченко М. Н., Маркова А. А. Инвестиции в зеленые технологии как инструмент экономического роста России // Бизнес. Образование. Право. 2019. № 3 (48). С. 87–91.
5. Зеленая экономика и зеленые финансы / под ред. Б. Н. Порфирьева. СПб.: Изд-во «МБИ», 2018. 327 с.
6. Казанцева А. Н. Вопросы разработки и реализации государственной политики в сфере производства и обращения экологически чистой продукции // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2018. № 2 (36). С. 16–20.
7. Конкурентоспособность и прорывное позиционирование в посткризисный период: коллективная монография / Пашкус Н. А., Александрова А. И., Алексунин В. А. и др.; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. СПб., 2011.
8. Пролубников А. В. К вопросу о факторах экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2019. № 3 (41). С. 5–8.
9. Vertakova Y., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Economic Annals XXI. 2017. Vol. 166 (78). P. 4–10.
10. Vertakova Y. V., Plotnikov V. A. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. Vol. 9. N 4. P. 194–201.

Об авторе:

Боркова Елена Аркадьевна, доцент кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук, доцент; e.borkova@mail.ru

References

1. Agarkov S. A., Matviishin D. A. Impact of development of regional hydrocarbon resources on the ecological state of the Pechorsky Sea // News of St. Petersburg State University of Economics

- [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2019. № 2 (116). P. 58–67. (In rus)
2. Bagiev G. L., Cherenkov V. I., Cherenkova N. I. Marketing for the implementation of the concept of sustainable development: essence and terminology paradigm // News of St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2018. № 4 (112). P. 139–152. (In rus)
 3. Borkova E. A. Use of dynamic model of investment climate assessment in investment process management // Journal of ENGINEERING. Series: Economy [Vestnik INZhEKONa. Seriya: Ekonomika]. 2013. № 5 (64). P. 19–24. (In rus)
 4. Borkova E. A., Timchenko M. N., Markova A. A. Investments in green technologies as a tool of economic growth of Russia // Business. Education. Law [Biznes. Obrazovanie. Pravo]. 2019. № 3 (48). P. 87–91. (In rus)
 5. Green economy and green finance / under ed. B. N. Porfiriev. SPb.: IBI, 2018. 327 p. (In rus)
 6. Kazantseva A. N. Issues of development and implementation of state policy in the sphere of production and circulation of environmentally friendly products // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2018. № 2 (36). P. 16–20. (In rus)
 7. Competitiveness and breakthrough positioning in the post-crisis period: collective monograph / Paschkus N. A., Alexandrova A. I., Aleksunin V. A. et al.; Herzen State Pedagogical University of Russia. SPb., 2011. (In rus)
 8. Prolubnikov A. V. To the question of factors of economic development // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies [Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2019. № 3 (41). P. 5–8. (In rus)
 9. Vertakova Y., Plotnikov V. Problems of sustainable development worldwide and public policies for green economy // Economic Annals XXI. 2017. Vol. 166 (78). P. 4–10.
 10. Vertakova Y. V., Plotnikov V. A. The Integrated Approach to Sustainable Development: The Case of Energy Efficiency and Solid Waste Management // International Journal of Energy Economics and Policy. 2019. Vol. 9. N 4. P. 194–201.

About the author:

Elena A. Borkova, Associate Professor of the Chair of the General Economic Theory and History of an Economic Thought of St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics, Associate Professor; e.borkova@mail.ru

Анализ инвестиционной политики Афганистана

Жиряева Е. В. *, Мохаммад И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье проводится сравнительное исследование инвестиционных соглашений Афганистана. Ставилась цель определить потенциал России как государства, поддерживающего инвестиции своих компаний в экономику Афганистана. Анализ в разрезе инвесторов делался на основе «Инвестиционной карты» Международного торгового Центра. Данные о потоках инвестиций получены из статистического приложения к «World Investment Report» ЮНКТАД. Структура инвестиционных договоров Афганистана была представлена на сайте ЮНКТАД, на странице «Навигатор международных инвестиционных соглашений». Инвестиционные соглашения Афганистана анализировались по следующему плану: обязательства в рамках ГАТС, региональные соглашения, соглашения со странами Запада. Обязательства по ГАТС предоставляют достаточно пространства для инвестиций в большинство сфер, кроме финансового сектора. Сфера транспорта и строительства, наиболее освоенная иностранными инвесторами, открыта для инвестиций. Региональные соглашения с территориально и культурно близкими странами включают Соглашение о поощрении и защите инвестиций между государствами — членами Организации Экономического Сотрудничества и Соглашение о поощрении, защите и гарантиях инвестиций между государствами — членами Организации Исламская конференция. Они отличаются большей секторальной открытостью. Инвесторам предлагается спектр льгот, выходящий за пределы обычно принятых налоговых льгот. Специально учтены угрозы, создаваемые политической нестабильностью. Экспроприация инвестиций осложнена общим запретом и правом оспорить ее в суде. Эти положения создают более благоприятный климат для инвестиций в Афганистан со стороны других исламских государств. Договор между Германией и Афганистаном отражает стремление Германии внести ясность в двухсторонние инвестиционные отношения, в частности, в нем перечислены примеры «менее благоприятного» отношения. По соглашению Афганистана и США можно судить, что США, вероятно, не ожидают, что Афганское правительство в одностороннем порядке защитит их инвестиции. Для этой цели сформирован специальный орган с участием торгового представителя США. Еще одна особенность этого договора — выраженная в нем позиция США в области защиты прав трудящихся. Как представляется, России для защиты ее проектов достаточно обязательств по ГАТС и гарантий, предоставленных Законом о частных инвестициях Афганистана. Следующим этапом сотрудничества может быть соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, за образец которого можно принять соглашение Афганистан-Германия. Строительные проекты, в которых Россия более всего заинтересована, не всегда трактуются как инвестиции. Это зависит от того, является ли представительство строительной компании «постоянным» на территории принимающей страны. Можно было бы поставить вопрос о необходимости подписать еще одно соглашение — об избежании двойного налогообложения. Однако у Афганистана таких соглашений нет ни с одной страной.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные соглашения, Афганистан, защита инвестиций, инвестиционная политика

Для цитирования: Жиряева Е. В., Мохаммад И. Анализ инвестиционной политики Афганистана // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 77–94.

Afghanistan Investment Policy Analysis

Elena V. Zhiryayeva*, Imran Mohammad

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article provides a comparative study of Afghanistan's investment agreements. The aim was to determine Russia's potential as a state supporting investments in Afghanistan's economy. The analysis of investors was done on the basis of the Investment Map of the International Trade Center. Data on investment flows are available from the statistical annex to the UNCTAD's World Investment Report. The structure of Afghanistan's investment treaties was presented on the UNCTAD website, on the International Investment Agreements Navigator page. Investment agreements of Afghanistan were analyzed according to the following plan: concessions within GATS, regional agreements, agreements with the countries of the West. GATS commitments provide sufficient space for investment in most areas other than the financial sector. The sphere of transport and construction, most developed by foreign investors, is opened to investment. Regional agreements with geographically and culturally close countries include the Agreement on Promotion and Protection of Investment among Member States of the Economic Cooperation Organization and the Agreement on Promotion, Protection and Guarantee of Investments Among Member States of the Organization of the Islamic Conference. They have greater sectoral openness. Investors are offered a range of benefits beyond the commonly used tax incentives. The threats posed by political instability are specifically addressed. Expropriation of investments is complicated by a general ban and the right to challenge it in the court. These provisions create a more favourable climate for investment in Afghanistan by other Islamic states. The treaty between Germany and Afghanistan reflects Germany's desire to clarify bilateral investment relations, in particular, it lists examples of «less favourable» treatment. Under the Afghanistan-US agreement, it can be judged that the US probably does not expect the Afghan government to protect unilaterally their investments. For this purpose, a special body has been formed with the participation of the US Trade Representative. Another feature of this treaty is the US position expressed in it in the field of protection of workers' rights. Russia appears to have sufficient GATS commitments and guarantees under the Afghan Private Investment Act to protect its projects. The next phase of cooperation could be an agreement on the promotion and mutual protection of investment, as a model of which the Afghanistan-Germany agreement could be taken. The construction projects in which Russia is most interested are not always interpreted as investments. This depends on whether the construction company's representation is "permanent" in the host country. One more agreement — to avoid double taxation — could be questioned. However, Afghanistan does not have such agreements with any country.

Keywords: investments, investment agreements, Afghanistan, protection of investments, investment policy

For citing: Zhiryaeva E. V., Mohammad I. Afghanistan Investment Policy Analysis // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 77–94.

Введение

Афганистан является наименее развитой страной (НРС) с минимальной вовлеченностью в международные экономические отношения. Согласно отчету ЮНКТАД о прямых иностранных инвестициях (ПИИ) за 2019 г., приток прямых иностранных инвестиций в наименее развитые страны в 2018 г. составил 1,8% от глобального притока [13]. Основным инвестором по объему накопленных ПИИ в НРС продолжает оставаться Китай. Иностранные инвестиции идут, в основном, в наиболее крупные страны этой группы — Бангладеш, Эфиопию, Мьянму. Среди НРС Азии два экспортера продукции обрабатывающей промышленности — Бангладеш и Камбоджа — зарегистрировали новые рекордные уровни ПИИ в 2018 г. — в 3,6 млрд долл. (рост на 68%) и 3,1 млрд долл. (рост на 11%) соответственно. При этом упоминания об инвестициях в Афганистан в отчете ЮНКТАД отсутствуют.

Афганистан имеет бедную аграрную экономику с небольшой производственной базой, малым количеством отраслей, дающих добавленную стоимость, частично долларизованную. Международная финансовая поддержка сыграла важную роль

в повышении ВВП Афганистана с 2,4 млрд долл. в 2001 г. до 19,4 млрд в 2016 г. По разным оценкам, стоимость выпуска неформальной экономики составляет около 4,1 млрд долл. Государственные расходы значительно превышают поступления, в результате чего в обозримом будущем сохранится зависимость от международных доноров [6]. Развитие афганской экономики тесно связано с безопасностью страны и политической ситуацией в ней. Как отмечает К. М. Л. Абдул, роль Афганистана в современных международных экономических отношениях состоит в том, что 90% всего мирового опия продавали талибы Афганистана (по состоянию на 2016 г.) [1]. В наркосфере было занято более половины работоспособного населения страны [8].

В то же время Афганистан — это единственная наименее развитая страна, расположенная в непосредственной близости от Российской Федерации. Страны ЕАЭС и Афганистан разделяет лишь территория Таджикистана. Афганистан в прошлом плодотворно сотрудничал с Советским Союзом, большинство инфраструктурных объектов в стране было построено благодаря активной помощи СССР. К 1980-м гг. более половины всех промышленных, транспортных, энергетических объектов и объектов здравоохранения и науки в Афганистане было создано с участием СССР [11]. Между Россией и Афганистаном действует Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве.

Согласно концепции внешней политики¹, Россия исходит из того, что содействие международному развитию является одним из механизмов решения глобальных и региональных проблем. Российская Федерация проводит активную целенаправленную политику в сфере содействия международному развитию на многостороннем и двустороннем уровнях. Как утверждается в Концепции, Российская Федерация будет последовательно прилагать усилия в целях скорейшего урегулирования проблем Афганистана, его постконфликтного восстановления в качестве суверенного, миролюбивого, нейтрального государства с устойчивой экономикой и политической системой. Одним из путей восстановления Афганистана могут стать именно иностранные инвестиции. Крупнейшими донорами на сегодняшний день являются США, Турция, Япония, Евросоюз, Германия, а также Всемирный Банк и Азиатский банк развития [5].

Третьего марта 2017 г. посол Исламской Республики Афганистан в России Абдул Каюм Кочай встретился с заместителем министра энергетики РФ Юрием Сентюриным. Афганская сторона рассчитывает, что российские компании будут активнее участвовать в восстановлении Афганистана, тем самым усиливая экономическое присутствие России. А. Корчай обратился к российским бизнесменам с призывом инвестировать в экономику Афганистана, он подчеркнул, что афганский народ хотел бы, чтобы именно Россия активнее наращивала свое экономическое присутствие в Афганистане [2]. Россия выразила заинтересованность в проекте газопровода из Туркменистана в Индию через Афганистан и Пакистан, а также в строительстве линии электропередачи для экспорта электроэнергии из Центральной Азии в Афганистан и Пакистан [2].

Инвестиционную политику Афганистана можно рассматривать как одно из приоритетных направлений развития экономики этой страны. Исследование инвестиционной политики Афганистана позволит определить потенциал России в качестве государства-партнера, что является целью настоящего исследования.

Анализ современной ситуации

В постконфликтных странах инвестиции зависят от наличия пяти основных факторов: четкие и недвусмысленные правила, квалифицированная рабочая сила,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.)

политическая и экономическая стабильность и безопасность, доступ к инфраструктуре, а также разумные налоговые ставки, которые устанавливаются на справедливой основе. К сожалению, в Афганистане отсутствуют все эти условия [10].

На рис. 1 представлена динамика притока прямых иностранных инвестиций в Афганистан.

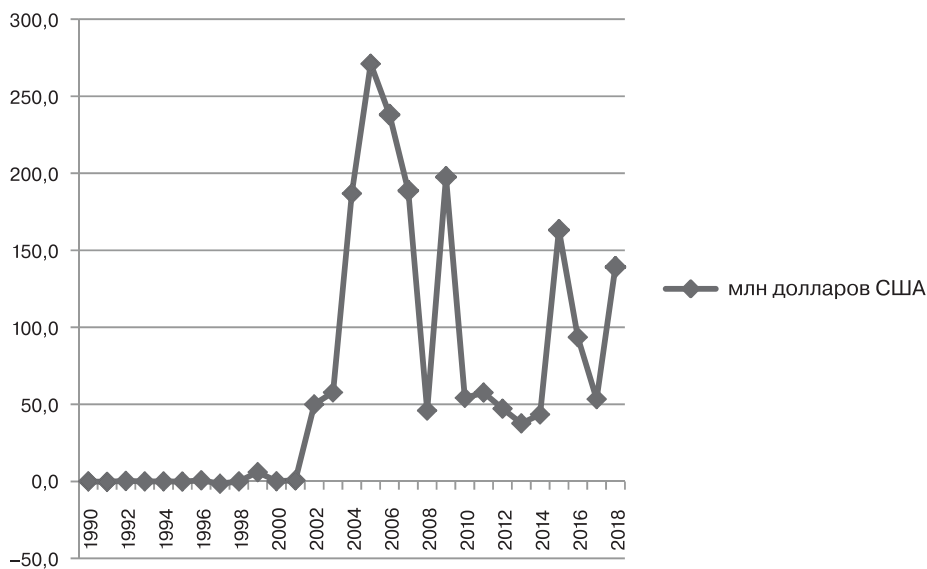

Рис. 1. Приток прямых иностранных инвестиций в Афганистан
Fig. 1. Foreign direct investment inflows to Afghanistan

Источник: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>

В период 2003–2010 гг. местные и иностранные инвесторы вкладывали значительные средства в ключевые сектора Афганистана, включая телекоммуникации, строительство, производство и т. д. Многие были заинтересованы инвестировать в добывающий сектор, но проблемы с безопасностью не позволили им сделать это эффективно. Существовали и другие проблемы: похищение людей, неясная политика развития частного сектора и отсутствие надлежащей инфраструктуры. Экономический рост с 2003 по 2012 гг. составил в среднем 9,4%. МВФ отметил, что возвращение к росту было обусловлено, среди прочего, инвестициями в ключевые экономические сектора — горнодобывающую промышленность и сельское хозяйство [6].

После теракта в сентябре 2011 г. в США в Афганистан были направлены международные вооруженные силы. В 2011 г. общая численность международных сил достигла пика — около 140 тыс. чел. В этот период инвестиции в Афганистане были направлены на обслуживание контингента международных сил. В течение почти трех десятилетий войны в стране росли частные инвестиции. Это была хорошая возможность для высокодоходных вложений в заводы по производству напитков, телекоммуникационные и строительные компании, хотя инвестиции оставались довольно ограниченными.

С конца 2011 г. численность сил НАТО сокращалась из года в год. К 2015 г. в состав международных сил в Афганистане входили выходцы из разных стран, включая США, Германию, Великобританию, Грузию, Румынию, Австралию и Турцию¹.

¹ BBC News, 2015.

Вывод из Афганистана международных сил в 2012–2014 гг. значительно замедлил экономический рост из-за падения спроса на транспорт, строительство, телекоммуникации и другие услуги. Длительная гражданская война и политическая нестабильность в Афганистане разрушили инфраструктуру по всей стране. Государственные и частные инвестиции свелись к минимуму. Афганистан переживал кризис оттока капитала, безработицы, нищеты, полагаясь на международную помощь и не используя внутренние источники.

С конца 2011 г. международная помощь Афганистану уменьшилась, столкнувшись со многими экономическими проблемами. После достижения самого низкого уровня за последние 10 лет в 2013 г. (39,6 млн долл.), приток ПИИ существенно увеличился и достиг 163 млн долл. в 2015 г.. Этот показатель по-прежнему являлся низким по сравнению с уровнями притока, которые страна получила в период 2004–2007 гг. (с рекордно высоким показателем в 271 млн долл. в 2005 г.), когда значительная доля ПИИ была связана с вмешательством вооруженных сил НАТО и связанными с ними проектами в области развития¹.

В октябре 2015 г. было объявлено о том, что страны НАТО решили прекратить боевую миссию. Страны НАТО начали передачу контроля афганским военным силам в 2014 г. Из-за возросшей обеспокоенности безопасностью страны экономическая деятельность столкнулась с новым вызовом. В частности, местные и иностранные инвесторы изменили свою политику, ограничивая предпринимательскую деятельность в Афганистане, или попытались определить другие безопасные места для инвестиций. Негативная пропаганда о будущем Афганистана — главная причина снижения инвестиций. Хотя афганские чиновники подписали соглашение о стратегии и безопасности между Кабулом и Вашингтоном, где оговаривалось пребывание американских войск в Афганистане в будущем, инвесторы продолжали бегство и не оказывали доверия правительству [10].

М. К. Гул, ссылаясь на мнение многих политологов и экономистов, указывает на серьезный потенциал Афганистана в привлечении международных игроков к развитию экономики страны [3]. Афганистан подписал многочисленные торговые, экономические и инвестиционные соглашения и меморандумы о взаимопонимании с другими странами. Наиболее значительным является Соглашение о транзитной торговле Афганистана с Пакистаном, подписанное в 2010 г. Соединенные Штаты, Европейский союз, страны ЕАЭС, Индия, Канада и Япония предоставляют афганскому экспорту преференциальные импортные тарифы в соответствии с их Общими системами преференций. Афганистан является членом Организации экономического сотрудничества, Южноазиатской зоны свободной торговли, Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии и Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества. Правительство Афганистана заявило о своем намерении официально присоединиться к организации «Транспортный коридор Европа — Кавказ — Азия» (ТРАСЕКА).

Существует мнение, что, являясь стратегическим центром Азии, Афганистан может служить соединительным звеном для взаимодействия азиатских стран, а это, в свою очередь, заставляет многие государства стремиться к присутствию в стране [9]. Обращает на себя внимание роль Индии в развитии инвестиций и торговли Афганистана [12]. В октябре 2011 г. стороны подписали соглашение о стратегическом партнерстве, где признается необходимость экономической кооперации [7]. Афганистан имеет с Пакистаном соглашение о транзитных перевозках, важность которого он особенно подчеркнул в своих обязательствах перед ВТО. В 2006 г. Китай подписал с Афганистаном договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, где приоритет отдается взаимодействию в добыче минеральных

¹ Lloyds bank. URL: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/afghanistan/investment>.

ресурсов, строительстве дорог, производстве электроэнергии, сельском хозяйстве [9].

Современное правительство Афганистана предпринимает инициативы по привлечению частных афганских и иностранных инвестиций, включая поощрение партнерских отношений между государственным и частным секторами и рационализацию процесса регистрации лицензий на осуществление предпринимательской деятельности. Проблемы бизнеса в Афганистане связаны с все еще формирующейся правовой средой, безопасностью, различными толкованиями налогового законодательства и влиянием коррупции на управление [6].

Афганское правительство стремится активизировать иностранные инвестиции, поскольку страна находится на подъеме после правления талибов. В соответствии с Законом о частных инвестициях (ЗЧИ), который был принят в 2003 г. и в который в 2006 г. были внесены поправки, афганское государство привержено максимальному увеличению объема частных инвестиций и созданию правового режима и административной структуры, поощряющей и защищающей иностранные частные инвестиции в афганскую экономику. В соответствии с ЗЧИ, инвестиции определяются как валюта и взносы натурой, включая лицензии, аренду машин и оборудования, а также права на промышленную и интеллектуальную собственность, предоставляемые в целях приобретения акций или других прав собственности на зарегистрированном предприятии.

ЗЧИ позволяет инвестировать почти во все сектора, за исключением атомной энергетики, азартных игр и производства наркотиков и интоксикантов. Существуют также ограничения в отношении общей стоимости услуг или активов кинематографии, автомобильного транспорта (пассажирского и грузового) и общего числа работников, которые могут быть заняты в охранных компаниях. Инвестиции в некоторые сектора, такие, как производство и продажа оружия и взрывчатых веществ, небанковская финансовая деятельность, страхование, природные ресурсы и инфраструктура (энергетика, водоснабжение, канализация, обработка отходов, аэропорты, телекоммуникации, а также учреждения здравоохранения и образования), подлежат особому рассмотрению высшей комиссией по инвестициям при консультации с правительственными министерствами.

Высшая комиссия по инвестициям может применять конкретные требования к инвестициям в ограниченных секторах. Прямые инвестиции, превышающие 3 млн долл., требуют одобрения со стороны высшей комиссии по инвестициям относительно того, где они будут применяться. Хотя высшая комиссия по инвестициям имеет полномочия ограничивать долю иностранных инвестиций в некоторых отраслях, конкретных секторах экономики и конкретных компаниях, эти полномочия никогда не осуществлялись.

ЗЧИ гарантирует национальный режим для иностранных инвесторов и позволяет им брать землю в аренду на срок до 50 лет. Конституция Афганистана и ЗЧИ запрещают иностранное владение землей. Кроме того, компании могут быть полностью иностранными¹. Иностранные инвесторы не обязаны иметь афганского партнера, но из-за ограничения на владение землей они почти всегда предпочитают работать с кем-то из них. В статье 16 ЗЧИ также говорится, что одобренные отечественные и иностранные компании, преследующие аналогичные цели, имеют одинаковые права в соответствии с афганским законодательством, к ним применяются те же самые меры защиты от дискриминационных действий правительства. Они могут создавать предприятия и владеть ими, заниматься всеми видами приносящей доход деятельности, свободно распоряжаться доходами на предприятиях, переводить свой капитал и прибыль из Афганистана, в том числе за обслуживание долга по офшорным кредитам.

¹ Lloyds bank. URL: <https://www.lloydsbanktrade.com/en/market-potential/afghanistan/investment>.

ЗЧИ допускает экспроприацию инвестиций или активов правительством на недискриминационной основе в целях обеспечения общественных интересов. Закон предусматривает, что правительство предоставляет быструю, адекватную и эффективную компенсацию в соответствии с принципами международного права. В случае инвестиций в иностранной валюте закон требует выплаты компенсации в этой валюте. Правительство также может конфисковать частную собственность для урегулирования долгов. Инвесторы с долей владения более 25% могут оспорить экспроприацию. Сообщений об экспроприации правительством иностранных активов не поступало [6].

Последним крупным обзором инвестиционной политики Афганистана стала Национальная стратегия развития Афганистана, которая была разработана при содействии ПРООН и охватывала период 2008–2013 гг. Эта стратегия призвана направлять инвестиции в такие приоритетные области, как сельское хозяйство и восстановление сельских районов, развитие человеческого потенциала и экономическое развитие и инфраструктура [6].

Частные инвесторы имеют право переводить капитал и прибыль из Афганистана, в том числе для обслуживания задолженности по оффшорным кредитам. Не существует ограничений на конвертацию, перевод средств, связанных с инвестициями, таких, как дивиденды, доход от капитала, проценты и основной капитал по частному иностранному долгу, арендные платежи или роялти и сборы за управление. В ЗЧИ говорится, что инвестор может свободно перечислять инвестиционные дивиденды или доходы от продажи созданного им предприятия. По информации Госдепартамента США, Министерство финансов в некоторых случаях замораживало внутренние банковские счета компаний из-за налоговых споров, что фактически приводило к запрету переводов капитала [6].

Правительство не поощряет и не стимулирует вывоза инвестиций. Из-за ситуации с безопасностью бегство капитала вызывает беспокойство. О небольших объемах оттока инвестиций из Афганистана свидетельствуют данные рис. 2.

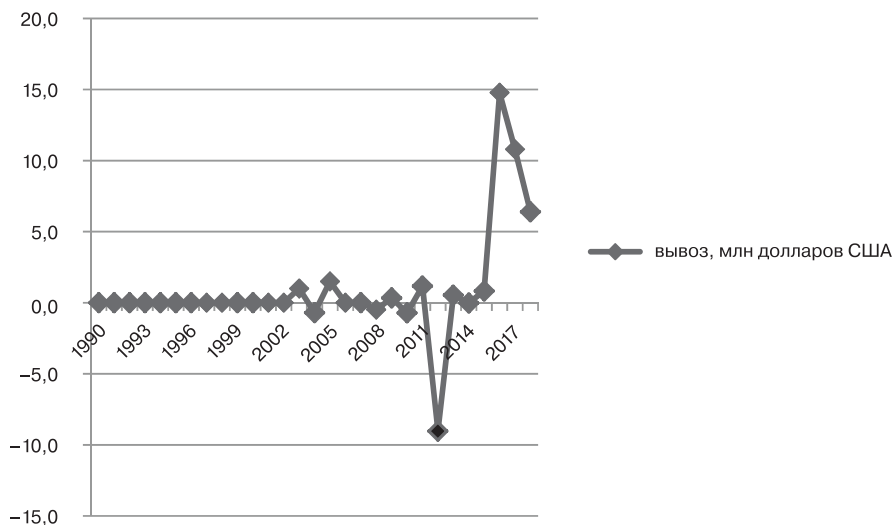

Рис. 2. Отток ПИИ из Афганистана

Fig. 2. Outflow of foreign direct investment from Afghanistan

Источник: <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>

Накопленные за рубежом активы афганского бизнеса составляют 22,8 млн долл. по состоянию на 2018 г.¹ По данным «Инвестиционной карты» Международного торгового центра, за рубежом представлен один филиал одной афганской компании в секторе производства угля, нефти и металлов. Название этой афганской компании — Rashed Elham Trading Co, принимающей страной являются Объединенные Арабские Эмираты, город Ajman. Направление бизнеса — доменные печи и сталеплавильные заводы. Название филиала в ОАЭ — Tiger International Armor and Processing cars. Число занятых — 47 чел.²

В Афганистане находятся 26 подразделений 24-х зарубежных ТНК. Компании, инвестирующие в афганскую экономику, представлены в табл. 1. Инвесторами в Афганистане, в основном, являются многонациональные корпорации из США. В списке табл. 1 представлено 15 американских компаний, в т. ч. правительство США, работающих в сфере строительства, транспорта, деловых и социальных услуг. Инженерные услуги оказывают пять компаний из списка. Ни один из инвесторов не вкладывает средства в первичный сектор экономики Афганистана.

Таблица 1

Компании, инвестирующие в афганскую экономику

Table 1. Companies investing in the Afghan economy

Отправляющая страна	Материнская компания	Филиал	Направление бизнеса	Продажи	Занятость
1	2	3	4	5	6
США	Правительство США	EMBASSY KABUL	Деловые услуги	0,0	201
США	Wells Fargo & Company	WELLS FARGO GROUP	Услуги	0,0	3
США	Computer Sciences Corporation	DynCorp International LLC	Инженерные услуги	0,0	0
США	Computer Sciences Corporation	DynCorp International LLC	Инженерные услуги	0,0	1,900
США	Kbr, Inc.	Kellogg Brown & Root Services, Inc-OEF	Услуги	0,0	0
США	Aecom	AECOM Government Services Inc	Услуги по поддержке объектов	0,0	300
США	Amtex Security, Inc.	AMTEX SECURITY INC	Обслуживание систем безопасности	0,0	56
США	Habitat For Humanity International, Inc.	AFGHANISTAN, HFH	Социальные услуги	0,0	11
США	International Rescue Committee, Inc.	INTERNATIONAL RESCUE COMMITTEE AFGHANISTAN	Услуги	0,0	0

¹ <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx/>

² <http://www.intracen.org/itc/market-info-tools/foreign-direct-investment/>

1	2	3	4	5	6
США	Weston Solutions Holdings Inc	Weston Solutions Global (BVI) — Afghanistan, LTD.	Инженерные услуги	0,0	6
США	Leidos Holdings, Inc.	LEIDOS INC	Коммерческие исследования	0,0	0
США	Cerberus Capital Management, L.P.	DynCorp International LLC	Инженерные услуги	0,0	0
США	International Bank For Reconstruction & Development	INTERNATIONAL BANK FOR RECONSTRUCTION & DEVELOPMENT	Городское и общинное развитие	0,0	60
США	Radiant Logistics, Inc.	RADIANT LOGISTICS AND ICT	Транспортные услуги	0,0	7
США	Berger Group Holdings, Inc.	LOUIS BERGER GROUP	Архитектурные услуги	0,0	185
Турция	Obd Insaat Taahhut Turizm Sanayi Ve Ticaret Ltd Sti	O B D Construction	Жилищное строительство	0,0	8
Турция	Kazitas Insaat Sanayi Ve Ticaretlimited Sirketi	Kazitas Construction	Строительство мостов, тоннелей и путепроводов	—	30
Соединенное Королевство	Royal Dutch Shell Plc	Groupement Shell Algerie	Услуги	0,0	0
Соединенное Королевство	Amec Foster Wheeler Plc	AMEC E&I, INC.	Инженерные услуги	0,0	100
Соединенное Королевство	G4s Plc	G4S RISK MANAGEMENT	Обслуживание систем безопасности	0,0	600
Германия	Deutsche Post Ag	DHL INTERNATIONAL	Транспортировка грузов	0,0	0
Германия	Siemens Ag	SIEMENS AG AFGHANISTAN BRANCH	Электрическое оборудование и аппараты	0,0	0
Швейцария	Transinvest Holding Ag	M&M Militzer & Muench Afghanistan Ltd.	Транспортировка грузов	0,0	0
Швейцария	Kühne Holding Ag	Kuehne + Nagel LTD	Услуги	0,0	0
ОАЭ	Dreshak Group Llc	Dreshak Construction Afghanistan LLC	Промышленные здания и склады	0,0	2
ОАЭ	Dreshak Group Llc	Dreshak Logistics Afghanistan LLC	Транспортные услуги	0,0	2

Источник: <https://www.investmentmap.org>.

Таким образом, можно отметить специфику иностранных инвестиций в экономику Афганистана — они зародились из необходимости обслуживания контингента войск НАТО. В связи с этим при анализе инвестиционных договоров представляется интересным провести различие между отношениями в этой сфере Афганистана со странами своего региона и странами Запада.

Объекты и методы исследования

Подробный обзор инвестиционного климата Афганистана и его законодательной базы представлен на сайте Государственного департамента США [6]. Анализ в разрезе инвесторов делался на основе «Инвестиционной карты» Международного торгового Центра¹, Данные о потоках инвестиций получены из статистического приложения к «World Investment Report» ЮНКТАД². Структура инвестиционных договоров Афганистана представлена на сайте ЮНКАД, на странице «Навигатор международных инвестиционных соглашений» (табл. 2)³.

Таблица 2

Международные инвестиционные соглашения Афганистана

Table 2. Afghanistan 's international investment agreements

Двухсторонние инвестиционные соглашения	Соглашения с инвестиционными положениями	Инструменты, относящиеся к инвестициям
Афганистан — Азербайджан (2017)	Соглашение о поощрении и защите инвестиций между государствами — членами Организации экономического сотрудничества	Исламская корпорация страхования инвестиционных кредитов
Афганистан — Иран (2006)	Рамочное соглашение о торговле и инвестициях между Афганистаном и Соединенными Штатами	Конвенция Международного агентства инвестиционных гарантий
Афганистан — Германия (2005)	Договор энергетической хартии (1994)	Нью-Йоркская Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений
Афганистан — Турция (2004)	Соглашение о поощрении, защите и инвестиционных гарантиях между государствами — членами Организации «Исламская конференция»	Конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами

В статье проводится сравнительное исследование инвестиционных соглашений Афганистана. С учетом реально существующих инвестиций и иерархии договоров, при соблюдении принципа выборочности, инвестиционные соглашения Афганистана анализировались в соответствии с табл. 3.

¹ <https://www.investmentmap.org>.

² <https://unctad.org/en/Pages/DIAE/World%20Investment%20Report/Annex-Tables.aspx>.

³ <https://investmentpolicy.unctad.org/international-investment-agreements>.

Объекты исследования
Table 3. Research objects

Соглашения ВТО	Региональные соглашения	Соглашения со странами Запада
Обязательства Афганистана по услугам в рамках Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС) ВТО	Соглашение о поощрении и защите инвестиций между государствами — членами Организации экономического сотрудничества*	Рамочное соглашение о торговле и инвестициях между Афганистаном и Соединенными Штатами
—	Соглашение о поощрении, защите и инвестиционных гарантиях между государствами — членами Организации «Исламская конференция»	Афганистан — Германия (2005)

Результаты и обсуждение

Инвестиционная политика Афганистана согласно списку обязательств по услугам ВТО

Двадцать девятого июля 2016 г. Афганистан был официально принят в ВТО, что может принести ряд выгод для этой страны, в том числе улучшить перспективы прямых иностранных инвестиций. Являясь членом ВТО, Афганистан принял обязательства по доступу на рынок услуг. Часть этих обязательств, относящихся к третьему способу поставки услуг — коммерческому присутствию — представляет собой политику регулирования иностранных инвестиций.

Следующие ограничения доступа на рынок касаются всех секторов услуг. Право владеть недвижимым имуществом в Афганистане имеют только афганские граждане и юридические лица. Иностранные граждане или юридические лица, осуществляющие законную деятельность в Афганистане, могут арендовать землю на срок до 90 лет (который может быть продлен). В соответствии с законами о нефти и газе и о минеральных ресурсах до 31 декабря 2020 г. Афганистан может потребовать, чтобы подрядчики в рамках проектов приобретали услуги у местных поставщиков, если они эквивалентны по качеству, количеству и цене услугам зарубежных поставщиков. Иностранные инвестиции в секторе аренды, связанной с бытовыми товарами, не должны быть меньше 6 млн афганских афгани (около 120 000 долл. США¹) с поправкой на инфляцию.

Секторальные обязательства можно охарактеризовать следующим образом. В секторе деловых услуг иностранные инвестиции в техническое обслуживание и ремонт оборудования не должны быть меньше 6 млн афганских афгани (около 120 000 долл. США) с поправкой на инфляцию. Такие же требования к объему иностранных инвестиций установлены в секторе коммуникационных услуг в отношении услуг по распространению кинофильмов и домашних видео. В секторе финансовых услуг Афганистан позволяет осуществлять банковскую и другие виды деятельности на своей территории международным и специализированным банкам, но не берет обязательств в отношении других банков. Не взяты обязательства и в отношении ряда других финансовых услуг, в т. ч. операций на фондовом рынке. Последнее касается не только доступа на рынок, но и национального режима (НР).

¹ По курсу афганских афгани на 2016 г.

По ряду соображений, связанных с существующими или перспективными региональными и двухсторонними соглашениями, Афганистан предусмотрел исключения из режима наиболее благоприятствуемой нации (РНБ) для региональных партнеров. Речь идет, прежде всего, о двустороннем соглашении между Турцией и Афганистаном о взаимном поощрении и защите инвестиций, подписанном 10 июня 2004 г. Соглашение предусматривает предоставление турецким инвесторам одного из двух режимов — НР или РНБ — в зависимости от того, какой из них окажется в конкретном секторе наиболее благоприятным. Отметим, что такой режим фактически существует и в других инвестиционных соглашениях Афганистана.

Афганистан сотрудничает с Пакистаном в сфере транзитных грузовых перевозок. На основе Соглашения о транзитных перевозках между Пакистаном и Афганистаном 2010 г. стороны взаимно обеспечивают национальный режим; любые сборы исчисляются на той же основе, что и в отношении аналогичных отечественных операторов. Каждая сторона предоставляет экспедиторам и транспортным операторам другой стороны разрешение на создание на своей территории офисов для осуществления деятельности, связанной с транзитной торговлей. Договаривающиеся стороны признают водительские права, регистрационные документы и номерные знаки транспортных средств, выданные компетентными органами другой стороны. Сотрудничество с Пакистаном также представляет собой исключение из РНБ для других стран — членов ВТО.

Таким образом, вступление в ВТО заставило Афганистан принять на себя более высокие обязательства, чем предусматривало национальное законодательство. С 50 до 90 лет увеличен срок аренды земли. В инвестиционной политике в части закупок в секторе нефти и газа Афганистан сохранил на четыре года преференции для национальных поставщиков. В отдельных секторах существуют минимальные пределы на объем инвестиций. Приоритет в сфере финансовых услуг отдан международным банкам. Это сильно ограничивает возможность частных инвестиций в банковский сектор. Афганистан признает, что над его обязательствами в ВТО имеют приоритет два соглашения — инвестиционное с Турцией и о транзитных перевозках с Пакистаном.

Региональные соглашения

Членами Организации экономического сотрудничества являются Афганистан, Азербайджан, Иран, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан, Турция, Туркменистан, Узбекистан. В рамках организации действует Соглашение о поощрении и защите инвестиций между государствами — членами.

«Инвестиции» определены в Соглашении как любой вид имущества или актива, в частности:

- акции или любая другая форма участия в компаниях,
- реинвестированная прибыль, любые права, имеющие финансовую ценность, связанные с инвестициями,
- движимое и недвижимое имущество, а также права, имеющие отношение к нему, такие как ипотека, залоговое удержание и другие подобные права,
- права на промышленную и интеллектуальную собственность,
- коммерческие концессии, предоставляемые по закону принимающего государства или по контракту с принимающим государством, включая концессии, связанные с природными ресурсами.

Стороны поощряют и создают благоприятные условия для инвестиций. Инвестиции всегда пользуются справедливым и равноправным режимом и полной защитой на территории других договаривающихся сторон. Ни одна из сторон не применяет необоснованные или дискриминационные меры, касающиеся управления, содер-

жания, использования или распоряжения такими инвестициями. Стороны допускают инвесторов других сторон для осуществления инвестиций на их территории. После допуска выдаются все разрешения, необходимые для надлежащей реализации инвестиций. Стороны с пониманием относятся к ходатайствам о въезде и пребывании лиц других сторон, которые желают въехать в связи с осуществлением инвестиций и находиться там для трудоустройства. Ходатайство о выдаче разрешений на работу также рассматривается с пониманием.

После того, как инвестиции осуществлены, они пользуются режимом не менее благоприятным, чем режим, предоставляемый инвестициям национальных инвесторов или инвесторов любой третьей страны, в зависимости от того, какой из них является наиболее благоприятным. Эти положения не имеют силы в отношении любых существующих или будущих таможенных союзов, региональных экономических организаций или аналогичных международных соглашений, относящихся к налогообложению.

Инвестиции не могут быть экспроприированы или национализированы за исключением целей государственной важности. Тогда они подлежат экспроприации в недискриминационном порядке при выплате оперативной, адекватной и эффективной компенсации и в соответствии с надлежащей правовой процедурой. Компенсация приравнивается к рыночной стоимости экспроприированных инвестиций. Компенсация выплачивается незамедлительно.

Инвесторам любой стороны, инвестиции которой несут убытки на территории другой стороны в результате войны, бунта или гражданских беспорядков, предоставляется не менее благоприятный режим, чем режим, предоставляемый ее собственным инвесторам или инвесторам любой третьей страны в зависимости от того, какой режим является наиболее благоприятным, в отношении любых мер, которые инвестор принимает в отношении таких потерь. Каждая сторона добросовестно разрешает осуществлять все связанные с инвестициями переводы свободно и без задержек на свою территорию и с территории.

Таким образом, соглашение стран Организации экономического сотрудничества содержит широкое толкование термина «инвестиции». Свободный допуск инвесторов специально оговорен в соглашении, притом, что в общем случае в Афганистане, как и во многих других странах, для инвестиций открыты не все сектора. Соглашение признает свою второстепенную роль по сравнению с договоренностями о таможенном союзе, об участии в региональной экономической организации. У Афганистана, однако, такого рода соглашений нет (или в них нет инвестиционных положений). РНБ или национальный режим по выбору предоставляется не только в отношении обычных актов государства, но и при разрешении проблем, вызванных военными действиями.

В соглашении о поощрении, защите и гарантиях инвестиций между государствами — членами Организации «Исламская конференция» льготы, предлагаемые инвесторам, очерчены очень широко и включают, в частности, таможенные льготы. Признается приоритет над указанным соглашением любых будущих международных и региональных договоров, как непосредственно касающихся инвестиций (например, соглашений об избежании двойного налогообложения), так и мало относящихся к ним (например, соглашений о таможенном союзе). В соглашении содержится общий запрет на меры, затрагивающие право собственности инвестора, с исключениями для случаев оправданной экспроприации. Специально оговорено право инвестора оспорить экспроприацию в суде. Превентивные меры, связанные с экспроприацией, в инвестиционных договорах встречаются нечасто. Оговорены условия репатриации уставного капитала после прекращения инвестиций. Некоторые административные и процессуальные меры, ограничивающие для инвестора перевод средств, вызваны более высокими требованиями валютного контроля по сравнению

с развитыми странами. Инвестор имеет право на возмещение не только в связи с экспроприацией, но и в случаях иного ущерба. Режим отношения к инвестору будет недискриминационным в случае ущерба, вызванного военными действиями.

Соглашения со странами Запада

У Афганистана нет двустороннего инвестиционного договора (ДИД) с США. В 2004 г. Афганистан подписал с США Рамочное соглашение о торговле и инвестициях. По оценкам американского посольства, более 30 американских фирм и связанных с США структур работают с афганским правительством над урегулированием сохраняющихся разногласий по налогам на дивиденды, налоговым обязательствам поставщиков, налогообложению государственной помощи США и другим налоговым и контрактным спорам. Как указано в табл. 2, Афганистан имеет ДИД с Германией, Ираном и Турцией.

По сведениям торгового представительства США [10], прямые иностранные инвестиции США в Афганистан в 2018 г. составили 18 млн долл. (при общем притоке в 139,2 млн), что на 5,3% меньше, чем в 2017 г. Информации о распределении американских ПИИ в Афганистане нет. ПИИ Афганистана в США в 2018 г. составили 2 млн долл., не изменившись по сравнению с 2017 г. Нет информации о распределении ПИИ Афганистана в США.

Рассмотрим Соглашение между правительством Соединенных Штатов Америки и правительством переходного Исламского Государства Афганистан о развитии торговых и инвестиционных отношений.

Соглашение признает важность обеспечения защиты прав трудящихся в соответствии с трудовым законодательством каждой страны и улучшения соблюдения международных трудовых стандартов; оно стремится к взаимному дополнению торговой и экологической политики в деле содействия устойчивому развитию. Признается, что в интересах сторон было бы создание двустороннего механизма поощрения либерализации торговли и инвестиций между ними.

Стороны договорились принимать надлежащие меры поощрения и облегчения обмена товарами и услугами и обеспечения благоприятных условий для долгосрочного развития и диверсификации торговли между ними. Был учрежден Американо-афганский совет по торговле и инвестициям. Со стороны переходного Исламского Государства Афганистан совет представлен Министерством торговли, а со стороны США — Торговым представителем США. Обе стороны могут получать помощь от должностных лиц других государственных органов, как того требуют обстоятельства. Совет должен собираться не реже одного раза в год.

Цели совета заключаются в следующем: следить за торговыми и инвестиционными отношениями, выявлять возможности для расширения торговли и инвестиций, выявлять вопросы, имеющие отношение к торговле или инвестициям, такие, как: вопросы интеллектуальной собственности, труда или окружающей среды, что может стать предметом переговоров; проводить консультации по конкретным торговым и инвестиционным вопросам, представляющим интерес для сторон; выявлять и работать над устранением препятствий на пути торговли и инвестиций; обращаться за консультациями к частному сектору по вопросам, касающимся работы совета. Таким образом, договор с США имеет иные акценты, чем соглашения Афганистана с исламскими государствами. В нем подчеркивается важность прав трудящихся. Для поддержки взаимных инвестиций стран создан специальный орган.

Рассмотрим Договор между Федеративной Республикой Германией и Исламской Республикой Афганистан о поощрении и взаимной защите инвестиций. Обе стороны одинаково определяют «инвесторов» как резидентов своего государства,

любое юридическое лицо, а также любую компанию, имеющую или не имеющую правосубъектности.

Государства на своей территории в любом случае дают согласие на инвестиции со стороны инвесторов другого государства, на справедливый и равноправный режим, а также полную защиту инвестиций. Государства ни в коей мере не могут наносить ущерба в результате произвольных или дискриминационных мер управления или распоряжению инвестициями инвесторов другого государства.

Иностранным инвестициям предоставляется наиболее благоприятный из двух режимов — РНБ или национального режима. Указанные положения не обязывают договаривающееся государство распространять на инвесторов освобождения от налогов и снижения налогов, которые предоставляют только местным инвесторам на их территории. Уточняется, что еще более благоприятный режим может существовать для инвесторов таможенного или экономического союза, общего рынка, зоны свободной торговли или ассоциации с ней. «Менее благоприятным» считается следующее: неравный режим в случае ограничений на закупку сырья или вспомогательных материалов, энергии или топлива или средств производства, неравный режим в случае препятствий для сбыта продукции внутри страны или за ее пределами. Меры, которые должны приниматься по соображениям общественной безопасности и порядка, здоровья или нравственности населения, не считаются «менее благоприятным режимом».

Инвестиции не должны косвенно экспроприироваться или национализироваться за исключением общественной необходимости при условии выплаты компенсации. Компенсация выплачивается без промедления, при этом до момента выплаты выплачиваются банковские проценты. Государства гарантируют инвесторам свободный перевод сумм, связанных с инвестированием, прибыли, в погашение кредитов и др. Указанный договор применяется также к инвестициям, сделанным до его вступления в силу.

Таким образом, в договоре между Германией и Афганистаном о поощрении и взаимной защите инвестиций указывается на отсутствие каких-либо секторальных ограничений для инвестиций сторон. Устанавливается приоритет договоров о региональной экономической интеграции над указанным договором. Инвестор выбирает наиболее благоприятный из двух режимов — РНБ или национальный режим. Налоговые льготы не охвачены понятием «национальный режим». Понятие «менее благоприятного» отношения подробно описывается в договоре, что делает его более конкретным и понятным, чем другие рассмотренные соглашения.

Заключение

В работе ставилась цель определить потенциал России как государства, поддерживающего инвестиции своих компаний в экономику Афганистана. Российские деловые круги активно интересуются сотрудничеством с Афганистаном в разработке природных ресурсов, строительстве и инвестициях в инфраструктуру. Осенью 2010 г. в Москве открылся афганский бизнес-центр, призванный содействовать торгово-экономическому сотрудничеству Афганистана и России. На тот момент Россия осуществляла модернизацию ГЭС «Наглу» и строительство мини-ГЭС в пяти провинциях Афганистана [4]. По состоянию на 2020 г. информация о какой-либо активности афганского бизнес-центра отсутствует.

В силу политической нестабильности, которая сохраняется в Афганистане, российские инвестиции нуждаются в правовой поддержке и защите [2]. Как было установлено в этой работе, обязательства по ГАТС, принятые Афганистаном при вступлении в ВТО, предоставляют достаточно пространства для инвестиций

в большинство сфер, кроме финансового сектора. Сферы транспорта и строительства, наиболее освоенные иностранными инвесторами, открыты для инвестиций.

Мы исследовали еще два типа соглашений с инвестиционными положениями, которые заключил Афганистан. Первый тип — это региональные соглашения с территориально и культурно близкими странами, включающий Соглашение о поощрении и защите инвестиций между государствами — членами Организации экономического сотрудничества и Соглашении о поощрении, защите и гарантиях инвестиций между государствами — членами Организации Исламская конференция. Эти соглашения отличаются большей секторальной открытостью (по сравнению с Законом о частных инвестициях Афганистана). Инвесторам предлагается широкий спектр льгот, выходящий за пределы обычно принятых налоговых льгот. Специально учтены угрозы, создаваемые политической нестабильностью — РНБ или национальный режим по выбору предоставляется не только в отношении обычных актов государства, но и при разрешении проблем, вызванных военными действиями. Экспроприация инвестиций осложнена общим запретом и правом оспорить ее в суде. Эти положения создают более благоприятный климат для инвестиций в Афганистан со стороны других исламских государств.

Ко второму типу инвестиционных договоров мы отнесли двухсторонние соглашения с отдельными западными странами. Договор между Германией и Афганистаном имеет формат модельного соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций. Соглашение представляется неформальным, отражает стремление Германии внести ясность в двухсторонние инвестиционные отношения, в частности, в нем перечислены примеры «менее благоприятного» отношения. Соглашение Афганистана с США не относится ни к одному из двух известных типов двухсторонних инвестиционных соглашений. Этот договор — о развитии торговых и инвестиционных отношений — создан, вероятно, специально для Афганистана. США не ожидают, что Афганское правительство гарантированно защитит их инвестиции. Для этой цели создан специальный орган, в котором работают сотрудники Министерства торговли Афганистана и торгового представительства США. Еще одна особенность этого договора — выраженная в нем позиция США в области защиты прав трудящихся.

Инвестиционные проекты России в Афганистане, вероятно, незначительны, т. к. информация о них отсутствует в «Инвестиционной карте» Международного торгового центра. Как представляется, России на начальных этапах деятельности в Афганистане в форме локальных строительных проектов достаточно обязательств по ГАТС и гарантий, предоставленных Законом о частных инвестициях Афганистана. Следующим этапом сотрудничества может быть соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций, за образец которого можно принять соглашение Афганистан — Германия. Строительные проекты, в которых Россия более всего заинтересована, не всегда трактуются как инвестиции. Это зависит от того, является ли представительство строительной компании «постоянным» на территории принимающей страны. В силу того, что инвесторы из США сталкиваются с налоговыми проблемами в Афганистане, можно было бы поставить вопрос о необходимости подписать еще одно соглашение — об избежании двойного налогообложения. Однако у Афганистана таких соглашений нет ни с одной страной.

Литература

1. Абдул К. М. Л. Место и роль Афганистана в современных международных экономических отношениях // European Research. Сб. статей победителей IX Международной научно-практической конференции. 2017. С. 145–148.

2. Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 4. С. 781–792.
3. Гул М. К. Перспективы развития экономики Афганистана за счет международного сотрудничества // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2014. № 15. С. 16–21.
4. Мендкович Н. А. Политика России в Афганистане в 2001–2011 гг. // Фонд исторической перспективы. 2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.perspektivy.info/o/ykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm (дата обращения: 20.02.2020).
5. Ханеев М. В. Политическая нестабильность в Афганистане: война идей или борьба кланов? // Азия и Африка сегодня. 2008. № 11. С. 51–56.
6. 2018 Investment Climate Statements: Afghanistan. US Department of State [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-investment-climate-statements/afghanistan/> (дата обращения: 20.02.2020).
7. Blank S., Cordesman A., Inderfurth K., Safranchuk I., Huasheng Zh., Kuchins A. International Perspectives on Afghanistan and Regional Security to 2014 and Beyond. Center for Strategic and International Studies, Russia and Eurasia Program. July 26, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csis.org/events/international-perspectives-afghanistan-and-regional-security-2014-and-beyond> (дата обращения: 20.02.2020).
8. Greenfield V., Crane K., Bond C., Chandler N., Luoto J., Olikar O. Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND Corporation, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1075.html (дата обращения: 20.02.2020).
9. Huasheng Zh. China and Afghanistan. China's interests, stances, and perspectives. Report of Center for Strategic and International Studies. March 2012 [Электронный ресурс]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120322_Zhao_ChinaAfghan_web.pdf (дата обращения: 20.02.2020).
10. Rahimi F. A. F. The impact of international forces withdrawal on investment in Herat, Afghanistan // Journal of International Studies. 2016. Vol. 9. N 1. P. 44–55.
11. Siddiqui A., Butt K. Afghanistan-Soviet Relations during the Cold War: A Threat for South Asian Peace // A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. N 2. P. 617–631.
12. Starr S. F., Kuchins A. C. The Key to Success in Afghanistan — a Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13098-the-key-to-success-in-afghanistan-a-modern-silk-road-strategy.html> (дата обращения: 20.02.2020).
13. World Investment report 2019: Special economic zones. UNCTAD [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2460> (дата обращения: 20.02.2020).

Об авторах:

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Мохаммад Имран, магистрант кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), imranmohammad2017@mail.ru

References

1. Abdul K. M. L. The place and role of Afghanistan in contemporary international economic relations. In the collection: European Research. Collection of articles by the winners of the IX International Scientific and Practical Conference. 2017. P. 145–148. (In rus)
2. Asef N. Return of Russia to Afghanistan: Prospects of Bilateral Economic Cooperation // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: International relations [Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. V. 17. N 4. P. 781–792. (In rus)
3. Gul M. K. Prospects for Afghanistan's Economy through International Cooperation // Economics and Governance in the 21st Century: Development Trends [Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendentsii razvitiya]. 2014. N 15. P. 16–21. (In rus)

4. Mendkovich N. A. Policy of Russia in Afghanistan in 2001–2011 [Electronic resource] // Historical Perspective Fund. 2012 URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/azia/politika_rossii_v_afganistane_v_20012011_gg_2012-02-17.htm (accessed: 20.02.2020). (In rus)
5. Haneev M. V. Political instability in Afghanistan: war of ideas or clan struggle? // Asia and Africa today [Aziya i Afrika segodnya]. 2008. N 11. P. 51–56. (In rus)
6. 2018 Investment Climate Statements: Afghanistan. US Department of State [Electronic resource]. URL: <https://www.state.gov/reports/2018-investment-climate-statements/afghanistan/> (accessed: 20.02.2020).
7. Blank S., Cordesman A., Inderfurth K., Safranchuk I., Huasheng Zh., Kuchins A. International Perspectives on Afghanistan and Regional Security to 2014 and Beyond. Center for Strategic and International Studies, Russia and Eurasia Program. July 26, 2011 [Electronic resource]. URL: <https://www.csis.org/events/international-perspectives-afghanistan-and-regional-security-2014-and-beyond> (accessed: 20.02.2020).
8. Greenfield V., Crane K., Bond C., Chandler N., Luoto J., Oliker O. Reducing the Cultivation of Opium Poppies in Southern Afghanistan. Santa Monica: RAND Corporation, 2015 [Electronic resource]. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1075.html (accessed: 20.02.2020).
9. Huasheng Zh. China and Afghanistan. China's interests, stances, and perspectives. Report of Center for Strategic and International Studies. March 2012 [Electronic resource]. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/publication/120322_Zhao_ChinaAfghan_web.pdf (accessed: 20.02.2020).
10. Rahimi F. A. F. The impact of international forces withdrawal on investment in Herat, Afghanistan // Journal of International Studies. 2016. Vol. 9. N 1. P. 44–55.
11. Siddiqui A., Butt K. Afghanistan-Soviet Relations during the Cold War: A Threat for South Asian Peace // A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P. 617–631.
12. Starr S. F., Kuchins A. C. The Key to Success in Afghanistan — a Modern Silk Road Strategy // Silk Road Paper. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program, 2010 [Electronic resource]. URL: <https://www.silkroadstudies.org/publications/silkroad-papers-and-monographs/item/13098-the-key-to-success-in-afghanistan-a-modern-silk-road-strategy.html> (accessed: 20.02.2020).
13. World Investment report 2019: Special economic zones. UNCTAD [Electronic resource]. URL: <https://unctad.org/en/pages/PublicationWebflyer.aspx?publicationid=2460> (accessed: 20.02.2020).

About the authors:

Elena V. Zhiryaeva, Professor of the Chare of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Imran Mohammad, undergraduate of the Chare of Economics of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), imranmohammad2017@mail.ru

К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик

Межевич Н. М.

Институт Европы Российской Академии наук, Москва, Российская Федерация; mez13@mail.ru

РЕФЕРАТ

Радикальные реформы не могут быть самостоятельной целью экономического развития. Реализованные начиная с 1990–1991 гг. различные управленческие и хозяйственные практики в различной степени были ориентированы на преодоление «эффекта колеи». Однако выйти из эффекта зависимости от предшествующего пути не удалось не одной стране постсоветского пространства. Концепция/теория Д. Норта предполагающая вариативность процессов реформирования, оказалась идеальной для объяснения ключевых проблем институционального развития постсоветского пространства.

Ключевые слова: «Колея зависимости», компаративистика, постсоветское пространство, «эффект колеи», Беларусь, Украина, Эстония, Латвия, Литва, институциональное развитие, последовательность реформ

Для цитирования: Межевич Н. М. К вопросу о верификации концепции «Path Dependence» для постсоветского пространства в свете тридцати лет интуитивных практик // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 95–101.

On the Issue of Verification of the Concept of “Path Dependence” for the Former Soviet Union in the Light of Thirty Years of Intuitive Practices

Nikolay M. Mezhevich

Institute of Europe of Russian Academy of Science; Moscow, Russian Federation; mez13@mail.ru

ABSTRACT

Radical reforms cannot be an independent goal of economic development. Since 1990–1991, various management and economic practices have been oriented to various degrees to overcome the “path dependence”. However, it was not possible to get out of the effect of dependence on the previous path more than one country of the Former Soviet Union. D. North’s theory of variable reform processes proved to be ideal for explaining key problems of institutional development of the Former Soviet Union.

Keywords: “Path dependence”, comparativistics, Former Soviet Union, Belarus, Ukraine, Estonia, Latvia, Lithuania, institutional development, reform sequence

For citing: Mezhevich N. M. On the Issue of Verification of the Concept of “Path Dependence” for the Former Soviet Union in the Light of Thirty Years of Intuitive Practices // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 95–101.

Диагностика ключевых тенденций общественного развития всегда представляет собой сложную задачу. Иэн Шапиро в своей программной работе «Бегство от реальности в гуманитарных науках» фиксирует «удивление экономистов по поводу того, что их теории не смогли дать им ни инструментов для понимания кризиса, ни средств свести его на нет, раз уж он успел начаться» [10, с. 11]. Это было написано к кризису 2008–2009 гг., но справедливо для любого кризиса вообще. Кризис — это практически всегда ситуация осмысления пройденного пути, а не только прогнозирования будущего.

К числу концепций общественного развития, базирующихся на долгом человеческом опыте, но сравнительно недавно получивших академическое обоснование, относится концепция «эффекта колеи» или «зависимости от пути» («Path Dependence»). Лауреат Нобелевской премии экономист Д. Норт выдвинул концепцию «Path Dependency» (зависимость от ранее выбранного пути). Под этим термином он имеет в виду «последствия небольших событий и случайных обстоятельств, определяющих решения, которые, будучи приняты, направляют развитие по определенному пути» [17, р. 92]. «Теория колеи» регулярно подвергается критике за схематизм и попытку введения общей модели для объяснения институциональных изменений, как в экономической, так и политической сфере. Однако достоинства концепции как раз и вытекают из указанного выше недостатка [2]. Перед нами инструмент, пригодный для анализа институтов без жесткого разделения последних на экономические и политические. Концепция стала универсальным инструментом анализа, широко применяется географами¹, используется для вполне практических задач, к примеру, для объяснения того, почему история усложняет, но не делает невозможным реформирование систем здравоохранения [20].

Теория или, точнее, теории «зависимости от пути» («Path Dependence») объясняют практики сохранения тех или иных институтов, сформированных в предшествующих хозяйственных условиях после радикального изменения этих общих хозяйственных и политических условий [12]. «Зависимость от пути» или «эффект колеи» происходит потому, что в ряде случаев дешевле сохранять традиционные институты, чем создавать совершенно новые. «Зависимость пути» для экономиста объясняет, каким образом набор решений текущего момента ограничен решениями, которые были приняты ранее. «Интересно отметить, что “зависимость от предшествующего развития”, несмотря на очевидную концептуальную сопряженность с “рациональным выбором”, нечасто анализируется в общем с ним контексте; в этом плане очевидна гораздо большая активность западных мыслителей по сравнению с отечественными» [4, с. 10]. Иными словами, сохранение прежних институтов не всегда может быть рациональным выбором, точнее, рациональность выбора с позиций политиков не обязательно согласуется экономистами, верно и обратное. О рациональном выборе пишет и профессор А. Аузан: «Технологи пришли к радостному для нас заключению, что правильной, более безопасной является ширина железнодорожного полотна в России. Следует ли из этого, что весь мир перестроит свои железные дороги по российскому образцу? Нет. Скорее уж Россия будет строить дороги с узким, неправильным полотном, чтобы не тратить время и деньги на замену вагонных колес в Бресте»².

К середине 1990-х выяснилось, что траектории посткоммунистических стран сильно не совпадают. Причем речь идет не о сравнении Чехии и Туркмении, а о близких изначально парах Литва — Беларусь, Беларусь — Украина. Ожидаемого линейного движения к какой-либо единой модели капитализма не наблюдается, а реальность в каждом случае сильно отличается от того, что было замыслено [19]. Междисциплинарный характер «эффекта колеи» неоднократно подчеркивался исследователями. «Концепция ... является очень общей по своему охвату и в равной степени относится к последовательностям развития и социальной динамике (включая социальные взаимодействия между экономическими или политическими агентами), которые характеризуются положительными обратными связями и самоусиливающейся динамикой» [14, р. 91], — так пишет Дэвид Пол, представляющий одновременно и Оксфорд и Стэнфордский университет.

¹ К примеру, [16].

² Изменения как колея: Александр Аузан об экономических болезнях России [Электронный ресурс]. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/8171-auzan> 6.11.2013

Концепция «зависимости от предшествующего пути» имеет право претендовать на статус достаточно универсальной и междисциплинарной. Вместе с тем, при рассмотрении этой проблемы на уровне страны возникает несколько вопросов. Что является действиями по выходу из «колеи зависимости»? Как диагностировать экономические решения общества и государства, направленные на это решение? Как отличить закономерное и, строго говоря, стандартное желание ускорить темпы экономического развития от реальных попыток преодоления «колеи зависимости»? Где заканчивается «реформа» и начинается «революция» применительно к институтам экономического управления?

Очевидно то, что выход из колеи зависимости предполагает отказ от предшествующей модели социально-экономического развития, соответственно, крайне важным является определение системных признаков той или иной модели социально-экономического развития. Очевидно и то, что каждый автор по-разному определяет порог, преодоление которого означает выход из предшествующей системы управления. Косыгинские реформы, при всей их фундаментальной значимости в экономической истории Советского Союза, нельзя считать попыткой выхода из «колеи развития», что, собственно, и доказывает их неудача. К этим реформам применима классическая формула «эффекта колеи»: «получается, что мы хотим “идти туда” — и регулярно идем в другую сторону» [1, с. 100].

С начала реформ Горбачева и вплоть до июньского пленума ЦК КПСС ключевым маркером был термин «ускорение», что в принципе исключает возможность выхода из «колеи». Весьма вероятно, что изначально желание советских реформаторов не предполагало тех революционных изменений, которые произошли. Переход от «ускорения» к «перестройке» являлся маркером смены подходов к реформированию. Собственно, даже использование термина «перестройка» говорит о том, что перед нами уже нечто большее, чем желание улучшить существующие институциональные механизмы экономического управления. «Трагедия М. С. Горбачева и последних советских правительств заключалась в том, что они более-менее понимали, от каких правил игры надо уйти, но плохо представляли, какие институты необходимо создавать, и в результате горбачевские реформы оказались серией тактических решений без ясной стратегии» [8, с. 52].

В распоряжении исследователей уже находится весь корпус документов по хозяйственному реформированию в рассматриваемый период. Документы свидетельствуют о том, что сознательного или, точнее, осознанного решения о полной перестройке хозяйственного механизма в Советском Союзе не было вплоть до прекращения его существования в 1991 г. Проводимые реформы не исключали возможность возврата к прежней модели управления. Подобное уже неоднократно случалось в советской истории. Именно так произошло с «новой экономической политикой» в 20-е годы прошлого века. Возможен был и иной вариант. «...Баланс между централизованным управлением и самостоятельностью предприятий, который нашли в Венгрии. По оценкам исследователей, к 80-м гг. XX в. там состоялся прорыв хозяйственного механизма из “модели советского типа” в новую» [6, с. 80]. Однако распад постсоветского пространства и СССР дал эффект асфальтового катка на огороде. Венгрия приняла типовую либеральную экономическую модель, необратимо ослабившую национальную экономику. Интереснейшие венгерские наработки, адаптированные именно к национальным особенностям управления, были утрачены. Затем наступило понимание новой ситуации, но «колея», которую преодолели с немалыми усилиями, уже утрачена [11].

Цель статьи — инициировать дискуссию по вопросу о том, как в европейских странах постсоветского пространства решался вопрос «эффекта колеи» или выхода из предшествующей модели экономического развития.

Несмотря на то, что вопросы распада Советского Союза обсуждались в зарубежной, в том числе эмигрантской печати с момента его создания, сами события 1991 г. можно считать достаточно неожиданными. Эта оценка базируется не только на мемуарной литературе, но и на личных беседах со старшими представителями дипломатических служб ряда постсоветских республик.

Для политических элит, сформировавшихся в советских республиках к этому моменту, была характерна сосредоточенность на конкретных действиях, должных привести к юридическому оформлению независимости. Вопрос об экономических стратегиях для новых государств рассматривался как важный, но не первоочередной. К концу 1991 г. структурированные в большей или меньшей степени модели последующего экономического развития существовали лишь в Эстонии, Латвии, Литве. Однако и там это были концепции регионального хозрасчета, предполагавшие, с одной стороны, приоритет республиканских законов над федеральными, но, с другой стороны, ориентированные на сохранение хозяйственных связей. По умолчанию предполагалось, что хозяйственные связи в большей или меньшей степени сохраняться. Предполагалось то, что они перейдут на иную правовую и экономическую основу, экономика станет рыночной, расчеты будут в иностранной валюте, или по клиринговым схемам, или по бартеру.

Конец 1991 — начало 1992 г. показали, что все предшествующие наработки, даже если они были, трудно реализуемы. Именно в этот период дискуссии, позиционируемые сегодня как «эффект колеи» или «зависимость от предшествующего пути», приобрели реальную, а не теоретическую актуальность. При всей значимости дискуссий о причинах революционных изменений более актуальны исследования результатов произошедшего. С нашей точки зрения, в российской литературе достаточно поздно пришли к системному осмыслению изменений на постсоветском пространстве [7].

Постсоветские государства по-прежнему находятся в условиях догоняющего развития (catch-up development), и применительно к исследованию проблем развития таких стран часто упоминают «эффект колеи» (path dependency).

Формирование эффективной социальной модели в заведомо зависимых государствах в принципе невозможно. Предельно деликатно об этом писал Е. Т. Гайдар: «Европейская ориентация позволила восточноевропейским странам решить проблемы переходного периода, импортировать политическую и социальную стабильность, но в долгосрочной перспективе сократила свободу маневра в выработке национальной стратегии развития» [3, с. 22]. Прошедшие годы подтвердили справедливость этой оценки, добавить к которой можно лишь то, что свобода маневра продолжает убывать.

В этих условиях крайне важно попытаться рассмотреть институциональные реформы на постсоветском пространстве и прежде всего в европейской части с точки зрения колеи зависимости. В «западных» постсоветских республиках, наиболее готовых к новой ситуации, были обозначены разные ориентиры и выбраны различные модели развития.

На Украине пошли традиционным путем: «житница как Франция, кузница как Германия, здравница как Швейцария». При этом механизмы достижения поставленных целей обсуждались существенно меньше, чем сами цели. На Украине не ставился вопрос о ликвидации советского наследия, оно рассматривалось как свое, изначально присущее. Предполагалось, что Украина, выйдя из системы общесоюзных экономических отношений, окажется в существенном плюсе в системе межреспубликанских балансов.

В республике Беларусь принципиально новая модель экономических отношений так и не была акцептирована. Летом 1994 г. в результате всенародного голосования первым президентом Белоруссии был избран А. Г. Лукашенко, отказавшийся от форсированной приватизации и иных радикальных рыночных реформ. К этому моменту отрицательный опыт реформ в России и на Украине был достаточно убедительным

для выбора экономической модели трансформации. В результате советские институты и хозяйственные практики оказались как бы «законсервированы» на десятилетия.

Подчеркнем то, что результаты отказа от радикальных реформ в республике Беларусь не выглядят критичными на фоне реализации последних на Украине. Белорусский опыт свидетельствует о том, что попыток преодоления «эффекта колеи» можно было избежать.

В советские времена Прибалтика служила своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма. Прибалтийские республики всегда были на особом положении в СССР, что выражалось и в объеме средств, направляемых на развитие региона: в 1970–1980 гг. они лидировали по объему инвестиций в основной капитал на душу населения. Скучная советская статистика свидетельствовала о том, что республики Прибалтики существовали в режиме устойчивых бюджетных преференций. Именно поэтому изначальные условия для «выхода из колеи» здесь были лучше, что и обеспечило сугубо относительный успех модернизации [12]. Эстония была впереди всех республик СССР по душевому потреблению. В настоящее время в этой же позиции среди постсоветских государств находится Эстонская республика. Успехи Эстонии не менее очевидны, чем изначально более благоприятные условия для преодоления «path dependency» [15].

В странах Прибалтики политический класс пошел иным путем, обещая народу суровые испытания, но и указывая на то, что обретенная свобода стоит любых жертв. Справедливости ради надо отметить, что подобный подход встретил понимание значительной части населения. Не претендуя на исчерпывающее исследование, укажем на то, что наиболее жестко и последовательно преодоление зависимости от предшествующего пути было декларировано в Эстонии, Латвии, Литве. Именно в Эстонии девяностых годов был выдвинут и реализован лозунг «очистим площадку от старого». Эстонские, литовские, латвийские реформаторы указывали: «Развал того, что нежизнеспособно, — не аргумент против трансформации, а лишнее подтверждение ее успешности» [9, с. 39].

В результате экономики стран Прибалтики, и так развивавшиеся в рамках одинаковой, но не одной модели весь XX в., приобрели уникальное сходство с точки зрения компаративистики [18]. К примеру, отказ от российского транзита, как политическое решение, полностью соответствовало прибалтийским практикам выхода из «эффекта колеи», однако потребовалось почти 30 лет, чтобы преодолеть сопротивление экономистов, считающих, что в данном случае влияние предшествующего развития сугубо положительно. «Сражение» Эстонии, Латвии, Литвы с унаследованной советской экономикой в основе имеет следование парадигме о неисправимой исторической ошибке. Такой подход является классическим при обосновании детерминизма «колеи» [5].

Подведем итоги. Тридцать лет самостоятельного развития постсоветских республик стали убедительным доказательством справедливости концепции Дугласа Норта. Зависимость от предшествующего пути развития прослеживается спустя 30 лет в странах, прошедших разный экономический, социальный и политический путь, вступивших в разные экономические союзы.

1990–1991 гг. и пребывание в СССР стали точкой отсчета даже для тех стран, которые считали себя «оккупированными». Концепция «эффекта колеи» не имеет явного идеологического фундамента, и в этом ее важное достоинство применительно к современным экономическим и политическим теориям. Странам Прибалтики, Белоруссии и Украине концепция Д. Норта показывает, что можно предпринять значительные усилия для преодоления зависимости, достичь на первый взгляд видимых результатов, но новая модель экономики оказывается другой, и вовсе не лучшей. Опыт Беларуси показывает то, что там, где отказались от революционных подходов и не стали разрушать «весь экономический мир до основания» народное

хозяйство показывает сопоставимые результаты с реформаторами, пока еще прочно сидящими у брюссельской кормушки. Радикальное и непоследовательное реформирование на Украине и просто радикальное реформирование в Прибалтике не создало новых отраслей специализации, но привело к утрате, хотя и частичной, тех отраслей, которые до этого работали десятилетиями.

Таким образом, сама по себе концепция «Path Dependence» убедительно показала себя как универсальная теория, но практики ее реализации носят отчетливо выраженный индивидуальный характер. Именно поэтому данная концепция представляет собой хороший теоретический инструмент, нуждающийся в детализации и дополнительной практической апробации.

Литература

1. Аузан А. А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 10. С. 96–105.
2. Аузан А. А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
3. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–23.
4. Казакова В. И. Концептуализация «path dependence» в современной социальной науке // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. 2012. № 3. С. 6–16.
5. Корнейчук Б. В., 2016. «Эффект Колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений // Terra Ecomomicus. 2016. Т. 14, № 1. С. 78–87.
6. Корольков В. Е., Морева Е. Л. Теория домино и зависимость от пройденного пути развития: возможности и ограничения на постсоветском пространстве // Успехи современной науки и образования. 2016. Т. 2. № 10. С. 78–83.
7. Новые независимые государства: сравнительные итоги социально-экономического развития // под общ. ред. Л. Б. Вардомского. М.: Институт экономики РАН, 2012.
8. Нуреев Р. М., Латов Ю. В. Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // Мир России. 2015. № 2. С. 50–88.
9. Путь в Европу // под. общ. ред. И. М. Клямкина и Л. Ф. Шевцовой. М.: Новое издательство, 2008.
10. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / пер. с англ. Д. Узланера; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
11. Юрасова Л. А. Политика венгерского суверенитета // Вестник МГИМО-университета. 2016. № 4 (49). С. 99–116.
12. Arthur W. B. (1994) Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. The University of Michigan Press, Ann Arbor.
13. Cross-country study Economic policy challenges in the Baltic // European economy. Occasional Papers. № 58 February 2010
14. David, Paul, A. (2007): Path Dependence — A Foundational Concept For Historical Social Science // Cliometrica — The Journal of Historical Economics and Econometric History. Vol. 1, No 2, Summer 2007. P. 91.
15. Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. No. 163, September 24.
16. Monios J., Wilmsmeier G. (2016). Between path dependency and contingency: new challenges for the geography of port system evolution // Journal of Transport Geography. 51:247–251.
17. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.
18. Poissonnier A. The Baltics: Three Countries, One Economy? // Economic brief № 024 Brussels. PDF. april 2017.
19. Stark O., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. November. P. 1129–1137.
20. Wilsford D. Path Dependency, or Why History Makes It Difficult but Not Impossible to Reform Health Care Systems in a Big Way // Journal of Public Policy Cited by Volume 14, Issue 3. July 1994. P. 251–283.

Об авторе:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

References

1. Auzan A. A. Development and "path dependance" // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2017. V. 61, No. 10. P. 96–105. (In rus)
2. Auzan A. A. "Path dependance". The problem of dependence on the trajectory of previous development is the evolution of hypotheses // Journal of Moscow University. Series 6. Economy [Vestn.Mosk. un-ta. Ser. 6. Ekonomika.]. 2015. No. 1. P. 3–17. (In rus)
3. Gaidar E. T. State burden on the economy // Economic issues. 2004. No. 9. P. 4–23. (In rus)
4. Kazakova V. I. Conceptualization of "path dependence" in modern social science // Journal of NSTU named after R. E. Alekseev. Series: Governance in Social Systems. Communicative technologies [Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya: Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii]. 2012. No. 3. P. 6–16. (In rus)
5. Korneychuk B. V., 2016. "The path dependance" in the context of the evolutionary theory of economic change // Terra Economicus. 2016. V. 14, No. 1. P. 78–87. (In rus)
6. Korolkov V. E., Moreva E. L. Theory of domino and dependence on the passed path of development: opportunities and restrictions in the post-Soviet space // Successes of modern science and education [Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya]. 2016. V. 2. No. 10. P. 78–83. (In rus)
7. New Independent States: Comparative Results of Social and Economic Development // under the general edition of L. B. Vardomsky. Moscow: Institute of Economics of RAS, 2012. (In rus)
8. Nureev R. M., Latov Yu. V. Post-Soviet institutional development: in search of a way out of the line of power-ownership // World of Russia [Mir Rossii]. 2015. No. 2. P. 50–88. (In rus)
9. Way to Europe // under general ed. of I. M. Klyamkin and L. F. Shevtsova. M.: New publishing house, 2008. (In rus)
10. Shapiro I. Escape from Reality in the Humanities / translation from English D. Uzlaner; HSE. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. (In rus)
11. Jurasova L. A. Policy of Hungarian Sovereignty // Journal of MGIMO University [Vestnik MGIMO-universiteta]. 2016. No. 4 (49). P. 99–116. (In rus)
12. Arthur W. B. (1994) Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. The University of Michigan Press, Ann Arbor.
13. Cross-country study Economic policy challenges in the Baltic // European economy. Occasional Papers. No. 58 February 2010
14. David, Paul, A. (2007): Path Dependence — A Foundational Concept for Historical Social Science // Cliometrica — the Journal of Historical Economics and Econometric History. Vol. 1, No. 2, Summer 2007. P. 91.
15. Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. No. 163, September 24.
16. Monios J., Wilmsmeier G. (2016). Between path dependency and contingency: new challenges for the geography of port system evolution // Journal of Transport Geography. 51:247–251.
17. North D. N. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press, 1992.
18. Poissonnier A. The Baltics: Three Countries, One Economy? // Economic brief № 024 Brussels. PDF. april 2017.
19. Stark O., Bruszt L. One Way or Multiple Paths: For a Comparative Sociology of East European Capitalism // American Journal of Sociology. 2001. Vol. 106. No. 4. November. P. 1129–1137.
20. Wilsford D. Path Dependency, or Why History Makes It Difficult but Not Impossible to Reform Health Care Systems in a Big Way // Journal of Public Policy Cited by Volume 14, Issue 3. July 1994. P. 251–283.

About the author:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

The Culture of Conflict Resolution and its Influence on Employee Retention: A Study of Russian Companies

Julia P. Bayer^{1,*}, Yuriy V. Krivobokov², Maksim V. Gavrilov²,
Valeria A. Vasilyeva¹

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; *juliabayer@yandex.ru

² Stockholm School of Economics, Saint-Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Purpose — The purpose of this paper is a pilot study of e-communications in three Russian firms to assess the culture of conflict resolution and the impact of strategies on employee retention at these firms.

Design/methodology/approach — Qualitative and quantitative research through a questionnaire and observation method to confirm the results. We use questionnaires by spontaneous sampling with quota elements; employees of the three selected firms have an equal chance of getting into an anonymous sample.

Findings — The culture of conflict in any organization should include professional mediation (fulfilled either by professional instructor or by a specially trained HR-specialist). All members of the organizational “family” should be informed that dealing with conflict and solving it is much better and productive than hiding and suppressing it.

Research limitations/implications — The paper shows the first results of the conflict study. It shows obvious drawbacks of contemporary empirical conflict solving. Further research should explore the effects of the recommendations we made and their fulfillment.

Originality/value — The article assesses the main conflict triggers in Russian organizations of various sizes. It also reveals the key assumptions that both workers and employers have that prevent them from effectively resolving conflicts. Based on empirical results, we have developed practical recommendations on conflicts that will be useful not only for managing the organizations we have studied but also for those who have ever encountered a conflict at work.

Keywords: Organizational conflict, sociology of organizations, culture of conflicts, organization efficiency, mediation

For citing: Julia P. Bayer, Yuriy V. Krivobokov, Maksim V. Gavrilov, Valeria A. Vasilyeva. The Culture of Conflict Resolution and its Influence on Employee Retention: A Study of Russian Companies // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 102–115.

Культура разрешения организационных конфликтов и ее влияние на удержание сотрудников: исследование российских компаний

Байер Ю. П.¹, Кривобоков Ю. В.², Гаврилов М. В.², Васильева В. А.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; juliabayer@yandex.ru

² Стокгольмская Школа Экономики, МВА, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель. Целью социологического исследования является оценка и выявление проблем в культуре разрешения организационных конфликтов в российских фирмах и влияние стратегий разрешения конфликтов в организациях на удержание сотрудников в этих фирмах.

Материалы и методы. Авторы провели качественное и количественное исследование методом анкетирования сотрудников выбранных для настоящего исследования организаций. Сотрудники выбранных фирм имели равные шансы попасть в анонимную выборку организаций. Для подтверждения результатов был использован также метод наблюдения. Компании отбирались исходя из гипотезы о различиях культуры разрешения конфликтов в организациях различного масштаба — для исследования были взяты представители малого, среднего и крупного бизнеса.

Результаты. Исследование выявило очевидные недостатки культуры разрешения конфликтов в российских организациях. Отсутствие института посредничества в виде профессионального инструктора либо специально обученного специалиста по персоналу не позволяет разрешать конфликты с наименьшими потерями. При этом результаты исследования выявили практически полное отсутствие информации у сотрудников компаний о политике разрешения конфликтов в их организациях, что отрицательно сказывается на стабильности организаций и текучести кадров.

Ограничения / последствия исследования — в статье показаны первые результаты эмпирического исследования культуры разрешения конфликтов в организации. В нашем случае мы не имели возможности изучить положительный эффект от внедрения в организационную систему методов посредничества. Дальнейшие исследования будут направлены на исследование результатов от внедрения наших рекомендаций.

Оригинальность / ценность. Впервые был использован единый подход к оценке культуры разрешения конфликтов в различных по масштабу российских организациях. На основе эмпирических результатов мы разработали практические рекомендации по управлению конфликтами, которые будут полезны не только для управления организациями, которые мы исследовали, но и для тех, кто когда-либо сталкивался с конфликтом на работе. Кроме того, данное исследование подтверждает выдвинутые ранее теоретические положения о необходимости использования института медиации.

Ключевые слова: организационный конфликт, социология управления, культура разрешения конфликтов, эффективность организации, медиация

Для цитирования: Julia P. Bayer, Yuriy V. Krivobokov, Maksim V. Gavrilov, Valeria A. Vasil'yeva. The Culture of Conflict Resolution and its Influence on Employee Retention: A Study of Russian Companies // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 102–115.

1. Introduction

This paper examines the culture of conflict resolution from case studies of three Russian firms of three sizes, small, medium and large, state or privately owned. We examine repeated conflict resolution strategies and measure outcomes by employee satisfaction, as gauged by staff turnover (take-up of other jobs at other firms at the same salary level).

We base it the organizational structures in the companies we researched are similar, they are linear or linear-functional. So, if the organizational structures are similar, the organizational culture (including methods of conflict solving) should be similar too.

Under the term “culture of conflicts” we understand regularly repeated effective social practice of conflict solving (the basic rules may be written or not written in the corresponding organizational documents), based on the assumption that each conflict can has its positive developing power and should be dealt accordingly.

Under “effectiveness of organization” we understand the level of employee satisfaction in each of three organization. The “level of employee satisfaction”, in its turn, will be measured in potential staff turnover, which is, the readiness of the stuff to change the company they work in, for the company with more favorable conditions but with the same level of the salary. The term “e-commutation” stands for any official (through specially created official networks) as well as informal communication (through electronic channels as well as social media channels).

2. Literature Review

The sociologist Simmel [34] and others, including Dahrendorf, have regarded social conflict as normal, a natural result of any management system, and strategies for resolving them include mediation of some kind [9]. Wall and Callister [37] have reviewed

the substantial literature on the importance of resolving conflict for organizational productivity. To this we have added a contribution on methods of examining conflict management [35; 36; 31]. It is important to note, for example, that culture influences both behavior and strategy [39; 15]; also, the relevance of conflict within families to organizational conflict has been studied [16; 18]; finally, gender has been considered as a factor in organizational conflict [38; 2], with a conclusion drawn by Anderson and Bushman [1], Baron, Neuman, and Geddes [3] that men are more likely to show aggression at work, while women tend to prefer mediation.

What gives rise to conflict? Mikkelsen and Clegg [27] observe that in order to manage a conflict in an organization it is necessary to understand the complex and dynamic nature of the conflict. For example, sometimes there are clear patterns, as in “organizational cynicism,” which Dean, Brandes and Dharwadkar [14] and Naus [28] denotes when employees initially respond with negativity to rules, giving rise to conflict situations. For the most part, as Contu [8] notes, conflict is still poorly understood, with scholars commenting on whether organizational conflict is a constructive or destructive process [12; 5]. We follow the view that conflict has productive as well as destructive potential [11; 29; 30; 7].

For managing conflict, the literature divides outcomes of conflict by functionality, for example, positive:

- Where it is clearly a result of management decisions that do not consider employees' view, organizational decision-making can productively be reviewed [32].
- Where it constitutes a minor aggravant, even stimulus, it can result in innovation and professional growth [12; 10; 36], even organizational development [17].
- Where it encourages individuals and groups to develop new approaches in their work [21], or new competencies in articulating and clarifying positions, compromising, negotiating, tolerating opposition and becoming flexible [31], it can foster positive change.

And dysfunctional:

- Where it is not resolved and causes stress, burnout, and dissatisfaction [25; 6; 13].
- Where it reduces communication between individuals and groups [24], thus affecting performance.
- Where it affects the level of commitment and loyalty affecting staff turnover and damaging relationships [32, P. 398].

In this paper, we evaluate methods of conflict resolution in Russian firms.

3. Methods

We agreed with the statement [36, P. 19] that conflicts are inevitable part of the existence (in our case — company existence) and that they can, if managed properly, be the impulse of further development [7]. For us it is more important to evaluate the methods of conflict solving, establishing the most effective ones and cultivating them in the companies.

In our paper we select three firms (see Appendix No. 1). The sampling method is everywhere quota, representatives of all levels of the organization got into it according to the proportions presented in every organization. These firms were chosen because they are typical representatives of small, medium and large businesses in Russian big city like St. Petersburg.

We had an opportunity to conduct research in them, as the authors of the article participate in their management and are interested in its improvement based on verified empirical data.

To make the research in each of the three companies comparable and representative enough we undertook 41 questionnaires in “Folding” company, 30 questionnaires in “Geofarm” company and 20 in “Severstal” company. For more information on the

companies participating in the study, see Appendix No. 1. representatives of all level of management and other professionals were included into the sample research, and though we can call it a pilot study based on quota sample, main conclusions can be already made and decisions about optimal conflict solving tradition can be taken. After the pilot study the main study could take place in those companies with providing practical advice and specific solutions of culture of conflicts.

It should be also underlined that three companies we chose for the research, represent small size, medium size and big size businesses in contemporary Russia.

The respondents individually filled in the electronic questionnaires and sent them back to us. We specifically requested sincere answers pointing out the anonymity of research.

We use administrative reports, recorded informal social practice and reported approved traditions (source). We look for repeated responses to conflict. To assess conflict, we use the following questions:

- What conflicts are identified?
- What effect does conflict produce in firms?
- What traditions exist for conflict resolution?
- How do they differ from comparative country experience?
- How can the level of employee's satisfaction best be measured?
- Is there any correlation of used conflict solving methods with status in organization, duration of the work experience, gender, age?
- How common is mediation as conflict resolution?

The full questionnaire is presented in Appendix No. 2.

4. Results

Respondents from all three of them gave almost the same, statistically repeated answers, so that we can assume that we have found out a trend in attitude to conflicts and in dealing with conflicts in Russian companies. That is why conclusions and recommendations, made on the results of our research, will be applicable to all three investigated organizations.

Responses include the following:

Question № 1 was aimed to find out the basic attitude to the conflicts among the employee in all three investigated companies:

How do you think conflicts influence effectiveness of your organization?

And the results are the following:

77% — Negatively;

21% — Positively;

2% — No influence.

As we mentioned earlier, there was no specific difference in any of the three companies. So, we can conclude that unfortunately, basic negative attitude to the conflicts is occurred that hinders employees to see the positive effect of the conflict and use the energy of the stuff for further development.

Question № 2 was aimed to find out typical strategy when in conflict situation, verbal or non-verbal, conscious or unconscious traditions of dealing with conflict:

What is your typical behavior, when you deal with conflict, in case you are involved in it?

The results are the following:

72% — I negotiate and try to find compromise that will partly satisfy each side of the conflict;

13% — I ask a professional mediator/third person to help and conduct conflict communication;

11% — I don't want to argue or fight, so that I agree with the conflicting side and give up my principles in order to remain in peace and don't waste working time and energy;

2% — I hide conflict because I consider them destructive and try to keep it latent as long as possible, in the hope that the situation will be resolved by itself or out of fear of losing status quo;

2% — We argue with my opponent and I never give up my principles, neither does he, by the end of the conflict we both are pretty exhausted with an empty feeling inside us.

Question № 3 was obviously aimed to find out esteemed, approved by top-management, behavior to resolve the conflicts in each of the three investigated organizations. And the answer "No" was almost unanimous.

Is there any esteemed tradition of solving the conflict in your organization?

75% — No

25% — Yes

Question № 4:

Describe in brief the tradition of conflict resolution in your organization.

The responses can be divided into three categories:

Category 1 — "it is always possible to find positive decision, "we are used to live without quarrel";

Category 2 — "asking a top-management to mediate and help to solve the conflict";

Category 3 — "making each conflict side negotiating", "to consider situation from above".

We conclude, that the tradition is to avoid conflict and think positively. If conflict does occur, top management will negotiate. This finding seems to confirm that most (77%) employees in all three organizations responded negatively to instances of conflict.

Question № 5 was aimed to discover how traditional means of conflict resolution were received:

How would you describe your attitude to the tradition of solving the conflict situation in your organization?

31,5% — Sometimes it works.

31,5% — Completely satisfied.

21% — Almost satisfied.

15,7% — The tradition doesn't work anymore.

Question № 6 was designed to update information about the firm's method of conflict resolution:

How did you resolve the last conflict that occurred in your organization?

Not all respondents answered this question, so it was not possible to calculate the percentage. However, all responses received were divided into 4 categories:

Category 1 — We tried to find a compromise.

Category 2 — We imposed a resolution (used by middle-level and top-management).

Category 3 — We ignored the conflict situation.

Category 4 — mediation was used.

Our assumption, as in Wal land Callister [37, P. 542] is that mediation works best: **question № 7** aimed to find out how wide spread this method is. 57% do not use mediation:

Did you ever use the method of mediation as an effective conflict solving?

57% — No

43% — Yes

Question № 8 asked only respondents who replied that they used mediation how professionally it was applied and how satisfied they were, and, as we see according to results, there is much space left for development of mediation as a method of conflict solving.

Please, evaluate the effectiveness of mediation as a conflict solving method:

- 38% — Good experience.
- 27% — Mediocre experience.
- 23% — Excellent experience.
- 11,5% — Bad experience.

So, as we were trying to investigate how professionally or amateurishly the mediation was implemented, we asked in **question № 9: “Who implemented mediation?”**

The results showed that the management initiates mediation predominantly — 48%, but in such a situation mediators might be subjective because express the interests of the top manager often and management might use such methods for their own purposes. It is also common to ask a colleague to solve the conflict — 32% of respondents, and only 16% of respondents mentioned a professional mediator's involvement. .

We conclude that the culture of mediation is not developed sufficiently. The role of mediator is usually carried out by top-managers and colleagues. Here it should be noted that the theoretical study of mediation as a method of resolving the conflict in Russia has been going on for quite some time [19; 22], however, the Russian mentality is not psychologically ready yet for the acception such a method [26].

Question № 10 was aimed to find out the potential staff turnover.

The goal of this question was to understand more closely “loyalty” to the organization, and we used situation modelling. Our situation was for another, more interesting and ambitious company, to make an offer at the same salary level.

As we can easily see below, almost half of the employees of each of three organizations are eager to change where they work for a new organization with a more developed organizational culture.

Imagine, you are offered a new job at a firm with an interesting organizational culture at almost the same salary, would you take it?

- 51% — No
- 49% — Yes

This willingness to take a new job may signal dissatisfaction with traditions and corporate culture where they work (holding salary constant); the absence of a conflict solving culture might be one of the reasons.

We go further in **question № 13** to ask about the future, say 5 years. We conclude, from the results below, that although 49% of respondents are eager to change their jobs for a more challenging position at the same salary (there is no distinction by size of firm) such an offer may seem unlikely, explaining that most employees see themselves working in the same organization within 5 years. This loyalty, we argue, can be diagnosed as superficial, artificial and forced by circumstances.

In the closest 5 years I will be working in...

- 89% — This organization.
- 11% — Another organization.

Further on, in **question № 11** we investigated if there are any written rules of employee's behavior in case they meet conflict. We were trying to investigate how much is the culture of conflict solving is established in each organization documentarily.

Are there in your organization any written rules of employee's behavior in case they meet conflict communication with client/colleague/boss?

90% — No

10% — Yes

Question № 12 was addressed to those, who answered yes. More than half rejected the notion that the rules work. If we consider that rules do not exist as a separate document, fragments of them can be found in other documents.

Do you follow written rules of conflict management?

55% — No

45% — Yes

So the age distribution of the respondents is the following:

63% — 30–40 years;

14% — 41–50 years;

12% — 21–29 years;

9% — 51–60 years;

2% — 61 years and more.

Trends in all three size organizations are roughly the same in regard to age: we deal mostly with young people 30–40 years old (63%). This means, that they are in such an age of being flexible and open-minded that they will very eagerly meet positive changes in their organization. The recommendations we will develop in our work will assume that they will be applied on people of predominantly young generation.

The gender of the respondents is also significant to mention:

76% — Male

24% — Female

The sector of these firms leads to such a gender distribution. Proportionality was preserved in the representative samples.

Your status in the organization you are working in:

68% — Specialists.

21% — Middle-level.

11% — Owners, top-management.

5. Conclusions, recommendations and implications

1. One hypothesis, that there is a respected culture of conflict resolution in Russian organizations, was empirically disapproved.
2. Another, is that companies do not largely differ in traditions of conflict resolution; this was confirmed, attitudes toward conflict remains negative, and the predominate method of resolution is negotiations.

In general, comparing our results with those in other publications:

1. In Russian firms, potential staff turnover was much higher. Employees are eager to change their jobs for another. A majority (77%) considers conflicts to have a negative effect on the organization and when they occur, either negotiations are automatic, the management conducts negotiations, or employees in conflict give up their principles to remain in peace [33].
2. Methods of conflict resolution do not correlate directly with gender. But they do correlate with respondent's position in the organization. Thus, among those who gave answers such as "my point of view is right, the opposite one is wrong," or "we argue till we die," are mainly top-management and owners.

3. Comparing results for FOLDING, GEROFARM and SEVERSTAL, we found out no difference in methods of conflict resolution and attitude toward conflicts and thus conclude that there may be a national tradition and rules established in Russia.
 4. According to potential staff turnover, which is 49% in our organizations, we conclude that conflict solving methods are not actually “working well.” We suggest introducing mediation in the course of negotiation (which is widely spread in all three organizations — 72%). We can consider mediation as an advanced method of negotiating that could effectively applied and developed [4; 20; 23; 17].
 5. The results of our work have a practical application for start-ups in the field of business consulting.
 6. Results of our research have helped us formulate the following innovative model:
 - If the conflict is not resolved, then it cannot be managed.
 - If the conflict cannot be managed, then HR processes in the company are out of control.
 - If HR processes are out of control then the unexpected results are more likely to occur.
 - Unexpected results might make the future difficult to predict and goals difficult to set.
 - The company continue to suffer internal conflicts.
- Schematically, this can be represented as a continuous cycle, developing in a spiral (Fig. 1).

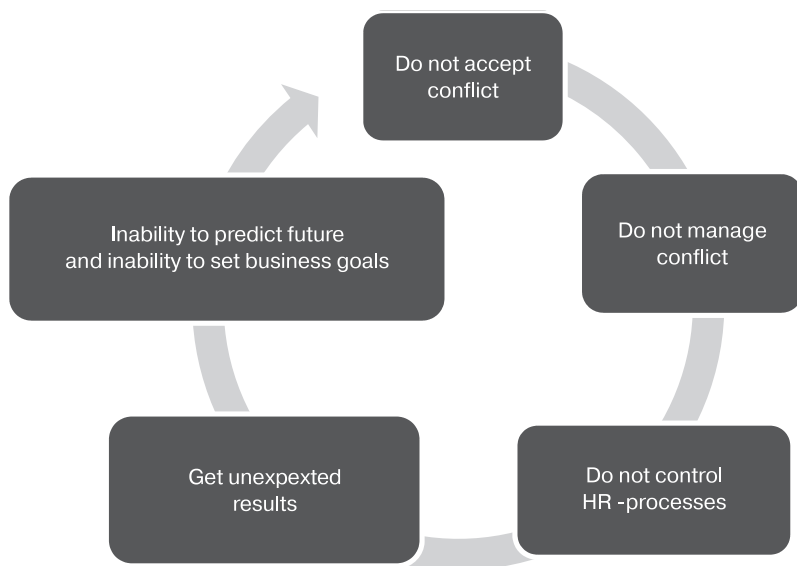

Fig. 1. What happens if we don't accept conflict

The recommendations to the organizations we researched are the following:

1. The basic attitude to the conflicts should be changed in private and state organizations. Conflict is seen as a symptom of social “illness” without effect on a firm’s development. This attitude should be adjusted to recognize that conflict resolution has positive power and, when professionally managed, can trigger positive changes and further development in companies. This is also confirmed in a number of publications we researched Rainey [32], De Dreu & Beersma [10], De Dreu, & Weingart [12], Tjosvold [35; 36] et al. This can be graphically shown in our scheme of conflict resolution to improve firm performance (Fig. 2):

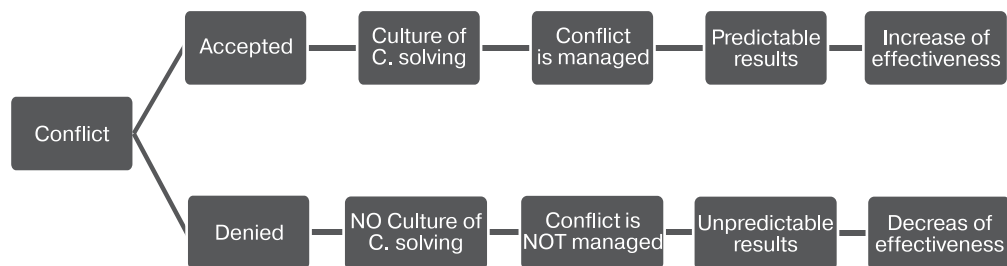

Fig. 2. Conflict Resolution Culture and Organization Efficiency

2. A culture of conflict resolution should be written and widely accepted for a conflict situation. This recommendation is for private and public companies. The rules should be explained to the employees on all levels and they should be monitored, with regular feedback for a successful maintenance of the new conflict management traditions. These rules can be a part of written corporative culture and should be implemented by managers.
3. The culture of conflict in any public or private organization should include professional mediation (fulfilled either by professional instructor or by a specially trained HR-specialist) so that conflict resolution brings about positive change in working processes and professional competences of employees.
4. Depending on the size of the organization, we recommend either a special permanent position of a professional mediator (for such company as SEVERSTAL, for example), or a specially educated HR-manager, who will implement functions of mediator when needed. The mediator forms an early hypothesis about the competing goals of each partner, verifies it, and begins to explore the implications. Special courses on mediation should be included for prospective employees in public organizations. Skills of mediating can be referred to as *soft skills*. That means that:
 - While technical knowledge you currently have may be ... obsolete in five years' time, the soft skills will be relevant in twenty- or thirty-years' time.
 - The transferable nature of soft skills will help employees progress in their organization and add competencies or even change jobs.

When employees know how to manage a conflict, potential staff turnover will fall, we show, by 49%. This means that top-management will be able to rely on employee loyalty. This will make internal HR-policy more constant and profound for public as well as private organizations.

6. References

1. Anderson C., Bushman, B. (2002). Human Aggression. Annual Review of Psychology. 2002; 53(1): 27–51. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135231>.
2. Bakar Z., Salleh R. Role Demands, Work-Family Conflict and Motivation: A Proposed Framework. Global Business and Management Research. 2015; 7(2): 78.
3. Baron R., Neuman J., Geddes D. Social and Personal Determinants of Workplace Aggression: Evidence for the Impact of Perceived Injustice and the Type a Behavior Pattern. Aggressive Behavior. 1999; 25(4): 281–296.
4. Besemer H. Mediation in Conflicts. Kaluga: Spiritual knowledge; 2004. (In Russ).
5. Budacia E. A. Conflict — The Source Of Progress Or Regress In Modern Organizations? Romanian Economic Business Review, Romanian-American University. 2016; 11(4.1): 25–29.
6. Chen X-H, Zhao K, Liu X, Wu DD. Improving Employees' Job Satisfaction and Innovation Performance Using Conflict Management. International Journal of Conflict Management. 2012; 23(2); 151–172.

7. Coggburn J, Battaglio R, Bradbury M. Employee job satisfaction and organizational performance: The role of conflict management. *International Journal of Organization Theory & Behavior*. 2017; 17 (4): 498-30. <https://doi.org/10.1108/IJOTB-17-04-2014-B005>.
8. Contu A. Conflict and Organization Studies. *Organization Studies*. 2019; 40 (10): 1445–1462. <https://doi.org/10.1177/0170840617747916>
9. Dahrendorf RG. Elements of a Theory of Social Conflict. 1965. Available from http://ecsocman.hse.ru/data/968/645/1216/019_darendorf.pdf. [Accessed 23 February 2020]. (In Russ.).
10. De Dreu CKW, Beersma B. Conflict in Organizations: Beyond Effectiveness and Performance. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. 2005; 14(2): 105–117.
11. De Dreu CKW, Van de Vliert E. (Eds.). Using conflict in organizations. Sage Publications Ltd. 1997. doi: 10.4135/9781446217016.
12. De Dreu CKW, Weingart LR. Task versus Relationship Conflict, Team Member Satisfaction, and Team Effectiveness: A meta-analysis. *Journal of Applied Psychology*. 2003; 88(4): 741–749. <http://doi.org/10.1037/0021-9010.88.4.741>
13. De Wit FRC, Greer LL, Jehn KA. The Paradox of Intragroup Conflict: A Meta-Analysis. *Journal of Applied Psychology*. 2012; 97(2): 360–390.
14. Dean JWW, Brandes P, Dharwadkar E. Organizational Cynicism. *Academy of Management Review*. 1998; 23(2): 341–352.
15. Du Plessis M. Managing business towards the integration of social and business culture in developing countries. *Management Today*. 2012; 3: 14–21.
16. Efeoğlu I. E., Sanal M. The Effects of Work-Family Conflict on Job Stress, Job Satisfaction, and Organizational Commitment: A Study in Turkish Pharmaceutical Industry. *Social Issues in the Workplace: Breakthroughs in Research and Practice*. IGI Global. 2019: 560–575.
17. Eunson B. Conflict Management, John Wiley & Sons Limited. NY; 2017.
18. Facer R. L., Wadsworth L. Alternative Work Schedules and Work-Family Balance: A Research Note. *Review of Public Personnel Administration*. 2008; 28(2): 166–177.
19. Grishina N.B. Psychological basics of the mediation. *Conflictology*. 2014; S: 275–277. (In Russ.).
20. Haynes J., Haynes G., Fong L. Mediation: Positive Conflict Management. State University of New York Press. NY; 2004.
21. Herrman M. S. Understanding and Using Conflict in the Workplace. In S.E. Condrey (Ed.), *Handbook of Human Resource Management in Government*, 2nd ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass; 2005.
22. Karpenko A. D., Merenkova A. D. Current state of mediation development in Russia. *Conflictology*. 2014; S: 282–287. (In Russ.).
23. Kerntke W. Mediation as a method of organizational development. Moscow: Vernera Regena; 2012. (In Russ.).
24. Kernberg O. Conflict, leadership, ideology in groups and organizations. Moscow: Klass; 2015. (In Russ.).
25. Kolb D. M., Putnam L. L. Introduction: The Dialectics of Disputing. In D. M. Kolb and J. M. Bartunek (Eds.), *Hidden Conflict in Organizations: Uncovering Behind the Scenes Disputes* (pp. 1–31). Thousand Oaks, CA: Sage; 1992.
26. Lepehin N. N. Overcoming resistance of mediation in the organization. *Conflictology*. 2014; S: 289–211. (In Russ.).
27. Mikkelsen E. N., Clegg S. (2019). Conceptions of Conflict in Organizational Conflict Research: Toward Critical Reflexivity. *Journal of Management Inquiry*. 2019; 28(2): 166–179. <https://doi.org/10.1177/1056492617716774>
28. Naus AJAM. Organizational Cynicism on the Nature, Antecedents, and Consequences of Employee Cynicism Toward the Employing Organization (Unpublished PhD Thesis). Maastricht University, Maastricht, The Netherlands; 2007.
29. Pelled L. H., Eisenhardt K. M., Xin K. R. Exploring the Black Box: An Analysis of Work Group Diversity, Conflict and Performance. *Administrative Science Quarterly*. 1999; 44(1): 1–28. <https://doi.org/10.2307/2667029>
30. Rahim M. A. (2002). Toward a theory of managing organizational conflict. *The International Journal of Conflict Management*. 2002; 13(3): 206–235.
31. Rahim M. A. Managing conflict in organizations. (4th ed.): Routledge; 2010. Available from <https://ebookcentral.proquest.com> [Accessed 11 January 2020].
32. Rainey H. G. Understanding and Managing Public Organizations (5th ed.). San Francisco, CA: Jossey-Bass; 2014.

33. Shein E. Organizational Culture and Leadership. Saint-Petersburg: Piter; 2002. Available from <http://www.library.fa.ru/files/Shein.pdf>. [Accessed 17 December 2019]. (In Russ.).
34. Simmel G. The Sociology of Conflict: I. American Journal of Sociology. 1903; 9: 490–525. Available from https://brocku.ca/MeadProject/Simmel/Simmel_1904a.html. [Accessed 27 December 2019].
35. Tjosvold D. Defining conflict and making choices about its management: Lighting the dark side of organizational life. International Journal of Conflict Management. 2006; 17 (2): 87–95. <https://doi.org/10.1108/10444060610736585>.
36. Tjosvold D. The Conflict-Positive Organization: It Depends Upon Us. Journal of Organizational Behavior. 2008; 29(1): 19–28.
37. Wall J. A., Callister R. R. Conflict and Its Management. Journal of Management. 1995; 21(3): 515–558. <https://doi.org/10.1177/014920639502100306>.
38. Yasim Y. K. Relation Between Work-Family Life Conflict and Organizational Cynicism in Women: A Research in Banking Sector. Handbook of Research on Women in Management and the Global Labor Market. IGI Global. 2019: 113–135. <http://doi:10.4018/978-1-5225-9171-9.ch006>.
39. Zyl E. S., Dinan A., Harunawamwe M. Cultural Intelligence among Organizational Leaders as a Way to Enhance Peace and Conflict Resolution within Organizations. Global Leadership Initiatives for Conflict Resolution and Peacebuilding. IGI Global. 2018: 116–130. <http://doi:10.4018/978-1-5225-4993-2.ch006>.

About the authors:

Julia P. Bayer, North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Associate Professor, PhD in Sociology, juliabayer@yandex.ru

Juriy V. Krivobokov, Stockholm School of Economics, MBA, SPb Project executive director, Verbnaaya street, 27. Office № 825, St. Petersburg, Russian Federation; krivobokov@spb-projekt.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1866-3633>

Maxim V. Gavrilov, Stockholm School of Economics, MBA, Plant “Norma” co-owner, executive manager, Sestroretsk, St. Petersburg, Russian Federation; maxim.gavrilov@foldin.ru;

Valeria A. Vasilyeva, North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Deputy Director of the Science library vasileva-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-5223>

Об авторах:

Байер Юлия Паулевна, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доцент кафедры социальных технологий, кандидат социологических наук; juliabayer@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1866-3633>

Кривобоков Юрий Викторович, Стокгольмская школа экономики, MBA, (Санкт-Петербург, Российская Федерация), управляющий проектами; krivobokov@spb-projekt.ru

Гаврилов Максим Валентинович, Стокгольмская школа экономики, MBA; совладелец завода «Норма», исполнительный директор (Сестрорецк, Санкт-Петербург, Российская Федерация); maxim.gavrilov@foldin.ru

Васильева Валерия Алексеевна, Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заместитель директора Научной библиотеки; vasileva-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-5223>

Funding

This research received no specific grant from any funding agency in the public, commercial, or not-for-profit sectors.

Contribution of authors:

Julia Bayer — researching and staging a topic, conducting research, processing results, writing sections of an article.

Maxim Gavrilov, Juri Krivobokov — conducting research, collecting and analyzing the results.

Valeriya Vasilyeva — study of sources, writing sections of an article.

Appendix № 1

Overview of the companies involved into research

FOLDING Company Ltd <https://www.foldin.ru> began its business activity from 2003 year as an importer of sliding walls and partitions, produced in Sweden and in Finland to the market of the North-West region of Russia. The company began to grow and develop rapidly: to expand the range of products, to go to other regions and cities, to attract and train new specialists, to target new segments of the customers, to provide different services. In 2014, the company launched a sliding partition production line using Swedish technology. This is the first and only line in Russia. In 2016, the second sliding wall production line was launched.

Now the company has 42 employees and provides not only project management and quality installation of folding partitions and movable walls, but also flexible modern production of high-quality products. FOLDING company represents small business in Russia.

GEROFARM <http://geropharm.ru> is pharmaceutical company that deals with production and distribution of drugs in Russia. Modern biotechnological production of the full cycle. The company is certified by Russian and international GMP standards. The company is 17 years on the market, has been working successfully since 2001. Revenue growth in 2017 was 18% compared to 2016. Has first place in the market of genetically engineered insulin by sales in 2017. The volume of investments in technological innovation and R & D in 2013–2017 is more than 6 billion rubles.

The company has more than 850 highly qualified employees. GEROFARM is engaged in the production of medicines, invests in technological development and the creation of modern pharmaceutical infrastructures. GEROFARM company is middle size business in Russia.

PAO SEVERSTAL <https://www.severstal.com> is a vertically integrated mining and steel production company with the main assets in Russia and a small number of enterprises abroad. Its revenue is 7,8 billion USD for 2017 and employees' amount — 50 000 people. SEVERSTALs strategy is to increase the value of the company through the creation of a sustainable high-quality business that consistently brings more profit than the industry average.

Although SEVERSTAL accounts for less than 1% of the world's metallurgical production, the Company maintains a convincing global leadership in terms of profitability of production. In particular, in 2015, SEVERSTAL set another record, achieving the highest EBITDA margin since listing on the London Stock Exchange in 2006. This is obviously good example of big business in Russia.

Appendix № 2

Questionnaire

Dear friend!

We kindly ask you to fulfill the Questionnaire that was written in a frame of conducting a research on the theme "The Culture of Conflicts and their influence on the effectiveness of organizations". The research is anonym, so please, be frank in answering the questions, the results will be used only in statistic generalization.

Thanks in advance!

1. How do you think conflicts influence effectiveness of your organization?

01 — Positively, they stimulate innovation development and progress in the organization I work in.

02 — Negatively, they require a lot of time and energy, exhausting each side of the conflict.

03 — No influence

2. What is your typical behavior, when you deal with conflict, in case you are involved in it:

01 — I negotiate and try to find compromise that will partly satisfy each side of the conflict;

02 — I hide conflict because I consider them destructive and try to keep it latent as long as possible, in the hope that the situation will be resolved by itself or out of fear of losing status quo;

03 — We argue with my opponent and I never give up my principles, neither does he, by the end of the conflict we both are pretty exhausted with an empty feeling inside us.

04 — I don't want to argue or fight, so that I agree with the conflicting side and give up my principles in order to remain in peace and don't waste working time and energy.

05 — I ask a professional mediator/third person to help and conduct conflict communication.

3. Is there any esteemed tradition of solving the conflict in your organization?

01 — yes

02 — no (please, skip the next questions № 4 & 5 and go to question № 6)

4. Please, describe shortly the tradition of conflict solving in the organization you are working in?

5. How would you describe your attitude to the tradition of solving the conflict situation in your organization:

01 — completely satisfied

02 — almost satisfied

03 — sometimes it's ok

04 — the tradition doesn't work anymore

6. How did you solve the latest conflict that occurred with you in your organization?

7. Did you ever use the method of mediation as an effective conflict solving?

01 — Yes

02 — No (please, skip the next two questions and go to № 10)

8. Please, evaluate the effectiveness of mediation as a conflict solving method on a scale, where 1 is the poor and 5 is excellent.

1–2–3–4–5

9. Who implemented the mediation:

- 01 — my boss
- 02 — my colleague
- 03 — specially hired professional mediator
- 04 — your variant _____

10. Imagine, you have a suggestion to change the job, moving into the new company with strong ambitions on the market, great potential and interesting organizational culture, but almost the same salary, would you agree?

- 01 — Yes
- 02 — No

11. Are there in your organization any written rules of employee's behavior in case they meet conflict communication with client/colleague/boss?

- 01 — Yes
- 02 — No (please skip the next question and go to question №13)

12. Do you follow this written rules of managing the conflict?

- 01 — Yes
- 02 — No

13. In the closest 5 years you consider yourself working in...

- 01 — this organization
- 02 — another organization

14. Your age:

- 01 — 21–29 years
- 02 — 30–40 years
- 03 — 41–50 years
- 04 — 51–60 years
- 05 — 61–70 years
- 06 — more than 71 years

15. Your gender:

- 01 — Male
- 02 — Female

16. Your status in the organization you are working in:

- 01 — owner
- 02 — top-management
- 03 — middle-level management
- 04 — specialist

17. How long have you been working in the organization?

- 01 — less than a year
- 02 — 1–5 years
- 03 — more than 5 years

Иерархические методы кластеризации в задаче поиска аномальных наблюдений на основе групп с нарушенной симметрией¹

Кисляков А. Н., Поляков С. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Владимирский филиал), г. Владимир, Российская Федерация; *svp2206@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Работа направлена на решение актуальной проблемы идентификации и интерпретации аномальных наблюдений при исследовании социально-экономических процессов. Предлагаемый в работе метод основан на использовании кластерного подхода к выявлению аномальных наблюдений. Кластеризация выполняется иерархическими методами, которые представляют собой совокупность алгоритмов упорядочивания данных, направленных на создание дендрограмм, состоящих из групп наблюдаемых точек. В качестве метрики расстояний между элементами в случае смешанных данных, состоящих из числовых и категориальных переменных предлагается использовать расстояние Гауэра. Оценка качества кластеризации выполняется на основе показателя суммы квадратов метрических расстояний между объектами внутри кластера и средней ширины силуэта. Эти показатели позволяют выбрать оптимальное количество кластеров и оценить качество результатов разбиения. Дендрограмма может быть использована для исследования групп симметрии кластерных систем и причин нарушения симметрии. Выявление аномалий осуществляется путем анализа результатов иерархической кластеризации и выявления ветвей дендрограммы, располагающихся на начальных уровнях построения дерева и не имеющих ветвлений. Реализованная методика позволяет более точно интерпретировать результаты кластеризации относительно определения ошибок первого и второго рода виде аномальных наблюдений в наборе данных. С помощью описанной методики возможно эффективно исследовать социально-экономические системы и управлять их развитием.

Ключевые слова: кластерный анализ, сетевые графы, нарушение симметрии, аномальные наблюдения, деревья решений.

Для цитирования: Кисляков А. Н., Поляков С. В. Иерархические методы кластеризации в задаче поиска аномальных наблюдений на основе групп с нарушенной симметрией // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 116–127.

Hierarchical clustering methods in a task to find abnormal observations based on groups with broken symmetry

Aleksey N. Kislyakov, Sergey V. Polyakov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Vladimir Branch), Vladimir, Russian Federation; *svp2206@yandex.ru

ABSTRACT

The work is aimed at solving the actual problem of identification and interpretation of anomalous observations in the study of socio-economic processes. The proposed method is based on the use of a cluster approach to detecting anomalous observations. Clustering is performed using hierarchical methods, which are a set of data ordering algorithms aimed at creating dendrograms consisting of groups of observed points. In the case of mixed data consisting of numeric and categorical variables, it is proposed to use the Gower

¹ Исследование выполнено в рамках работ по гранту РФФИ 18-07-00170 А «Создание прогностических моделей эволюции природных, живых и социально-экономических систем на основе конечных групп нарушенной симметрии».

distance as a metric for distances between elements. Clustering quality is evaluated based on the sum of squares of metric distances between objects within the cluster and the average width of the silhouette. These indicators allow you to select the optimal number of clusters and evaluate the quality of the split results. The dendrogram can be used to study the symmetry groups of cluster systems and the causes of symmetry breaking. Anomaly detection is performed by analyzing the results of hierarchical clustering and identifying branches of the dendrogram that are located at the initial levels of tree construction and do not have branches. The implemented method makes it possible to more accurately interpret the results of clustering with respect to determining errors of the first and second kind in the form of anomalous observations in the data set. Using the described method, it is possible to effectively investigate socio-economic systems and manage their development.

Keywords: cluster analysis, network graphs, symmetry breaking, anomalous observations, decision trees.

For citing: Kislyakov A. N., Polyakov S. V. Hierarchical clustering methods in a task to find abnormal observations based on groups with broken symmetry // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 116–127.

Введение

Круг задач, решаемых на основе перспективного анализа данных и прогнозного моделирования постоянно расширяется. На основе математических моделей возможна выработка рекомендаций и составление прогнозов показателей социально-экономического развития. Сам подход к использованию данных для принятия решений становится ключевым фактором экономического роста [6; 7]. Данные являются основой для построения прогнозных моделей и от их качества зависит результат принятия решений.

При этом исходный набор данных может содержать нехарактерные показатели или аномальные наблюдения [1]. Существует достаточно способов [7; 16] выявления аномальных наблюдений от самых простых — визуальных, а также методов, основанных на критериях проверки статистических гипотез, до более сложных использующих алгоритмы линейной регрессии и заканчивая рекуррентными нейронными сетями. Обычно выделяют следующие возможные источники аномальных наблюдений.

1. Неумышленная, ошибочная запись значения наблюдаемого показателя — ошибка первого рода, подлежащая устранению.
2. Резкое изменение внешних и внутренних условий, связанных с формированием результата наблюдения (ошибка второго рода, которую следует учитывать в модели).
3. Резкие отличия показаний объектов исследования, неочевидно находящихся в различных условиях функционирования (действие скрытых факторов).
4. Умышленное искажение с определенной целью результатов наблюдений.

В этой связи на первый план выходит задача не только поиска, идентификации, но и интерпретации аномальных наблюдений. Так, например, визуальная оценка наличия таких наблюдений на диаграмме рассеяния не всегда дает однозначный ответ на вопрос является ли аномальным наблюдением данная точка. Еще сложнее обстоят дела, когда изучается поведение человека как составляющей социально-экономической системы на основе вектора признаков (факторов) на основе групп с нарушением симметрии [8; 10].

Подходом к поиску аномалий, заслуживающим особого внимания, является использование методов кластерного анализа. Суть кластерных методов заключается

в оценке метрических расстояний между объектами (точками), характеризующимися векторами признаков. Если значение этого расстояния удалено от центров кластеров более чем на определенную величину, то наблюдение можно считать аномальным.

В этом понимании кластерные методы схожи с метрическими и статистическими методами [1; 15] поиска аномальных наблюдений, однако при более детальном рассмотрении кластерные методы позволяют решить более широкий круг задач, связанных с интерпретацией выявленных аномалий.

Целью работы является разработка метода идентификации аномальных наблюдений на основе иерархической кластеризации. При этом основной задачей является выбор метода иерархической кластеризации, а также метрики расстояний в пространстве признаков. Данный подход позволяет добиться более сбалансированных результатов кластеризации при возможности определения количества кластеров.

При исследовании реальных систем, объектов и их структур, изменяющихся в процессе развития, чаще, где это возможно, обращаются к математическим моделям, относящимся к алгебраическим структурам. Классификацию алгебраических структур можно построить на основе визуализаторов. Визуализатор — тип программного обеспечения, предназначенный для преобразования различной информации в зрительные образы. В качестве одного из результатов работы визуализатора является дендрограмма [17], которая используется для представления результатов иерархической кластеризации. Дендрограмма может быть использована для исследования групп симметрии кластерных систем и причин нарушения симметрии [8; 9] (наличии, появлении аномальных наблюдений).

Методы исследования

Методы иерархической кластеризации представляют собой совокупность алгоритмов упорядочивания данных, направленных на создание иерархии (дерева, графа) состоящего из групп наблюдаемых точек.

Исходными данными для проведения кластерного анализа служит матрица расстояний между объектами, сформированная с использованием той или иной метрики. Распространенная мера удаленности объектов друг от друга, используемая чаще всего — евклидово расстояние [11; 12].

Основным преимуществом иерархических методов кластеризации является отсутствие необходимости начального предопределения количества групп разбиения — кластеров.

Результат иерархической кластеризации представляется в виде дендрограммы [13; 14]. Для разбиения на кластеры также необходимо определить метод объединения, т. е. метод, который позволит выявить наиболее сильные связи между группами объектов и метрики разбиения.

Иерархические методы разбиения на кластеры позволяют выбрать из двух вариантов объединения.

1. Агломеративная кластеризация начинается с n кластеров, где n — число наблюдений: предполагается, что каждое из них представляет собой отдельный кластер. Затем алгоритм пытается найти и сгруппировать наиболее схожие между собой точки данных — так начинается формирование групп.
2. Дивизионная кластеризация выполняется противоположным образом — изначально полагается, что все n точек данных, представляют собой одну большую группу, а далее наименее схожие из них разделяются на отдельные подгруппы.

В этом смысле методы иерархической кластеризации весьма схожи с методом Isolation Forest («изолированный лес») [1], но не являются полностью идентичными. Суть алгоритма Isolation Forest состоит в том, что аномалию можно изолировать с помощью меньшего количества случайных разделений по сравнению с образцом обычного класса, поскольку отклонения встречаются реже и не укладываются в обычную статистику имеющегося набора данных.

Так, при «случайном» способе построения деревьев выбросы будут попадать в «листья» (вершины ветвей дерева), т. е. выбросы проще «изолировать». Выделение аномальных значений происходит на первых итерациях работы алгоритма на небольшой глубине построения дерева — когда относительное расстояние между кластерами больше 0,5 [1; 16], потому как именно при этих значениях наблюдается выделение аномалий в отдельную ветвь. Вторым признаком аномалии является отсутствие дальнейшего разветвления этой ветви дерева.

Дендрограмма также имеет древовидную структуру, однако принципы построения отличаются от принципов построения случайного и изолированного леса. При этом иерархическая кластеризация с использованием дендрограмм позволяет интерпретировать найденные аномалии: если точку можно выделить в отдельный кластер, и признаки ее отделимы от всех кластеров, то данное аномальное наблюдение следует учесть в модели, если же аномалия наблюдается только по одному или двум-трем признакам, то существует вероятность, что данное наблюдение является ошибочным и его следует исключить из рассмотрения для получения более адекватных характеристик модели.

Таким образом, предлагается выстроить следующую методику автоматической идентификации аномальных наблюдений на основе методов иерархической кластеризации с использованием показателей делимости элементов друг от друга внутри кластера и показателя делимости кластеров между собой:

- 1) загрузка исходных данных с указанием упорядоченных значений факторов;
- 2) вычисление матрицы отличий на основе расстояний Гауэра;
- 3) выполнение иерархического разбиения данных агломеративным и дивизионным методом;
- 4) построение дендрограммы для каждого вида кластеризации, первичная идентификация аномальных уровней.
- 5) выбор количества кластеров на основе показателей делимости признаков точек внутри кластера и делимости самих кластеров.
- 6) выбор метода объединения в кластеры.
- 7) построение дендрограммы с разбиением на кластеры, интерпретация идентифицированных аномалий.

Результаты

Рассмотрим в качестве примера возможность кластеризации тестовой базы данных, содержащей признаки поведенческой активности клиентов сети ресторанов быстрого питания. Тестовая выборка состояла из 100 клиентов ($n = 100$) и нескольких признаков. Пример выборки показан на рис. 1. Для программной реализации кластерных методов использовались пакетные функции: `daisy()`, `diana()`, `clusplot()` из библиотеки кластеризации на языке R.

По сути данная выборка состоит из идентификатора сделки и нескольких показателей по каждому из признаков, характеризующих эти сделки [2; 3]. Каждая из сделок является вершиной сетевого графа («листья» дерева), а связи между этими вершинами характеризуются мерами схожести каждой пары сделок.

Идентификатор	Доход с клиента	Город	Способ заказа	День недели	Тип продукта
1	большой	Кострома	через сайт	ср	десерты
2	большой	Владимир	через сайт	ср	напитки
3	большой	Владимир	через сайт	вс	пицца
4	средний	Кострома	через сайт	ср	напитки
5	средний	Кострома	лично	чт	напитки
6	большой	Кострома	через сайт	сб	блюдо дня
7	большой	Кострома	через сайт	пт	десерты
8	средний	Кострома	лично	сб	напитки
9	большой	Владимир	через сайт	вт	напитки
10	малый	Владимир	лично	вс	пицца
11	малый	Владимир	через сайт	чт	десерты
12	большой	Кострома	через сайт	чт	картофель
13	средний	Кострома	лично	вт	напитки
14	большой	Кострома	через приложение	пт	десерты
15	малый	Кострома	через сайт	чт	пицца
16	средний	Иваново	лично	ср	блюдо дня
17	большой	Ярославль	лично	пт	десерты
18	малый	Владимир	через приложение	ср	напитки
19	малый	Кострома	через сайт	сб	картофель

Рис. 1. Пример тестовой выборки
Fig. 1. Example of test selection

В качестве метрики расстояний между элементами в случае смешанных данных, состоящих из числовых и категориальных переменных предлагается использовать расстояние Гауэра [11], которое при оценке сходства (различия) допускает, одновременное использование смешанных переменных (качественных и количественных), измеренных по различным шкалам

$$S_{ij} = \frac{\sum_{k=1}^p S_{ijk}}{\sum_{k=1}^p W_{ijk}},$$

где W_{ijk} — весовой коэффициент, принимающий значение 1, если сравнение объектов по признаку k следует учитывать, и 0 — в противном случае; S_{ijk} — вклад в сходство объектов, зависящий от того, учитывается ли признак k при сравнении объектов i и j . В случае бинарных признаков $W_{ijk} = 0$, если признак k отсутствует у одного или обоих сопоставляемых объектов. В итоге чем меньше расстояние Гауэра, тем лучше классификация отражает структуру данных. Эта метрика позволяет выстроить структуру дендрограммы.

На основе расстояния Гауэра вычисляется матрица отличий [4; 5], — таблица, заполненная в идеальном случае 0 и 1. Значение «0» означает отсутствие связи между признаками, значение «1» говорит об однозначной связи. Использование такой матрицы отличий позволяет реализовать основной принцип кластеризации: объединить в группы вершины, которые находятся ближе всего друг к другу, или разделить наиболее удаленные друг от друга. На рис. 2 приведены результаты такого разбиения и построены дендрограммы на основе агломеративного и дивизионного подхода.

На рис. 2 можно в обоих случаях наблюдаются «тупиковые» ветви дендрограммы, которые заканчиваются на уровнях построения дерева больше или равных 0,5. Это и есть те самые аномалии, причину появления которых и предстоит выяснить. Для этого необходимо в первую очередь оценить качество кластеризации. Таким образом, идентификация аномалий осуществляется путем выявления ветвей дендрограммы, располагающихся на начальных уровнях построения дерева и не имеющих ветвлений.

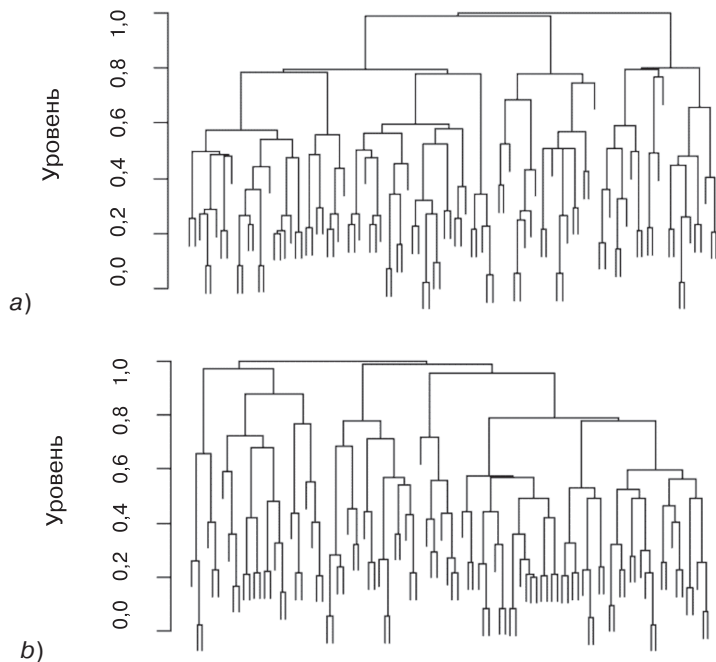

Рис. 2. Результат дивизионной (а) и агломеративной (b) кластеризации
Fig. 2. Result of divisional (a) and agglomerative (b) clustering

Для реализации высокого качества кластеризации необходимо, чтобы расстояние между точками внутри кластера (или компактность) было минимальным, а расстояние между группами (отделимость) — максимально возможным. Для этого необходимо выполнить расчет основных характеристик качества кластеризации: суммы квадратов метрических расстояний между объектами внутри кластера и среднюю ширину силуэта [12]. Особого пояснения требует показатель ширины силуэта, который для i -го объекта (s_i) определяется соотношением

$$s_i = \frac{b_i - a_i}{\max(b_i, a_i)},$$

где a_i — среднее расстояние между i -м объектом и всеми членами кластера, которому он принадлежит (если объект в кластере один, то $a_i = 0$), b_i — среднее расстояние между i -м объектом и членами другого ближайшего кластера (на практике рассчитывается среднее расстояние до членов всех остальных кластеров и выбирается минимум).

Ширина силуэта характеризует степень разброса принадлежности объектов к кластеру и может варьироваться от -1 до 1 . Если она близка к единице, объект находится фактически в центре кластера и его принадлежность к нему не вызывает сомнений. Если s_i близко к нулю, объект лежит между двумя кластерами. Отрицательные значения s_i свидетельствуют о, вероятно, неверной классификации объекта.

Резкое изменение показателя суммы квадратов метрических расстояний между объектами внутри кластера (резкий изгиб на графике — рис. 3) при определенном количестве кластеров позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее разбиение на кластеры теряет смысл.

В данном случае (рис. 3) сумма квадратов расстояний между объектами внутри кластера не дает однозначных выводов о выборе количества кластеров. И в том и в другом случае логично предположить, что в данном наборе присутствует 8–10 кластеров.

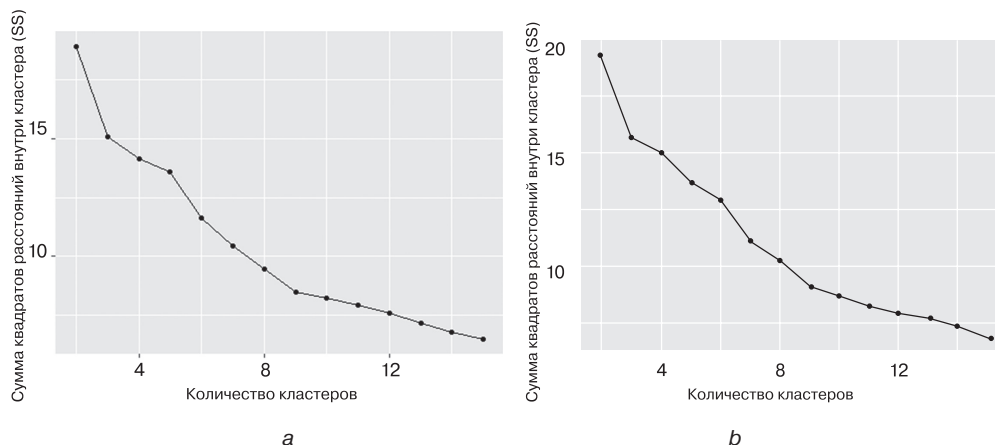

Рис. 3. Сумма квадратов метрических расстояний между объектами внутри кластера для дивизионной (a) и агломеративной (b) кластеризации
Fig. 3. Sum of squares of metric distances between objects within the cluster for divisional (a) and agglomerative (b) clustering

При использовании метода оценки силуэтов, следует выбирать такое количество кластеров, которое дает максимальную ширину силуэта, потому что для интерпретации результатов нужны кластеры, которые достаточно далеко отстоят от друга, чтобы считаться отдельными. Если набор данных будет разбиваться на более мелкие группы, тем лучше кластеры отделимы друг от друга, однако так дело может дойти до отдельных точек и процесс потеряет смысл. С другой стороны, деление множества на малое количество кластеров усложняет дальнейшую интерпретацию, поэтому целесообразнее оценивать локальные экстремумы. Как видно из рис. 4, ширина силуэтов в обоих случаях имеет локальный максимум при 8–10 кластерах.

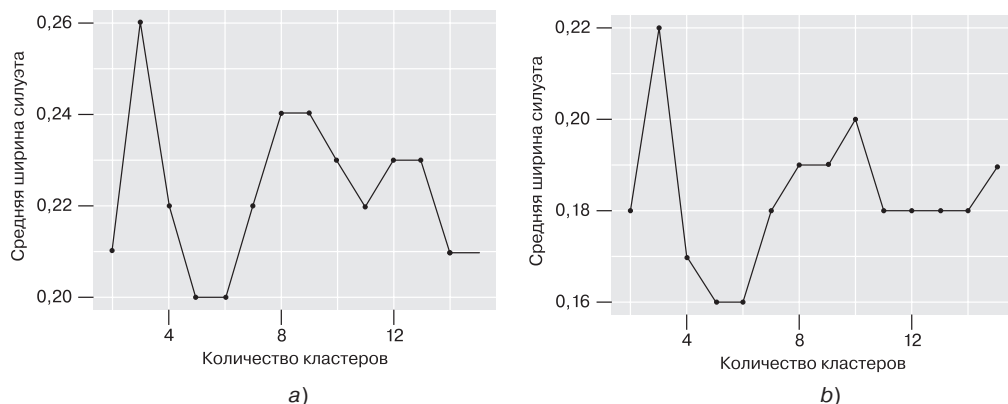

Рис. 4. Средняя ширина силуэта для дивизионной (a) и агломеративной (b) кластеризации
Fig. 4. Average silhouette width for divisional (a) and agglomerative (b) clustering

Именно это количество и будет использоваться в дальнейшем при построении дендрограмм с разбиением на кластеры (рис. 5).

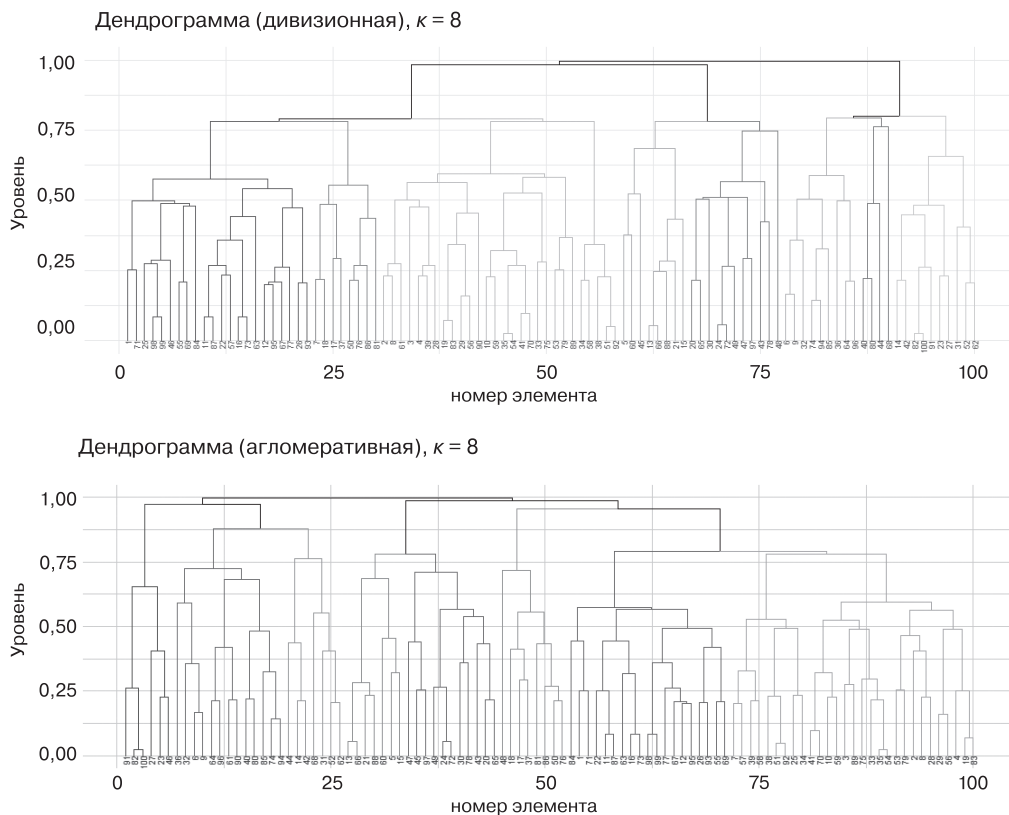

Рис. 5. Результаты иерархической кластеризации
Fig. 5. Results of a hierarchical clustering

Обсуждение

Как видно из рис. 5, наиболее отличными от остальных ветвей дендрограммы являются ветви с наблюдением № 48 и № 68, которые начинаются на уровне больше, чем 0,5 и далее не разветвляются, тем не менее алгоритмы их определили к одному из кластеров. Также можно наблюдать, что оба метода кластеризации показывают различные результаты объединения, однако данные аномалии выделяются бесспорно в каждом из этих методов. Кроме того, при дивизионной кластеризации мы можем наблюдать ветвь, состоящую всего из четырех точек. Эти точки также можно считать аномальными второго рода, однако три из них имеют больше общих признаков.

Теперь для того чтобы оценить, как будет работать алгоритм, умышленно попытаемся внести изменения двух видов в исходный набор данных: сначала необоснованно увеличим показатель дохода от одной сделки при покупке одного из видов продукции — пусть, к примеру, это будет наблюдение № 15, затем замечено увеличим доходы с продаж напитков по субботам (таких наблюдений было немного, их номера: № 52, 53, 62, 63, 79, 89 и 91). Построим теперь дендрограммы и сравним результаты.

Рисунок 6 показывает, что при дивизионной кластеризации наблюдение № 68 уже не является аномальным, зато наблюдение № 48 выделено даже в отдельный кластер в виде одной точки. Кроме того, ожидаемо отнесено к аномалиям наблюдение и № 15. Следует также обратить внимание на наблюдение № 44, которое тоже отнесено к аномалиям. В свою очередь аномалии продаж напитков по субботам даже не выделены в отдельный кластер.

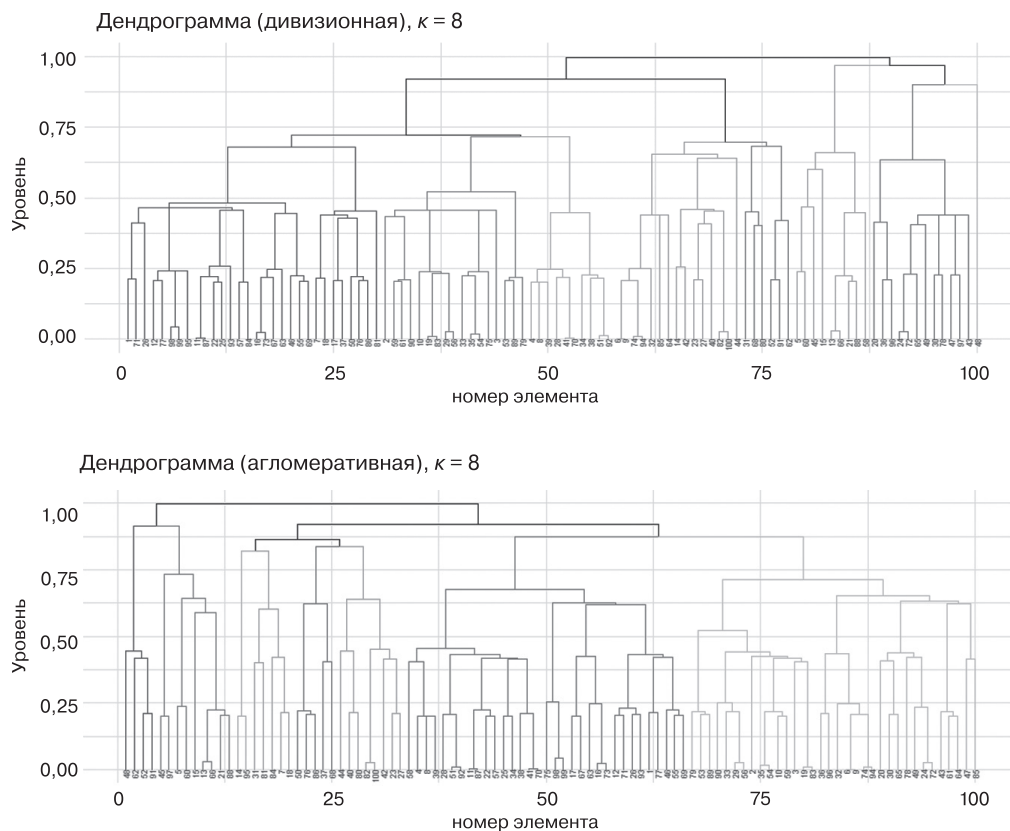

Рис. 6. Результаты кластеризации с аномальными наблюдениями
Fig. 6. Results of clustering with abnormal observations

Если рассматривать результат агломеративной кластеризации, то легко заметить, что здесь даже наблюдение № 48 уже не является аномальным, как, впрочем, и наблюдение № 68. Однако наблюдение № 15 по-прежнему относится к аномальным, кроме этого наблюдения больше не существует ветвей без дальнейшего деления на уровне построения дерева более или равном 0,5. Часть аномальных наблюдений (продажи напитков по субботам — ошибки второго рода) с номерами 52, 62, 91 отнесены к одному кластеру, но не определены как аномалии.

Таким образом, решив подобную обратную задачу, можно сделать вывод о том, что данная методика позволяет выполнить не только поиск аномальных наблюдений, но и объяснить их происхождение для дальнейшего учета в модели. Кроме того, подобный анализ дендрограммы позволяет определить наиболее значимые группы сделок и степень полезности каждого кластера с возможностью построения карты предпочтений потребителей.

Выводы

Результаты анализ дендрограмм позволяет сделать выводы.

1. Для получения более осмысленных результатов интерпретации поведенческой активности объектов в кластерах необходимо выявление аномальных наблюдений в наборе данных.
2. Использование расстояния Гауэра в качестве метрики кластеризации позволяет выполнить расчет расстояний между числовыми и категориальными переменными.
3. Методы иерархической кластеризации дают возможность автоматизированной оценки количества кластеров на основе характеристик качества кластеризации: суммы квадратов метрических расстояний между объектами внутри кластера и средней ширины силуэта.
4. Анализ дендрограмм позволяет более точно интерпретировать результаты кластеризации относительно определения ошибок первого и второго рода виде аномальных наблюдений в наборе данных.
5. Описанная методика дает возможность управлять развитием социально-экономических систем, исследуя свойства симметрии групп элементов и их признаков.

Литература

1. Барский М. Е., Шиков А. Н. Исследование алгоритма поиска аномалий isolation forest // *Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сб. статей XXIII Международной научно-практической конференции* 5 мая 2019 г. Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. С. 113–117.
2. Белоцерковская М. Г. Кластеризация клиентской базы участников программы лояльности // *Московский экономический журнал*. 2017. № 2. С. 112–119.
3. Галямова А. Ф., Тархов С. В. Управление взаимодействием с клиентами коммерческой организации на основе методов сегментации и кластеризации клиентской базы // *Вестник УГАТУ*. 2014. Т. 18, № 4 (65). С. 149–156.
4. Кисляков А. Н. Интеллектуальный анализ потребительского спроса в условиях информационной асимметрии // *Современная экономика: проблемы и решения*. 2019. № 10 (118). С. 8–17.
5. Кисляков А. Н., Тихонюк Н. Е. Модель ценообразования однородного рынка с учетом асимметричности информации // *Инновационное развитие экономики*. 2019. № 1. С. 93–100.
6. Кисляков А. Н. Методы и инструменты анализа данных в экономике и управлении: учебно-методическое пособие. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. 161 с.
7. Поляков С. В., Кисляков А. Н. Основы математического моделирования социально-экономических процессов : учебно-методическое пособие. Владимир: Владимирский филиал РАНХиГС, 2017. 269 с.
8. Рау В. Г., Кисляков А. Н., Тихонюк Н. Е., Рау Т. Ф. Принцип нарушения асимметрии в моделях развития экономических систем опыт и проблемы // *Региональная экономика: опыт и проблемы. Материалы XI международной научно-практической конференции (Гутманские чтения)* 15 мая 2018 г. / под общ. ред. А. И. Новикова, А. Е. Илларионова. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 201–211.
9. Рау В. Г., Поляков С. В., Рау Т. Ф., Фирсов И. В. и др. Некоторые особенности применения групп нарушенной симметрии для «визуализации» процессов в природных, «живых» и социально-экономических системах // *Региональная экономика: опыт и проблемы. Материалы XII международной научно-практической конференции (Гутманские чтения)* 15 мая 2019 г. / под общ. ред. А. И. Новикова, А. Е. Илларионова. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2019. С. 111–119.
10. Тихонюк Н. Е., Кисляков А. Н. Экономические модели работы с асимметрией информации: эволюция подходов // *Региональная экономика: опыт и проблемы. Материалы XI международной научно-практической конференции (Гутманские чтения)* 15 мая 2018 г. / под общ. ред. А. И. Новикова, А. Е. Илларионова. Владимир : Владимирский филиал РАНХиГС, 2018. С. 236–244.
11. Якимов В. Н., Шурганова Г. В., Черепенников В. В., Кудрин И. А. и др. Методы сравнительной оценки результатов кластерного анализа структуры гидробиоценозов (на примере

- зоопланктона реки Линда Нижегородской области) // Биология внутренних вод. 2016. № 2. С. 94–103.
12. *Alboukadel K.* Practical Guide to Cluster Analysis in R. Unsupervised Machine Learning (Multivariate Analysis). Vol. 1. 1st ed. / Publisher: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017.
 13. *Murtagh F., Contreras P.* Methods of Hierarchical Clustering // Computing Research Repository — CORR, 2011.
 14. *Nielsen F.* Introduction to HPC with MPI for Data Science // Springer International Publishing, 2016.
 15. *Gareth J., Witten D., Hastie T., Tibshirani R.* An Introduction to Statistical Learning with Applications in R / Publisher: Springer, 2013.
 16. *Hastie T., Tibshirani R., Friedman J.* The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. Second Edition. Springer, 2017.
 17. *Tripathi Sh., Bhardwaj A., Poovammal E.* Approaches to Clustering in Customer Segmentation // International Journal of Engineering & Technology, 2018, N 7 (3.12). P. 802–807.

Об авторах:

Кисляков Алексей Николаевич, доцент кафедры информационных технологий Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация), кандидат технических наук; ankislyakov@mail.ru

Поляков Сергей Владимирович, доцент кафедры информационных технологий Владимирского филиала РАНХиГС (г. Владимир, Российская Федерация), кандидат технических наук; svp2206@yandex.ru

References

1. Barsky M. E., Shikov A. N. Research of the algorithm for finding anomalies of isolation forest // Fundamental and applied scientific research: topical issues, achievements and innovations. collection of articles of the XXIII International Scientific and Practical Conference on May 5, 2019 Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G. Y.), 2019. P. 113–117. (In rus)
2. Belotserkovskaya M. G. Clustering of client base of loyalty program participants // Moscow Economic Journal [Moskovskii ekonomicheskii zhurnal]. 2017. № 2. P. 112–119. (In rus)
3. Galyamova A. F., Tarhov S. V. Management of interaction with clients of commercial organization on the basis of methods of segmentation and clustering of client base // Journal of USATU [Vestnik UGATU]. 2014. V. 18, No. 4 (65). P. 149–156. (In rus)
4. Kislyakov A. N. Intelligent analysis of consumer demand in conditions of information asymmetry // Modern economy: problems and solutions [Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya]. 2019. № 10 (118). P. 8–17. (In rus)
5. Kislyakov A. N., Tikhonyuk N. E. Model of homogeneous market pricing taking into account asymmetric information // Innovative development of the economy [Innovatsionnoe razvitiye ekonomiki]. 2019. № 1. P. 93–100. (In rus)
6. Kislyakov A. N. Methods and Tools of Data Analysis in Economy and Management: Educational and Methodological Manual. Vladimir : RANEPa Vladimir branch, 2019. 161 p. (In rus)
7. Polyakov S. V., Kislyakov A. N. Basics of mathematical modeling of socio-economic processes: educational and methodological manual. Vladimir : RANEPa Vladimir branch, 2017, 269 p. (In rus)
8. Rau V. G., Kislyakov A. N., Tikhonyuk N. E., Rau T. F. Principle of violation of asymmetry in models of economic systems development experience and problems // Regional economy: experience and problems. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference (Gutman Readings) on May 15, 2018 / under general ed. of A. I. Novikov and A. E. Illarionov. Vladimir: RANEPa Vladimir branch, 2018. P. 201–211. (In rus)
9. Rau V. G., Polyakov S. V., Rau T. F., Firtsov I. V., Togunov I. A. Some features of using groups of broken symmetry to “visualize” processes in natural, “living” and socio-economic systems // Regional economy: experience and problems. Materials of the XII International Scientific and Practical Conference (Gutman Readings) May 15, 2019 / under the general ed. of A. I. Novikov and A. E. Illarionov. Vladimir: RANEPa Vladimir branch, 2019. P. 111–119. (In rus)
10. Tikhonyuk N. E., Kislyakov A. N. Economic models of work with asymmetry of information: evolution of approaches // Regional economy: experience and problems. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference (Gutman Readings) on May 15, 2018 /

under general ed. of A. I. Novikov and A. E. Illarionov. Vladimir : RANEPa Vladimir branch, 2018. P. 236–244. (In rus)

11. Yakimov V. N., Shurganova G. V., Cherepennikov V. V., Kudrin I. A., Ilin M. Y. Methods of comparative assessment of results of cluster analysis of hydrobiocenosis structure (on the example of zooplankton of Linda River of Nizhny Novgorod region) // Biology of internal waters [Biologiya vnutrennikh vod]. 2016. № 2. P. 94–103. (In rus)
12. Alboukadel K. Practical Guide to Cluster Analysis in R. Unsupervised Machine Learning (Multivariate Analysis). Vol. 1. 1st ed. / Publisher: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2017.
13. Murtagh F., Contreras P. Methods of Hierarchical Clustering // Computing Research Repository — CORR, 2011.
14. Nielsen F. Introduction to HPC with MPI for Data Science // Springer International Publishing, 2016.
15. Gareth J., Witten D., Hastie T., Tibshirani R. An Introduction to Statistical Learning with Applications in R / Publisher: Springer, 2013.
16. Hastie T., Tibshirani R., Friedman J. The Elements of Statistical Learning: Data Mining, Inference, and Prediction. Second Edition. Springer, 2017.
17. Tripathi Sh., Bhardwaj A., Poovammal E. Approaches to Clustering in Customer Segmentation // International Journal of Engineering & Technology, 2018, N 7 (3.12). P. 802–807.

About the authors:

Aleksey N. Kislyakov, Associate Professor of the Chair of Information Technology of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation), PhD in Technical Science; ankislyakov@mail.ru

Sergey V. Polyakov, Associate Professor of the Chair of Information Technology of Vladimir Branch of RANEPa (Vladimir, Russian Federation), PhD in Technical Science; svp2206@yandex.ru

Ценность участия акторов процесса трансфера технологий: стратегический вектор

Хворостяная А. С., Алимуратов М. К.*

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; *Amkpro5@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель. В современной экономической системе стратегическую роль играет развитие новых технологий, которые являются драйвером инноваций. Меняющийся характер передачи технологий и знаний между академическим и промышленным секторами также является важной областью для изучения. Однако между исследователями, производящими новые технологии, обладающими потенциалом коммерциализации, и предприятиями коммерческого сектора отсутствует эффективная система взаимодействия, призванная обеспечивать активизацию стратегии инновационного развития экономики. В данной статье рассмотрен стратегический смысл участия различных агентов рынка трансфера технологий в процессе взаимодействия между инноваторами и предприятиями в сфере коммерциализации. Стратегический подход к основным группам участников и анализу заинтересованных сторон обеспечивает качественное владение полученной технологией и минимизирует риски во время всего этапа реализации трансфера технологий. Тщательно выверенное описание технологических возможностей с точки зрения их уникальных компонентов и особенностей, позволяет бизнесу понять, что может явиться потенциальной основой его будущего стратегического конкурентного преимущества.

Методы. В данной статье с помощью таких общенаучных методов познания, как анализ, синтез и индукция проводится анализ ценностных ориентиров участника рынка трансфера технологий. Авторы пришли к выводу, что игнорирование интереса каждого из агентов рынка трансфера технологий способно уменьшить синергетическую эффективность государственных мер и механизмов поддержки процесса трансфера технологий.

В результате исследования выявлены ценности участия ключевых акторов инноваций в стратегических процессе трансфера технологий.

Ключевые слова: трансфер технологий, интерес, стратегия, управление, коммерциализация, ценности, креативные индустрии

Для цитирования: Хворостяная А. С., Алимуратов М. К. Ценность участия акторов процесса трансфера технологий: стратегический вектор // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 128–137.

The Value of the Participation of Actors in the Technology Transfer Process: a Strategic Vector

Anna S. Khvorostyanaya, Murad K. Alimuradov*

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; *Amkpro5@gmail.com

ABSTRACT

Goal. In the modern economic system, a significant role is played by the development of new technologies, which are the driver of innovation. The changing nature of technology and knowledge transfer between the academic and industrial sectors is also a prominent area of study. However, there is no effective interaction system between researchers producing new technologies with commercialization potential and enterprises in the commercial sector, designed to enhance the innovative development of the economy. This article discusses the strategic meaning of the participation of various technology transfer market agents in the process of interaction between innovators and enterprises in the field of commercialization. A strategic approach to the main groups of participants and stakeholder analysis ensures high-quality ownership of the received technology and minimizes risks during the entire stage of the technology transfer implementation. A carefully verified description of technological

capabilities in terms of their unique components and features allows the business to understand what might be the potential basis for its future competitive advantage.

Methods. In this article, using such general scientific methods of cognition as analysis, synthesis and induction, we analyze the value orientations of a technology transfer market participant. The authors concluded that ignoring the interest of each agent in the technology transfer market can reduce the synergistic effectiveness of government measures and mechanisms to support the technology transfer process.

As a result of the study, the values of the participation of key innovation actors in the technology transfer process were identified.

Keywords: technology transfer, interest, strategy, management, commercialization, values, creative industries

For citing: Khvorostyanaya A. S., Alimuradov M. K. The Value of the Participation of Actors in the Technology Transfer Process: a Strategic Vector // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 128–137.

Введение

Технологические инновации и экономическое благосостояние страны тесно связаны. Половина всего экономического роста со времен Второй мировой войны объясняется техническими нововведениями в промышленное производство [27] и наличием стратегического технологического превосходства. Понятие «трансфер технологии» весьма многозначно: в ряде случаев содержание термина сужается до вопросов передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности, в других — расширяется до любой формы передачи знаний, методов производства, организационных структур, материальных носителей широкому кругу пользователей. Сам процесс трансфера технологий включает в себя ряд этапов: начиная с поиска и раскрытия результатов интеллектуальной деятельности, продолжая проведением патентных исследований, защитой объектов интеллектуальной собственности и их дальнейшим внедрением в промышленность. Конечным результатом для получателя технологии должна быть возможность ее реального использования, т. е. дальнейшая коммерциализация [21]. Следует отметить, что передача охватывает не только трансфер самих технологий, но и трансфер организационных и управленческих систем. С целью минимизации рисков при коммерциализации технологий, рекомендуется системный подход к разработке стратегии развития трансфера технологий в стране, компании, основанный на применении методологии отечественного экономиста и основоположника российской школы теории и методологии стратегирования В. Л. Квинта [22]. В основе подхода лежит детерминация интересов и выявление потребностей участников, благодаря чему при разработке стратегии обеспечивается их учет, что приводит к рационализации использования ресурсов. Именно согласованность интересов разработчиков новых технологий и компаний, готовых принять их для интеграции в производственные процессы, приводит к формированию обеспеченных конкурентными преимуществами стратегических приоритетов, для реализации которых происходит оптимальная концентрация имеющихся ограниченных ресурсов. Эффективное управление процессом трансфера все чаще признается ключевым фактором успешного развития научно-исследовательских и промышленных организаций.

Результаты

Ценности участия в процессе трансфера технологий высших учебных заведений, научных институтов и лабораторий

Прежде чем рассматривать отдельные аспекты участия различных представителей в цикле технологического трансфера следует рассмотреть определение

понятия «ценность», так как оно напрямую связано со стратегическим смыслом, т. е. с осуществлением планов подготовки для участия представителей в процессе обмена знаниями, информацией и технологиями. Данное понятие многогранно и обладает различными смысловыми значениями. Ценности представляют собой характеристики объектов, которые обладают важными значениями как для отдельного индивидуума, так и для общества. В этом контексте ценности являются носителями специфических социальных определений объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества [1]. Следует отметить, что у каждого конкретного индивидуума будут свои ценностные ориентиры. Ценности могут быть экономическими — т. е. наделенные экономической категорией полезности [5], духовными — ценности, отличающиеся от материальных [9], культурными — обладающие универсальной значимостью [4]. Такими образом, ценностные ориентиры — это отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве мировоззренческих ориентиров.

Говоря о ценностных ориентирах в предпринимательстве и экономике, следует подчеркнуть мотивационные факторы. Стратегический смысл участия в трансфере напрямую связан с понятием ценности: каждый участник преследует свою цель и участвует в процессе ради достижения своего приоритета, например, экономической целесообразности сделки по коммерциализации. Ценность участия, т. е. важность, польза участия в процессе трансфера технологий высших учебных заведений, научных институтов и лабораторий заключается в полезности, которую эти учреждения получают.

Благодаря закону Бэя — Доула в 1981 г. в США был осуществлен прорыв в области коммерциализации научных разработок. Закон Бэя — Доула направлен на стимулирование университетов и других исследовательских организаций к лицензированию технологий, разработанных при поддержке федерального бюджета. С 1980 г. трансфер технологий стал постоянно растущим источником дохода для университетов США. Согласно ежегодному опросу Ассоциации технологических менеджеров университетов, передача технологий из академических и других исследовательских учреждений в промышленность продолжает расти, все большее число научно-исследовательских и образовательных учреждений заключают лицензионные соглашения с коммерческими организациями для вывода на рынок инновационных разработок и продуктов. Далее законодательская практика Бэя — Доула привела к серии изменений в законодательствах многих стран — Казахстане, Великобритании, Сингапуре, Южной Корее и так далее.

В данной статье предполагается, что в современной мировой и российской практике основными разработчиками инновационных технологий и поставщиками разработок, обладающими потенциалом коммерциализации, являются крупные университеты, исследовательские центры и лаборатории вузов и органов государственной власти [10; 14; 23]. Университеты и научно-исследовательские организации все чаще реагируют на потребности реального сектора экономики в инновационных разработках, внося изменения в планы НИОКР. Развиваясь в направлении более масштабного участия университетов/НИИ в экономических процессах, офисы и центры по передаче технологий способствуют выстраиванию коммуникаций с другими участниками научно-исследовательской деятельности и субъектами реального сектора экономики, содействуют повышению качества фундаментальных и прикладных исследований, активизируют развитие кооперационного и интеграционного взаимодействия. Основанные на фундаментальных научных исследованиях, результаты разработок этих учреждений, обладая прикладной направленностью, позволяют приобретающим их компаниям формировать новые стратегические конкурентные преимущества, основанные на существенном технологическом превосходстве.

Раскрытие результатов интеллектуальной деятельности академической науки может происходить по разным каналам. Среди них — публикация научных исследований

в различных литературных каталогах, открытых и закрытых ресурсах [7], заключение контрактов [15], лицензирование патентов [17; 19] и предпринимательство [24].

Однако процесс трансформации технологий из научной сферы в производственную является достаточно сложным. И существенным барьером на этом пути является несогласованность ценностных ориентиров в научной среде с теми, которые влияют на рыночные действия компаний, использующих результаты научных разработок в производственной деятельности.

Авторами в данной статье были выявлены и проанализированы факторы, определяющие мотивацию, ценностные ориентиры разных акторов к участию в процессах трансфера технологий.

В процессе трансфера технологий акторы, *представляющие науку*, участвуют благодаря следующим мотивационным факторам.

- 1) *Имиджевый фактор* — признание научных инновационных открытий, сделанных в учреждении, позитивно влияет на имидж и повышает рейтинг образовательной организации (а также самого автора), тем самым удается построить сильный бренд научной организации. Рейтинг университета зависит от ряда факторов, включая научный статус ученых [18]. Согласно данным, собранным патентной базой Clarivate Analytics в партнерстве с международным информационным агентством Reuters, североамериканские университеты доминируют в списке самых инновационных университетов мира — в 2019 г. Стэнфордский университет, Массачусетский технологический институт и Гарвардский университет заняли первые три места соответственно¹.
- 2) *Финансовый фактор* — система авторского вознаграждения обеспечивает привлечение и удержание мотивированных талантливых преподавателей — исследователей, попутно привлекая дополнительные государственные или корпоративные инвестиции для дальнейшего приращения дохода научной организации и получения возможности реинвестирования [25; 26; 12]. Вопрос влияния на авторов различными мерами стимулирования является объектом исследования многих ученых.
- 3) *Общественный фактор* — успешная прикладная деятельность научной организации подтверждает ее полезность как общественного института. Высшие учебные заведения являются социальными институтами, которые ответственны за формирование среды, позволяющей отечественным ученым самореализовываться [2; 3; 29]. Ключевую роль университетов подтверждают следующие впечатляющие статистические данные. Согласно данным международной ассоциации профессионалов мирового уровня AUTM, благодаря университетской деятельности в США, только с 1980 г. по 2005 г. создан 3641 коммерческий продукт, 5171 компания, 400 стартапов [8].

Успешность университетов при реализации стратегии передачи результатов научных разработок для внедрения в производственные технологические процессы зависит от большого количества разнообразных факторов внешней и внутренней среды. В современной университетской и научной среде наблюдается тенденция формирования основ предпринимательской деятельности, а также ориентация проводимых исследований на формирование материалов и технологий, обладающих потенциалом внедрения в производство. Более того, системы найма и вознаграждения влияют на результаты, а также поддерживают «предпринимательскую культуру».

Создание постоянных отношений с корпорациями может способствовать лицензированию, спустя годы после проведения совместных научно-исследовательских работ. Построение позитивных взаимоотношений с корпорациями может

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/student/news/most-innovative-universities-world-2018#survey-answer> (дата обращения: 20.02.2020).

стимулировать гибкое и отзывчивое сотрудничество в области исследований, участие в консультативных комитетах и в предпринимательской деятельности, предоставление услуг по разработке или улучшению коммерческого продукта. Университеты, нацеленные на предпринимательскую деятельность, предоставляют или облегчают доступ к целому ряду услуг для других участников рынка. Университеты, успешно внедряющие технологии и запускающие пилотные проекты, включая создание стартапов, понимают, что инженеры и ученые — это люди с низким уровнем предпринимательской активности и берут на себя функцию устранения этого недостатка. Такие университеты предоставляют или облегчают доступ к источникам рискованного капитала, созданию потенциала управления, инкубации и созданию сетей [30; 33]. Они также связывают эти действия с корпорациями, которые в рамках своего проектного финансирования запускают офисы по передаче технологий.

Ценности участия в процессе трансфера технологий государства

Государственный сектор заинтересован в трансфере технологий как в процессе, в рамках которого для удовлетворения государственных потребностей используются знания, средства или возможности, разработанные в рамках финансирования федеральных исследований и разработок (НИОКР). Правительства играют важную роль в обеспечении финансирования общественных программ НИОКР в рамках своей промышленной стратегии или стратегии развития науки и техники. Эти стратегии реализуются либо государственными учреждениями, либо в рамках совместного партнерства с частным сектором. Финансируя науку, путем организации, например, конкурсных заявок на Федеральные целевые программы (ФЦП), государство решает ряд стратегических задач по поддержанию национальной безопасности в разных сферах (зависит от направления ФЦП) и мировой конкурентоспособности [20].

Федеральное правительство создает научные центры со стратегическими целями — достижение общественных целей и результатов, решающие различные проблемы. Разработка и внедрение технологий являются важными компонентами для достижения целей по созданию общественных благ [31]. Рынки часто недостаточно инвестируют в разработку и внедрение новых технологий для создания общественных благ, так как для них приоритетны инвестиции в создание исключительных частных или клубных благ. Применяя соответствующие механизмы в надлежащее время, правительство может преодолеть несовершенства рынка и облегчить развитие технологий для эффективного достижения государственных целей по общественным благам. Соответствующая государственная поддержка, которая облегчает развертывание, происходит на протяжении всего инновационного процесса — на разных стадиях подключаются различные инструменты.

Ценности участия в процессе трансфера технологий бизнес-сообщества

Коммерческий сектор, используя трансфер технологий, преследует цель удовлетворения своих интересов в создании новых рынков и получении с них доходов. Как раз все эти процессы формируют экономический и технологический толчок, при котором инновации или изобретения используются для создания потребительских ценностей. Заинтересованность крупных корпораций может быть обеспечена за счет предоставления им пропорциональной доли в различных технологических проектах. Наличие возможности получать прямой доступ к результатам научных разработок крупнейших исследовательских центров, обладающих потенциалом внедрения в свои действующие производства, могут оказать сильный стимулирующий эффект.

Создание новых фирм является важным механизмом, с помощью которого предприниматели используют технологии для создания новых продуктов, процессов и

способов организации [11]. Связь между технологическими изменениями и формированием фирмы является одной из самых старых тем взаимоотношений в исследованиях причин создания корпоративного бизнеса [32]. И. Шумпетер утверждает, что создание новых технологических фирм, которые вытесняют действующие фирмы в процессе креативного разрушения, является основным источником инноваций в капиталистической системе [7]. Процесс, посредством которого независимые предприниматели используют экзогенно созданные изобретения для производства новых товаров, услуг, сырья и методов организации, играет центральную роль в понимании организации бизнеса, процесса технических изменений и экономического роста. Последние исследования американского рынка компаний, организованных для процесса трансфера технологий, свидетельствуют о том, что темпы технологических изменений влияют на темпы создания компаний.

Высокий уровень заинтересованности предпринимателей в финансировании проектов, связанных с внедрением новых технологий, может быть обеспечен лишь при наличии в экономике условий для обеспечения выхода на полноценное независимое финансирование данных проектов посредством участия в открытых продажах и биржевого листинга. При отсутствии подобной перспективы любые проекты, связанные с внедрением новых технологий, будут либо передаваться крупным участникам рынка (которые будут отбирать исключительно проекты, согласующиеся с их производственными потребностями и могут быть интегрированы в существующие производственные процессы), либо ограничиваться проектами на уровне малых предприятий. Эффективный трансфер технологий в стратегической перспективе должен быть поддержан развитием системы биржевой и внебиржевой системы листинга инновационных предприятий.

На предприятиях также заинтересованы в трансфере из-за стимулирования — в исследовании изучалась связь выдачи патентов с системами вознаграждений для отдельных ученых, занимающихся исследованиями и разработками в высокотехнологичных фирмах. Опрос технических менеджеров в 57 коннектикутских фирмах позволил собрать информацию о размерах фирм, расходах на НИОКР и частоте использования восемнадцати различных систем вознаграждений. Используя регрессионную модель, было установлено, что объем выдачи патентов зависит от размера фирмы, расходов на НИОКР, а также от систем денежного и неденежного вознаграждения, программ неформального вознаграждения и переменных премий, основанных на выдаче патентов. Когда подмножество мелких фирм было исследовано отдельно, неденежные вознаграждения оказались неэффективными. Тем не менее, переменные бонусы по-прежнему важны для выдачи патентов, и крупные выплаты вознаграждений (50 000 долларов США) также продемонстрировали значительный эффект [16].

Долгосрочная стратегическая цель трансфера технологии заключается в поддержании экономического роста в обозримом будущем путем внедрения новых технологий не только во внутренней среде, но и во внешней. В глобальной экономике не только богатство, но и безопасность, и суверенитет одной страны напрямую зависят от конкурентоспособности на мировом рынке. Федеральные программы передачи технологии призваны максимально использовать НИОКР и опыт, накопленный как в государственных, так и в неправительственных организациях.

Учет интересов всех участников как стратегическая основа успеха комплексного процесса трансфера технологий

Учитывая ключевую роль креативных индустрий в XXI в. [6; 28], государственные меры поддержки должны содействовать развитию креативных промышленных предприятий в использовании новых технологий для развития инновационных

продуктов, инструментов, приложений и услуг с высоким коммерческим потенциалом. Такая поддержка должна дать возможность креативным отраслевым предприятиям стать участниками консорциума и принимать на себя ведущую роль в действии, т. е. лидировать в инновационной деятельности и поддерживать связь с конечными пользователями, обеспечивая четкую реакцию на рыночный спрос. Они могут оказывать значительное влияние на экономику благодаря созданию рабочих мест, а также служить ценным социальным и культурным целям. Они часто требуют междисциплинарной экспертизы для успешной интеграции технологий, искусства и дизайна [13]. Это приводит к важности развития благоприятных условий, которые способствуют развитию междисциплинарных событий. Чтобы включить это в актуальный контекст научной проблематики, интероперабельность все чаще требуется на различных платформах и продуктах, чтобы клиенты могли беспрепятственно получать доступ к контенту и услугам. Доступ к контенту требует метаданных и разработанных открытых стандартов. Обработка транзакций включает в себя цифровую валюту и простое в использовании лицензирование и коммерциализацию. Кроме того, усиление роли новых и более широких творческих приложений, возникающих в результате исследований и разработок в области науки, техники и технологий, играет все большую роль в поддержке роста и развития страны. Эксплуатация знаний и информации является ключом к экономическому прогрессу. Академические и научные институты могут играть одну из ключевых ролей на предприятии в сотрудничестве с промышленностью.

В целом, государство является основным игроком в создании таких благоприятных условий для передачи технологии, однако коммерческие, международные организации также могут оказывать влияние. Высокий уровень информированности, мотивация, расширение прав и возможностей в государственном и частном секторах будут способствовать обеспечению того, чтобы широкие слои общества могли постоянно адаптироваться к новым обстоятельствам и вызовам, обусловленным трансфером технологий.

Создание эффективных и действенных национальных и региональных систем инноваций, исследований и разработок, а также систем защиты, возможно только при взаимном учете всех интересов всех заинтересованных сторон. Учет интересов позволит упростить такие процедуры, как адаптация технологий для использования в современных условиях в разных сферах. Данная экосистема инноваций будет способствовать созданию оптимального сочетания государственных и частных инвестиций в систему трансфера технологий, а соответственно, и решению таких важных вопросов для разработчиков и поставщиков инноваций, как отсутствие доступа к соответствующим финансовым источникам для компенсации стоимости на материальные и другие виды ресурсов, потенциальную потерю прав на интеллектуальную собственность, включая риск экспроприации.

Заключение

Мотивация, ценность участия в процессе трансфера технологий научных институтов и высших учебных заведений заключается в повышении имиджа образовательных и научных организаций, а так же в авторском вознаграждении, что способствует привлечению и удержанию мотивированных талантливых специалистов и в подтверждении полезности организации как общественного института. Мотивация, ценность участия в процессе трансфера технологий государственного сектора заключается в эффективном выполнении целей по созданию общественных благ и преодолении несовершенства рынка. Мотивация, ценность участия в процессе трансфера технологий коммерческого сектора заключается в удовлетворении

своих интересов в создании новых рынков и получения с них доходов, что формирует экономический и технологический толчок.

Приоритет, который придается каждому из указанных выше факторов, зависит от субъективной оценки: участники рынка трансфера технологий по-разному их приоритизируют. Однако конечными стратегическими преимуществами расширения рынка передачи технологий являются общественные выгоды, получаемые от роста общеэкономических показателей, в том числе связанных с достижением конечными продуктами рынка и увеличением числа рабочих мест в результате вовлечения в разработку и продажу продуктов. По мере того, как продолжается переход от экономики, основанной на производстве и добыче ресурсов, к экономике, основанной на знаниях, роль интеллектуальной собственности будет играть все более важную роль.

Литература

1. Беляев И. А. Ценностное содержание целостного мироотношения // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 2. С. 9–13.
2. Грудзинский А. О., Бедный А. Б. Трансфер знаний функция инновационного университета // Высшее образование в России. 2009. № 9. С. 66–71.
3. Мальцева Г. И. Роль университетов в формировании социально-ответственного общества // Территория новых возможностей. 2009. № 1. С. 9–20.
4. Нешатаева В. О. Культурные ценности: цена и право. М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2013. (Исследования культуры).
5. Сэйс С. и др. Оценка недвижимого имущества: от стоимости к ценности. М.: Российское общество оценщиков, 2009.
6. Хворостяная А. С. Индустрия моды — яркий пример развития креативной экономики // Экономика и управление. 2014. № 6. С. 62–65.
7. Agrawal A., Henderson R. Putting Patents in Context: Exploring Knowledge Transfer from MIT. Management Science. 2002. Vol. 48. N 1. P. 44–60.
8. AUTM Licensing Survey [Electronic recours]. URL: http://www.autm.net/AUTMMain/media/SurveyReportsPDF/AUTM_FY2016_US_Highlights_no_Appendix_WEB.pdf (accessed:03.03.2018).
9. Braithwaite V. A., Scott W. A. Values // J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman at al (ed.). Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. New York: Academic Press, 1991.
10. Chistyakova N. (2007) Analysis of world experience of functioning and development of innovation infrastructure, Bulletin of Tomsk Polytechnic University. 2007. N 8. P. 76–81.
11. Christiansen C., Bower J. Customer power, strategic investment, and the failure of leading firms. Journal of Strategic Management. 1996. Vol. 17. P. 197–218
12. Cohen W. M., Nelson R. R. Links and Impacts: The Influence of Public Research on Industrial R&D. Management Science. 2002. Vol. 48. N 1. P. 1–23.
13. Cunningham S., Stuart R., Mark D. Financing Creative Industries in Developing Countries. Routledge Taylor&Francis Group, Routledge. NY, London, Sydney. 2018.
14. Fishback B., Christine A., Gulbranson Robert E. at al. Finding Business “Idols”: A New Model to Accelerate Start- Ups. Kauffman Foundation Report. 2007. N 4.
15. Hellmann T. Entrepreneurs and the Process of Obtaining Resources, Journal of Economics and Management Strategy. 2007. Vol. 16. P. 81–109.
16. Honig-Haftel S., Martin Linda R. The Effectiveness of Reward Systems on Innovative Output: An Empirical Analysis, Small Business Economics. 1993. Vol. 5. N 4. P. 261–269.
17. Hounshell D., Rosenbloom R. S., Spencer W. J. The evolution of industrial research in the United States. Engines of Innovation, Harvard Business School Press. 1996. P. 13–85.
18. Jaffe A. Real effects of academic research. American Economy Review. 1989. Vol. 79. P. 957–970.
19. Jensen R., Thursby M. Proofs and prototypes for sale: the licensing of university inventions, American Economy Review. 2001. Vol. 91. P. 240–259.
20. King David R., Nowack Mark L. The impact of government policy on technology transfer: an aircraft industry case study, Journal of Engineering and Technology Management. 2003. Vol. 20. N 4. P. 303–318.
21. Kline S., Rosenberg N. An overview of innovation. Landau R., Rosenberg N. (ed.). The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth, National Academy Press. 1986. Washington, D.C. P. 275–294.

22. *Kvint V.* Strategy for the Global Market. Theory and Practical Applications. Routledge NY, London, Sydney: Routledge Taylor&Francis Group. 2016. P. 520.
23. *Maia C., Joao C.* The role of a Proof of Concept Center in a university ecosystem: an exploration study. The Journal of Technology Transfer. 2013. N 38. P. 641–650.
24. *Mansfield E.* Academic research and industrial innovation. Research Policy. 1991. Vol. 20. P. 1–12.
25. *Moravcsik Michael J.* The role of science in technology transfer. Research Policy. 1983. Vol. 12. N 5. P. 287–296.
26. *Nelson R. R.* Evolutionary Theorizing in Economics. Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16. N 2. P. 23–46.
27. *Pietruszkiewicz J.* What are the Appropriate Roles for Government in Technology Deployment? A White Paper with Author's Response to Comments. 1999 [Electronic resource]. URL: <https://www.nrel.gov/docs/gen/fy00/26970.pdf> (accessed: 03.03.2018).
28. *Caves Richard E.* Creative Industries. Contracts between Art and Commerce. 2002. Harvard University Press, Harvard.
29. *Saaggi K.* International Technology Transfer to Developing Countries. Commonwealth Secretariat, 2004. P. 91.
30. *Schankerman M., Lach S.* Incentives and Invention in Universities. Journal of Economics. 2008. Vol. 39. P. 403–433.
31. *Scherer F.* Firm size, market structure, opportunity, and the output of patented inventions. American Economy Review. 1965. Vol. 55. P. 1097–1125.
32. *Schumpeter Joseph A.* Economic theory and entrepreneurial history in Wohl, R. R., Change and the entrepreneur: postulates and the patterns for entrepreneurial history. Research Center in Entrepreneurial History. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1949.
33. *Wonglimpiyarat J.* Government policies towards Israel's high-tech powerhouse. Technovation, 2016. Vol. 52–53. P. 18–27.

Об авторах:

Хворостяная Анна Сергеевна, ведущий научный сотрудник Центра стратегических исследований Института математических исследований сложных систем МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; KhvorostyanayaAS@gmail.com

Алимурадов Мурад Камилович, доцент, заместитель заведующего кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; Amkpro5@gmail.com

References

1. Belyaev I. A. Value Content of Holistic Peace Statement // Journal of the Orenburg State University [Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2004. № 2. P. 9–13. (In rus)
2. Grudzinsky A. O., Bedniy A. B. Transfer of knowledge function of innovative university // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2009. № 9. P. 66–71. (In rus)
3. Maltseva G. I. Role of universities in formation of socially responsible society // Territory of new opportunities [Territoriya novykh vozmozhnostei]. 2009. № 1. P. 9–20. (In rus)
4. Neshataeva V. O. Cultural values: price and law. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2013. 118 p. (Cultural studies). (In rus)
5. Sayce S. et al. Real estate appraisal: from value to worth/translation from English. M.: Russian Society of Evaluators, 2009. 503 p. (In rus)
6. Khvorostyaya A. C. Fashion industry is a bright example of creative economy development // Economy and management [Ekonomika i upravlenie]. 2014. № 6. P. 62–65. (In rus)
7. Agrawal A., Henderson R. Putting Patents in Context: Exploring Knowledge Transfer from MIT. Management Science. 2002. Vol. 48. N 1. P. 44–60.
8. AUTM Licensing Survey [Electronic recours]. URL: http://www.autm.net/AUTMMain/media/SurveyReportsPDF/AUTM_FY2016_US_Highlights_no_Appendix_WEB.pdf (accessed:03.03.2018).
9. Braithwaite V. A., Scott W. A. Values // J. P. Robinson, P. R. Shaver, L. S. Wrightsman at al (ed.). Measures of Personality and Social Psychological Attitudes. New York : Academic Press, 1991.
10. Chistyakova N. (2007) Analysis of world experience of functioning and development of innovation infrastructure, Bulletin of Tomsk Polytechnic University. 2007. N 8. P. 76–81.
11. Christiansen C., Bower J. Customer power, strategic investment, and the failure of leading firms. Journal of Strategic Management. 1996. Vol. 17. P. 197–218

12. Cohen W. M., Nelson R. R. Links and Impacts: The Influence of Public Research on Industrial R&D. *Management Science*. 2002. Vol. 48. N 1. P. 1–23.
13. Cunningham S., Stuart R., Mark D. *Financing Creative Industries in Developing Countries*. Routledge Taylor&Francis Group, Routledge. NY, London, Sydney. 2018.
14. Fishback B., Christine A., Gulbranson Robert E. et al. Finding Business “Idols”: A New Model to Accelerate Start- Ups. Kauffman Foundation Report. 2007. N 4.
15. Hellmann T. Entrepreneurs and the Process of Obtaining Resources, *Journal of Economics and Management Strategy*. 2007. Vol. 16. P. 81–109.
16. Honig-Haftel S., Martin Linda R. The Effectiveness of Reward Systems on Innovative Output: An Empirical Analysis, *Small Business Economics*. 1993. Vol. 5. N 4. P. 261–269.
17. Hounshell D., Rosenbloom R. S., Spencer W. J. The evolution of industrial research in the United States. *Engines of Innovation*, Harvard Business School Press. 1996. P. 13–85.
18. Jaffe A. Real effects of academic research. *American Economy Review*. 1989. Vol. 79. P. 957–970.
19. Jensen R., Thursby M. Proofs and prototypes for sale: the licensing of university inventions, *American Economy Review*. 2001. Vol. 91. P. 240–259.
20. King David R., Nowack Mark L. The impact of government policy on technology transfer: an aircraft industry case study, *Journal of Engineering and Technology Management*. 2003. Vol. 20. N 4. P. 303–318.
21. Kline S., Rosenberg N. An overview of innovation. Landau R., Rosenberg N. (ed.). *The Positive Sum Strategy: Harnessing Technology for Economic Growth*, National Academy Press. 1986. Washington, D.C. P. 275–294.
22. Kvint V. *Strategy for the Global Market. Theory and Practical Applications*. Routledge NY, London, Sydney: Routledge Taylor&Francis Group. 2016. P. 520.
23. Maia C., Joao C. The role of a Proof of Concept Center in a university ecosystem: an exploration study. *The Journal of Technology Transfer*. 2013. N 38. P. 641–650.
24. Mansfield E. Academic research and industrial innovation. *Research Policy*. 1991. Vol. 20. P. 1–12.
25. Moravcsik Michael J. The role of science in technology transfer. *Research Policy*. 1983. Vol. 12. N 5. P. 287–296.
26. Nelson R. R. Evolutionary Theorizing in Economics. *Journal of Economic Perspectives*. 2002. Vol. 16. N 2. P. 23–46.
27. Pietruszkiewicz J. What are the Appropriate Roles for Government in Technology Deployment? A White Paper with Author’s Response to Comments. 1999 [Electronic resource]. URL: <https://www.nrel.gov/docs/gen/fy00/26970.pdf> (accessed: 03.03.2018).
28. Caves Richard E. *Creative Industries. Contracts between Art and Commerce*. 2002. Harvard University Press, Harvard.
29. Saaggi K. *International Technology Transfer to Developing Countries*. Commonwealth Secretariat, 2004. P. 91.
30. Schankerman M., Lach S. Incentives and Invention in Universities. *Journal of Economics*. 2008. Vol. 39. P. 403–433.
31. Scherer F. Firm size, market structure, opportunity, and the output of patented inventions. *American Economy Review*. 1965. Vol. 55. P. 1097–1125.
32. Schumpeter Joseph A. *Economic theory and entrepreneurial history* in Wohl, R. R., *Change and the entrepreneur: postulates and the patterns for entrepreneurial history*. Research Center in Entrepreneurial History. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1949.
33. Wonglimpiyarat J. Government policies towards Israel’s high-tech powerhouse. *Technovation*, 2016. Vol. 52–53. P. 18–27.

About the authors:

Anna S. Khvorostyanaya, Principal Research Associate at the Center for Strategic Studies Institute of Mathematical Studies of Complex Systems of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; KhvorostyanayaAS@gmail.com

Murad K. Alimuradov, Associate Professor, Deputy Head of the Economic and Financial Strategy Department of Moscow School of Economics of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics Sciences; Amkpro5@gmail.com

Религиозные основания власти в современном обществе

Кугай А. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является раскрытие религиозной структуры, присущей современным механизмам, которые обеспечивают глобальное господство капитала, легитимность политических, экономических и правовых институтов в современном обществе. В статье излагается религиозный механизм, генерирующий способность людей придавать образ и смысл своей жизни в современном обществе. В условиях хрупкости общественного уклада, религия, черпая свою энергию, силу убеждения из собственных оснований, воплощенных в понятиях «спасения», «греха» и «покаяния», соответствующих искупительных практиках, независимо от политики, сохраняет свою системную силу, оставаясь опорой социального порядка, его последней инстанцией.

Ключевые слова: религия, вера, власть, экономическая теология, Бог, рынок, свобода, закон

Для цитирования: Кугай А. И. Религиозные основания власти в современном обществе // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 138–148.

Religious Foundations of Power in Modern Society

Alexander I. Kugay

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation, Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to reveal the religious structure inherent in modern mechanisms, which ensure global dominance of capital, legitimacy of political, economic and legal institutions in modern society. The article sets out a religious mechanism, generating ability of people to give an image and washed away their life in modern society. In conditions of fragility of the social structure, religion, drawing its energy, the power of persuasion from own foundations embodied in the concepts of "salvation", "sin" and "repentance", relevant redemptive practices, regardless of policy, retain their force, remaining the pillar of the social order, its last resort.

Keywords: religion, faith, power, economic theology, God, market, freedom, law

For citing: Kugay A.I. Religious Foundations of Power in Modern Society // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 138–148.

Как говорится, если Бог решил наказать человека, то лишает его разума, если решил наказать народ — оставляет его без власти. Идея социальной нормализации — краеугольный камень библейского учения. «Нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены». «Посему, противящийся власти, противится Божию установлению» (Рим. 13:2). Очевидно, данная Библейская Заповедь универсальна, поскольку охватывает все возможные властные отношения в мире, созданном Творцом. Основная идея рассказа Редьярда Киплинга «Маугли» состоит в отображении оснований власти и лидерства в животном мире. Промах Акелы в ходе охоты стал признаком утраты легитимности его власти над волчьей стаей.

Поскольку лидер — тот, кто обеспечивает выживание стаи в неблагоприятных условиях среды. Это относится к любой социальной организации — будь то семья, поселок, район, город, регион, нация, мировое сообщество.

Но если власть — есть тактический механизм социальной нормализации, то религия выступает его стратегическим фактором, как система высших — духовно-нравственных императивов, значений и смыслов, которые предписывают человеку определенное поведение с присущими ему переживаниями и мыслями, тем самым, оказывая на него управленческое воздействие [7].

Экономическая теология как парадигма понимания настоящего времени

В последние десятилетия мы стали свидетелями развития «мега-машины» капитализма, построенного для того, чтобы извлекать, максимизировать и накапливать, капитал из максимально возможного числа людей. Новизна этого явления, связанного с цифровизацией [8], заключается в том, что этой «мега-машине» удастся извлекать финансовую прибыль во всех аспектах жизни. Учитывая глобальное пространство и широкое проникновение во все социальные подсистемы, включая все сферы общества, природу и личность, эта мега-машина по степени извлечения доходов затмила все, что ей предшествовало. Сегодня повсеместные операции этой мега-машины глубоко укоренились в жизнь отдельных людей и сообществ. Предпосылки этого явления возникают на заре становления капиталистического предприятия, когда оно стало проникать во все общественные отношения, включая экзистенциальные основы бытия индивидуума [14].

В механизмах, которые породили мировое господство неолиберальной экономической мощи, особое место занимает религиозная структура, утверждающая себя в повседневной жизни с беспрецедентной ясностью. Например, стоит задуматься о том, что механизмы создания стоимости финансового сообщества полностью зависят от системы полномочий институтов, которые сами зависят от доверия его участников. Вера в фондовый рынок гораздо важнее реальной экономической стоимости ценных бумаг, которые обмениваются. Важную роль в этом процессе, в определении того, как финансовые сообщества общаются и ведут себя, играет кредит. Его особенность не просто приписывают факту верования, но также и происхождением особой веры, оснащенной инновационной эффективностью, определяющей поведение людей в том, как они производят факты. Поэтому крайне важно выработать понимание того, какой именно тип «веры» лежит в основе мирового экономического господства, что позволит нам выявить условия, которые позволили экономической мощи капитала утвердиться в глобальном масштабе.

Основы экономической теологии как предмета исследования были заложены Максом Вебером. Влияние религии на становление капитализма Вебер выразил в терминологии «моральной бухгалтерии», осуществляющей методический контроль над протестантской аскетической практикой, делающей процесс «освящения жизни, по сути, обретением характера делового предприятия [2], успех которого сам по себе является признаком избранности.

Новый импульс в разработке «экономической теологии» связан с выходом в свет книги Джорджо Агамбена «Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления» [5]. К определению экономической власти Агамбена ведет богословская концепция «экономики». Греческое слово *oikonomia*, используемое в античности, как обозначение сферы внутренней администрации, исключенной из политики, начало использоваться в богословском смысле отцами-основателями Церкви, во-первых, как экономика спасения, как божественный план спасти мир.

Во-вторых, способ, которым Бог проявляется в Троице. Таким образом, в Агамбене возникает «Ойкономия», как стратегический оператор, посредством которого совершенство божественной власти связано с действием Бога в «невидимой руке» рынка (А. Смит), принимающей форму «провиденциальной машины» в смысле господства экономической сферы над остальными сферами общества [4].

Экономику и социальное управление Агамбен анализирует в метафизически-богословских терминах Троицы, как трансцендентные фигуры отношений Бога с самим собой. И если управленческая машина амбивалентна (Царство и Правление, законодательная и исполнительная власть), то ключевую функцию выполняет в ней слава, создаваемая литургией, молитвой, гимном, возносимыми хвалящими, выражающими радость и хвалу Господу. Столь весомое значение славы в теологии, прежде всего, обусловлено тем, что она позволяет сводить воедино в рамках управленческой машины имманентную и экономическую Троицу, бытие Бога и его действие, Царство и Правление, детерминируя смысл экономики и управления. Другими словами, она позволяет восполнить тот самый разрыв между теологией и экономикой, который тринитарной доктрине, сконцентрированной вокруг формулы Троицы, выраженной в богословской фразе «во имя (Господа) Отца и Сына и Святого Духа», так и не удалось окончательно преодолеть, и который, лишь в ослепительной фигуре славы, очевидно, достигает своей полноты.

Анализируя структурные отношения между символами власти религиозной и власти светской, можно заключить, что между ними происходит непрерывный обмен. Велико политическое значение тех литургических, церемониальных, славословных аспектов власти, которые всегда неизменно ее сопровождали. Почему власть, которая в основе своей есть результативность, нормативность, прагматичность, нуждается в этом элементе торжественности, бездеятельности, неподвижности, которым является слава? Исследование Дж. Агамбена показало, что все эти аспекты церемониальности, торжественности, величия власти не только являются частью прошлого, но их присутствие сильно ощутимо и в современных обществах — в форме общественного мнения и массмедиа, которые организуют и контролируют нечто такое, что можно определить как «безмолвное славословие». Моменты торжественности власти — это как раз те моменты, когда власть прославляет себя, покрывая церемониальным блеском не столько деятельность, а сколько «свою бездеятельность» [5].

Одной из самых востребованных теорий анализа отношений между политикой и религией в современную эпоху остается «политическое богословие» Карла Шмитта [20]. В концепции Шмитта в понятии «суверенитет», где национальное государство считается реальным политическим субъектом, во взаимосвязи между теологией и политикой присутствуют две страты. Во-первых, есть исторический пласт, и мы должны выйти за рамки одномерного исторического прочтения современности, как постепенного процесса секуляризации, посредством чего модель божественного суверенитета постепенно заменяется светской моделью государственного суверенитета. Однако такая позиция видения не раскрывает историю сочетания богословского и политического во всей ее полноте. Мы можем только найти более глубокие связи между религией и политикой на структурном слое, где будет найдено соответствие между юридической конфигурацией современной политической реальности и теологических концепций. Неслучайно работы Шмитта по политической теологии остаются популярными сегодня. Современная политика по-прежнему насыщена религиозными интересами и оживлена богословскими понятиями. На самом деле «тезис секуляризации» современности не был реализован и многие сегодня оспаривают его основные предпосылки [19]. Более того, учитывая кризис исторической структуры современного национального государства, у нас есть дополнительные требования, чтобы пересмотреть конкретные механизмы,

которые привели к его внутренней имплозии, в котором «чрезвычайная ситуация... стала правилом» [11, с. 14]. К тому же с ростом аутопоэтических функциональных подсистем, формирующих друг для друга более сложные цифровые пространства обитания, отличающиеся от менее сложных традиционных коммуникативных пространств населения, социальная интеграция превращается в излишне громоздкий механизм, поскольку он «опирается на нормативные структуры жизненных миров, которые все больше и больше маргинализируются» [22]. В условиях хрупкости общественного уклада, религия, сохраняя свою системную силу, остается опорой социального порядка, его последней инстанцией.

Религия как стихийный порядок рынка и власть над жизнью

При рассмотрении структуры экономической власти относительно диалектики государства и рынка, особенно плодотворно ориентироваться на позицию одного из столпов неолиберализма Фридриха фон Хайека. Согласно Хайеку, в неолиберальном обществе происходит полная экономическая легитимация юридически-политического института. Теперь не государство, а рынок выступает в качестве легитимизирующего института. Взаимосвязь между законом и экономикой должна материализоваться «стихийным порядком рынка». Можно сказать, что внесудебное понятие *nomos* (порядок), его принципиальное несоответствие природе создаваемых людьми законов и норм и тот факт, что оно происходит из-за приостановки действия закона, приводит к полной экономической легитимации правопорядка. Иными словами, Хайек возвращает правовой дискурс государства к экономической проблеме естественности в рациональном порядке, как форме «дисциплины», который, спонтанен, но не наивен. Порядок — это то, что эквивалентно регулярности поведения, которое люди принимают в ответ на окружающую среду, в которой они живут. В связи с этим он говорит о «системах правил поведения», которые требуют определенных форм «дисциплины». С этой точки зрения, Хайек видит «свободу» как артефакт цивилизации». Более того, мы свободны к ограничениям своей свободы. Так понимаемая свобода есть предпосылка к тому, что все общественные порядки и сама демократическая законодательная власть определяется как «закон свободы». [21, с. 90]. В основе дискурса лежит необходимость построения свободно производимого подчинения, которое, не завершается насилием, возникающим от приостановления действия закона. Напротив, хотя и подпитывается тем же насилием, это подчинение требует активного, а не чисто индуцированного участия во власти. Чтобы функционировать, экономическая власть требует свободно сформированного подчинения, которым она питается.

В какой степени порядок не чужд свободно выполняемым действиям? Что он имеет в виду, когда пишет, что производится через «дисциплину свободы»? Какова роль отдельных действий в отношении к экономической власти? Являются ли действия отдельных лиц просто средством для самореализации власти? Или это производство спонтанного заказа, который это предполагает, на самом деле и есть цель действия? Или связь между средствами и последствиями объясняют все значения, которые деятельность может иметь в связи с создаваемой людьми экономической силой?

Начиная с Аристотеля, человеческая деятельность считается свободной и структурно отличается от животного мира потому, что вопреки поведению животных, которых инстинктивно приводят в движение внешние раздражители, на которые они реагируют, действие человека содержит в себе свое собственное начало и цель. Объектом производства — то, что греки называли «поисис» (от древнегреческого ποίσις) является «деятельность, в которой человек приносит то, чего

раньше не было» — это создание продукта, который не должен быть выводим из внешних элементов. Фундаментальная характеристика человеческого действия заключается в том, что его цель лежит в себе, и в этом смысле человеческое действие является свободным. К тому же, по мнению историков культуры, воля — это христианское изобретение. Древние греки скорее говорили о силе, возможности («мочи»), а не воле («желании»). Иначе, античный человек — который может, современный человек есть человек, который хочет. Христианская религия — религия действия (суть христианской религии в литургии, по-гречески это слово означает «действие народа»). Здесь воля проявляет себя как инструмент разрешения догмата о всемогуществе Бога. Если Бог всемогущ, значит, может совершать самые абсурдные, немыслимые вещи, скажем — воплотить Сына не в человеке, а в птице, либо в земляном червяке. Для обуздания этого абсурда вводится понятие воли Бога: Бог абсолютно всемогущ, но это всемогущество ограничено его собственной волей.

Как заметил Энтони Гидденс, если Маркс исследует общество, в котором средства производства и производственные отношения экспроприированы, то Вебер рассматривает экспроприацию «средств управления» [15]. В этом смысле можно сказать, что Вебер дополняет производственные отношения Маркса отношениями господства и подчинения. Учитывая, насколько глобально распространена предпринимательская структура во всех сферах индивидуальной и общественной жизни, Вебер изображает законное господство государства и экономическое господство капиталистического предприятия как два аспекта одного и того же более широкого явления *power*. В любом случае на карту поставлена монополия средств, с помощью которых власть может быть осуществлена. Монополия силы, мобилизованная государством, узаконивает насилие как средство государственного суверенитета. Но закон делает связь между насилием и властью настолько сильной, что трудно провести четкое различие между средствами и целями. Насилие — это не просто средство власти, а так как сила тесно связана с насилием, насилие постоянно граничит с тем, чтобы стать самоцелью. Возникает ситуация, когда любая цель, попавшая в поле зрения государства, нацелена не более чем на рост собственной силы.

Нечто подобное происходит и в экономическом секторе. Для Вебера государство основано на монополизации насилия как средства его власти для единственной цели — его роста, в то время как капиталистическое предприятие основано на монополизации средств производства с единственной целью — увеличения собственной прибыли. Этот элемент сочетания управления средствами власти и производства, смешанные вместе с логикой накопления, роста или развития (государство или капиталистическое предприятие) является ключевым аспектом теории, которую Вебер разработал в работе «Протестантская этика и дух капитализма». В этой работе капиталистическая экономика характеризуется прежде всего погоней за прибылью как самоцелью, которая имеет не имеет ничего общего с удовлетворением личных интересов, индивидуальных потребностей или личного удовольствия.

В капиталистических способах производства приобретательная деятельность становится абсолютным венцом человеческой жизни, а не простым средством для удовлетворения потребностей или интересов. Можно сказать, что это — механизм, который питает «дух» капиталистической экономики. Согласно Веберу, именно в этом заключается линейная связь между целями и капиталистической революцией. Та же революция также присутствует в том, как государство производит легитимность для своих юридических полномочий. Суть этого способа господства лежит в его способности проникать жизнь людей. Согласно Веберу, «дух» капитализма совпадает с образами жизни, которые были «выбраны» для адаптации к спо-

собам капиталистического производства. В этом обществе накопление капитала рассматривается как «призвание», которое иннервирует капитализм, делая это одновременно формой власти и формой жизни. В предпринимательской форме людей бросают в процесс извлечения ценности, путем инвестиций в свою жизнь Человек начинает жить как «человеческий капитал» или «предприятие самости» [16]. Расширяя знаменитый неологизм Мишеля Фуко «биополитика» [9], можно заключить, как это осуществил К. С. Раджан, что экономическая сила человеческой жизни стала формой «биоценности» [17].

Понятие власти — как можно ясно увидеть в «Политике как призвании и профессии» — центральное место в политической теории Вебера, особенно в его учении о государстве. По его мнению, современное государство — не что иное, как определенная, исторически сложившаяся на Западе структура более широкого режима власти. Дialeктика между государством и властью позволяет Веберу предложить более сложное определение современной политической формы, которая поддерживает его. Правовая власть и экономическая власть — два основных полюса этого определения. С одной стороны, теория власти Вебера подчеркивает, что государство первичный политический институт в современности. Так оно и есть: вначале возникали государства, впоследствии — государства формировали нации. Государство имеет по сути правовую конфигурацию. Его юридические полномочия направлены на создание послушания. В то же время власть государства не сводится к режиму господства, как «потенция» или сила, состоящая из отношения сил, которые не могут быть сведены только к правовой сфере и, следовательно, к полному подчинению закону [3]. Власть исходит не только от насильственного господства или от легитимизации монополии на насилие, которая сводится, в конечном счете, к форме внешнего судебного запрета, которому каждый должен подчиниться. Напротив, власть принимает форму самоконтроля, «интериоризируя» порядок как отличительную форму индивидуализации. Соответственно, господство будет означать ситуацию, в которой проявленная воля, команда «правителя или правителей» — призваны влиять на поведение «управляемых», но на самом деле влияют на них таким образом, что их поведение в социально значимой степени происходит так, как если бы правящие сделали содержание команды максимой их поведения для самих себя.

Хотя требование легитимности любой формы власти требует «признания», которое, является «внутренним» измерением субъекта, его интериоризация не ограничивается этим. Для Вебера механизм, имеющий решающее значение для легитимности власти, — не «признание», а «вера», существенный элемент религиозной сферы, который он тщательно исследовал с этой точки зрения [3]. «Вера» как политический механизм состоит отчасти в признании раз и навсегда чего-то правдивого и действительного, существующего заранее, но также и в непрерывном производстве его действительности и ценности. Вера также служит ключевым источником легитимности государственной власти, легитимизирующей основой подчинения государственной власти. Вера также является источником самой концепции «Политика как призвание» и «Политика как профессия». Наконец, когда Вебер выделяет три идеальных типа господства в экономике и обществе, «вера» играет решающую роль на «харизматических основаниях». Сила веры даже действует в административной и технической форме власти. В большинстве случаев даже существование отношений господства, которые носят фундаментально правовой характер, основаны на том, в какой мере вера в законность способствует их стабильности. Око Господа всевидящее. На этом основано не только европейское право, но и исламский шариат. *«И нет творения, сокрытого от Него, но все обнажено и открыто перед Его глазами: Ему дадим отчет»* (Евр. 4:13). Без Абсолюта, который в принципе не достижим, право не работает. В этом смысле «обязанность

чиновников», «специализированных чиновников», как неотъемлемая часть бюрократического господства, является «обязанностью верности». Но, прежде всего, «вера» является для Вебера основным механизмом капиталистической экономики. В конституции экономической власти «вера» является ее основанием, ее легитимность — свободный способ существования в капиталистическом обществе. Вера — это то, что иннервирует капитализм как форму жизни, поскольку капиталистическая власть не сводится к деперсонализирующей области, которая символизирует бюрократизацию как процесс управления государством; скорее она питается религиозным, активным и дисциплинированным участием в деятельности, поведении и общении каждого индивида.

Неудивительно, что в первом томе «Закона, законодательства и свободы» под названием «Правила и порядок» Хайек определяет неизбежную связь между «верой» и «властью» в качестве основы демократического консенсуса. «Закон, который в более раннем понимании предполагал, что номос (порядок, заданный религиозной традицией) должен быть барьером для всей власти, вместо этого становится инструментом для использования власти» [21, с. 87].

Вера как мост между законом и свободой

Определенные аспекты христианской религии имеют решающее значение для понимания настоящего. Ранние христианские общины установили тесную связь с «законом», который имел важное значение для понимания специфической «экономической» природы их жизни, определяющий «политический» статус входящих в него людей. Христианство с самого начала признавало в качестве Священного Писания еврейскую Библию (Танах). В этом отношении важен тот факт, что в раннем христианстве Тора (Пятикнижие), книги Пророков и Писания — это не только религиозный текст, но и юридический код. Тесная связь закона и жизни предстает как заповедь, которая имеет решающее значение для западной мысли, как особая форма контроля над человеческой жизнью, которая одновременно устанавливает необходимость или требование ее уважать, с одной стороны, и возможность ее нарушения, с другой стороны. По этой причине еврейский опыт законопослушной жизни является одним из самых радикальных, поскольку заповедь уже содержит в себе возможность собственной приостановки. Люди не подчиняются природному закону. Эта невозможность естественного подчинения, принципиальная возможность нарушения закона становится основанием того, что закон становится источником человеческой свободы и силы.

Христианский опыт как *oikonomia* — не только в смысле богословской концепции (экономия спасения и экономия жизни Бога в Троице), но и как форма жизни в христианской общине — связана с определенной формой власти. Но с самого раннехристианская община создавалась через экономическую форму власти, основанную на первоначальной критике правовых структур. Эта власть должна быть не просто охарактеризована «невидимой рукой» или «провиденциализмом», на которой основано классическое представление о рынке. «Ойкономия» — скорее, и прежде всего — такой уклад общества, в котором власть должна быть охарактеризована как непрерывная и экспансивная форма управления. Как заметил главный теоретик ордолиберализма Александр Рустов наивно полагать, что рынок может быть лишь «провиденциально» поддержан «невидимой рукой», а конкуренция и экономическая свобода будут постоянно воспроизводиться без внешнего вмешательства [18]. Социальный рынок, *market*, фундаментально задуман как «витальная политика», «политика жизни» [10], которая сама явно основана на христианских принципах.

Дело в том что «вера» — это особый механизм, свойственный христианской общине как политической общине. Этот механизм превышает правовые отношения подчинения закону. Можно сказать, что христианство установило форму власти, которая проявляет свою силу за пределами явной заповеди. Исполнение закона через веру во Христа принимает форму ойкономии, потому что она одновременно предстает как свобода от ничто и полная верность закону. Другими словами, в опыте христианской жизни, чем больше человек свободен и освобожден от всех обязательств перед законом, тем больше человек соблюдает его, воплощая заповедь в жизнь. Между формой жизни и формой закона, между ойкосом и номосом есть совершенное соответствие. «Оператор» этой силы — «вера» (Вебер).

Признание осуществляется следующим образом. Павел, допустим, постоянно стремится быть признанным лидером сообщества, к которому он принадлежит. Тем не менее, его авторитет не зависит от того, что раз и навсегда признано законным. Его признание скорее от того, как власть осуществляется, приводится в действие, управляется, и одобряется, поскольку это считается правильным. Индивидуальная жизнь придерживается власти через свою веру в то, что она на основе эффективного управления, в котором в настоящее время «управляемый научно-технический прогресс сам превращается в основу легитимации» [11], обеспечивает поступательное развитие общества и благосостояние его граждан. Власть, которая установлена здесь, является фундаментальной для современных политических учреждений, потому, сохраняет свою особую эффективность, даже когда правовые структуры современного государства вступают в кризис, поскольку «вера» — это то, к чему можно без принуждения свободно адаптироваться. Свобода подчинения имеет решающее значение для концептуализации рынка. Лежащая в ее основе религиозная структура, в частности христианство, является механизмом, позволившим, внедряясь в жизнь отдельных людей и сообществ, утвердить экономическую мощь в глобальном масштабе.

Итак, несмотря на видимое разделение между человеческими мирскими действиями и имманентными религиозными практиками, неявный конец человеческой деятельности проявляется как сила, которая имеет самцель, способную создавать обязательства и, таким образом, управлять индивидуальным поведением через особую форму веры. Соответственно, политическое следует понимать в соответствии с традицией, восходящей к Платону как совокупность принципов, лежащих в основе отношений людей друг к другу и к миру, квинтэссенцию «форм обществ», исторически основанных на тех или иных духовных религиозных императивах. Отсюда политическая история России — отнюдь не дискретный процесс, а реализация принципов православия [6] в прямой, либо в превращенной форме «Белой» Киевской и Московской Руси (симфония духовной и светской властей) — «Серебряной» (Петровской и постпетровской России) — «Красной России» — «Русского коммунизма» [1] — «Желтой» (капитализм 90-х годов) — «Бело-Серебряно-Красно-Желтой» России (2000 г. — н. вр.). Образ правителя, восходящий к «Слову о Законе и Благодати» митрополита Илариона, стал архетипом, который прочно обосновался в коллективном бессознательном нашего общества. На протяжении всей нашей истории судьба России была неразрывно связана с жизнью ее лидера, который являлся главным катализатором всех политических и общественных процессов.

Легитимирующая сила религии состоит в том, что она черпает свою энергию, силу убеждения из собственных оснований, воплощенных в понятиях «спасения», «греха» и «покаяния», соответствующих искупительных практиках, независимо от политики. Развитие Западно-христианской и Восточно-христианской / Русской православной цивилизаций было во многом определено тем фактом, что их культура постоянно осваивала семантическое содержание иудео-христианской традиции.

Секуляризация государства и секуляризация общества — это не одно и то же. Поэтому, в экстремальных ситуациях экзистенциального выбора «Человек оправдывается Верой независимо от дел Закона».

Таким образом, в условиях давления со стороны экономических императивов, которые все чаще берут верх над частными сферами жизни, удрученные индивиды все сильнее и сильнее уходят в круг частных интересов, желания — желания, и если у тебя хорошо получается верить в то, что у тебя все хорошо, то без разницы как на самом деле обстоят дела. Сила подчинения, свободно порожаемая «верой», может питать бессмысленное стремление к прибыли, направленной исключительно на ее собственные цели. Однако «когда богатство умножается, не прилагайте к нему сердца» (Пс. 61:11), поскольку «Как трудно надеющимся на богатство войти в Царствие Божие!» (Мар.10:24).

Наконец, очевидно, в капиталистическом мире за деньги можно приобрести многое, кроме бескорыстной любви, приносящей счастье.

Литература

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. СПб. : Азбука, 2016.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения / общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. С. 61–344.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии : в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
4. Вон К. И. «Невидимая рука» // «Невидимая рука» рынка / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М. : ГУ ВШЭ, 2009. С. 226–232.
5. Джорджо А. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления / под науч. ред. Д. Е. Раскова, А. А. Погребняка, Д. С. Фарафоновой. М. : Издательство Института Гайдара, 2018.
6. Казин А. Л. Последнее царство: (Рус. православ. цивилизация). СПб. : Изд-во Спасо-Преображ. Валаам. монастыря, 1998.
7. Кугай А. И., Черкасова Т. Г. Религия и власть как стратегический и тактический механизмы социальной нормализации // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 118–125.
8. Кугай А. И., Михайлова В. В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 90–99.
9. Фуко М. Политическая технология индивидов / Фуко М. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. Ч. 1. М. : Праксис, 2002. С. 360–382.
10. Фуко М. Рождение биополитики / Фуко Мишель. Интеллектуалы и власть : Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В. П. Большакова. Ч. 3. М. : Праксис, 2006. С. 151–160.
11. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М. : Праксис, 2007.
12. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford, CA : Stanford University Press, 1998.
13. Biopolitics (as enterprise: dilemmas of control and resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics // Theory, Culture & Society. N 26 (6). Oxford University, 2009. P. 55–77.
14. Bröckling U. The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject. London : Sage, 2016.
15. Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory. New York : Cambridge University Press, 1971.
16. McNay L. Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics (as enterprise: dilemmas of control and resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics // Theory, Culture & Society. N 26 (6). Oxford University, 2009. P. 55–77.
17. Rajan KS. Biocapital: The Constitution of Postgenomic Life. Durham, NC : Duke University Press, 2006.
18. Rüstow A. Die Religion der Marktwirtschaft. Berlin : Lift Verlag, 2009.
19. Sloterdijk P. God's Zeal: The Battle of the Three Monotheisms. Cambridge : Polity Press. 2009.

20. Schmitt C. Political theology / Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. P. 36–52.
21. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. London : Routledge, 2013.
22. Habermas J. «The Political»: The Rational Meaning of a Questionable Inheritance of Political Theology / The Power of Religion in the Public Sphere: J. Butler, J. Habermas, Ch. Taylor, C. West (ed. E. Mendieta, J. VanAntwerpen, C. Calhoun). N.Y. : Columbia University Press, 2011. P. 15–33.

Об авторе:

Кугай Александр Иванович, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; Kugay3@yandex.ru

References

1. Berdyaev N. A. Origins and Meaning of Russian Communism. SPb.: Azbuka, 2016. (In rus)
2. Weber M. Protestant Ethics and Spirit of Capitalism / Weber M. Chosen Works.: translation from German / general edition of Yu. N. Davydov. Introduction P. P. Gaydenko. M.: Progress, 1990. P. 61–344. (In rus)
3. Weber M. Business and Society: Essays of Understanding Sociology: in 4 vol. / Max Weber; [translation from German]; collection, general edition of L. G. Ionin; “Higher School of Economics.” M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. (In rus)
4. Won K. I. “An invisible hand” // “An invisible hand” of the market / under the editorship of J. Ituell, M. Milgate, P. Newman. M.: HSE, 2009. P. 226–232. (In rus)
5. Giorgio Agamben. The Kingdom and the Glory: For a Theological Genealogy of Economy and Government. Translation: D. C. Farafonova (Chap. 1–8), E. V. Smagina (annex); under scientific ed. of D. E. Raskov, A. A. Pomerniak, D. S. Farafonova. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2018. (In rus)
6. Kazin A. L. Last Kingdom: (Russian Orthodox Civilization). SPb.: Publishing House of Spaso-Preobrazhenskiy Valaam Monastery, 1998. (In rus)
7. Kugai A. I., Chernasova T. G. Religion and power as strategic and tactical mechanisms of social normalization // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2018. № 10. P. 118–125. (In rus)
8. Kugai A. I., Mikhailova V. V. “Digital Generation”: Threats and Hopes in the Era of Information and Digital Civilization // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2019. № 7. P. 90–99. (In rus)
9. Foucault M. Political Technology of Individuals (1988)/Foucault Michel. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews/translation from French S. Ch. Ofertas under general edition of V. P. Visgin and B. M. Skuratov. Part 1. M.: Praxis, 2002. P. 360–382. (In rus)
10. Foucault M. Birth of Biopolitic / Foucault Michel. Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews / Translation from French of B. M. Skuratov, under general edition of V. P. Velakov. Part 3. M.: Praxis, 2006. P. 151–160. (In rus)
11. Habermas Yu. Engineering and Science as “Ideology” / Translation from German of M. L. Horkov. M.: Praxis, 2007. (In rus)
12. Agamben G. Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life. Stanford, CA : Stanford University Press, 1998.
13. Biopolitics (as enterprise: dilemmas of control and resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics // Theory, Culture & Society. N 26 (6). Oxford University, 2009. P. 55–77.
14. Bröckling U. The Entrepreneurial Self: Fabricating a New Type of Subject. London : Sage, 2016.
15. Giddens A. Capitalism and Modern Social Theory. New York : Cambridge University Press, 1971.
16. McNay L. Self as Enterprise: Dilemmas of Control and Resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics (as enterprise: dilemmas of control and resistance in Foucault's The Birth of Biopolitics // Theory, Culture & Society. N 26 (6). Oxford University, 2009. P. 55–77.
17. Rajan KS. Biocapital: The Constitution of Postgenomic Life. Durham, NC : Duke University Press, 2006.
18. Rüstow A. Die Religion der Marktwirtschaft. Berlin : Lift Verlag, 2009.
19. Sloterdijk P. God's Zeal: The Battle of the Three Monotheisms. Cambridge : Polity Press. 2009.
20. Schmitt C. Political theology / Schmitt C. Political Theology: Four Chapters on the Concept of Sovereignty. Cambridge, MA : MIT Press, 1985. P. 36–52.

21. Hayek F. A. Law, Legislation and Liberty. London : Routledge, 2013.
22. Habermas J. «The Political»: The Rational Meaning of a Questionable Inheritance of Political Theology / The Power of Religion in the Public Sphere: J. Butler, J. Habermas, Ch. Taylor, C. West (ed. E. Mendieta, J. VanAntwerpen, C. Calhoun). N.Y. : Columbia University Press, 2011. P. 15–33.

About the author:

Alexander I. Kugay, Professor of the Chair of the State and Municipal Management of North-West institute of management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor Kugay3@yandex.ru

Организаторская деятельность органов управления по строительству железной дороги Старый Оскол — Ржава на Курской дуге

Гриднев В. П.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, valerijgridnev@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена мужеству и героизму личного состава железнодорожных войск Воронежского фронта, участвующего вместе с местным населением прифронтовых областей в строительстве очень важной для того времени железнодорожной линии Старый Оскол — Ржава протяженностью 95 км, а также в выполнении огромного объема различных работ по восстановлению разрушенных путей, мостов, проводов связи, пунктов водоснабжения, депо и др.

Ключевые слова: Военный совет фронта, отдельная железнодорожная бригада, управление военно-восстановительных работ, командиры, начальники, личный состав

Для цитирования: Гриднев В. П. Организаторская деятельность органов управления по строительству железной дороги Старый Оскол — Ржава на Курской дуге // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 149–153.

Organizational Activities of the Governing Bodies on the Construction of the Railway Lines Stary Oskol — Rzhava on the Kursk Arc

Valery P. Gridnev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation, valerijgridnev@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the courage and heroism of the personnel of the railway troops of the Voronezh Front, participating together with the local population of the frontline regions in the construction of the very important 95 km railway line Stary Oskol — Rzhava for that time, as well as in the implementation of a huge amount of various work to restore damaged paths and bridges, communication wires, water points, depots, etc.

Keywords: Military Council of the Front, separate railway brigade, department of military reconstruction, commanders, chiefs, personnel

For citing: Gridnev V. P. Organizational Activities of the Governing Bodies on the Construction of the Railway Lines Stary Oskol — Rzhava on the Kursk Arc // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 149–153.

К 75-летию Великой Победы

Одним из величайших событий Второй мировой войны является Курская битва, длившаяся 50 суток — с 5 июля по 23 августа 1943 г. Активное участие в битве принимали и железнодорожные войска.

После того как Военный совет Воронежского фронта в период подготовки к Курской битве обратился с письмом в Государственный Комитет Обороны (далее — ГКО) с ходатайством о строительстве железнодорожной линии Старый Оскол —

Ржава протяженностью 95 км¹, так как у Воронежского фронта не было собственной железнодорожной коммуникации, ГКО, рассмотрев обращение, принял 8 июня 1943 г. постановление № 3532сс «О строительстве линии Старый Оскол — Ржава»: «5. Обязать НКПС развернуть работы не позже 15 июня с. г., открыть движение к 15 августа 1943 года». «12. Разрешить НКПС производить вышеуказанное строительство по смете чрезвычайных расходов без утвержденного проекта»².

Строительство железной дороги было поручено Управлению военно-восстановительных работ № 3 (далее — УВВР-3) в составе 7, 14, 19, 25-й отдельных железнодорожных бригад (далее — ОЖДБр.) и специальных формирований Наркомата путей сообщения СССР № 7, 9, 10, 13. Кроме того, Военный совет Воронежского фронта направил на строительство № 217³ две тысячи красноармейцев из запасных полков и два отдельных автомобильных батальона № 236 и 841. Начальником строительства по предложению начальника УВВР-3 генерал-майора технических войск Кабанова П. А.⁴ был назначен командир 19 ОЖДБр. полковник Ткачев А. Н.⁵ Все строительство разбили на два участка, начальником первого был назначен заместитель командира 19-й ОЖДБр. военный инженер 2-го ранга Кулешов П. К., второго — командир 7-й ОЖДБр. полковник Новосельский Н. И.⁶.

Развертывалось железнодорожное строительство в очень сложной обстановке: не было утвержденного проекта, рельсы поступали старогодные, разных типов, скрепления некомплектные, не хватало шпал, не было и столбов для линий связи⁷.

По прибытии частей к месту строительства командиры и политработники развернули политико-воспитательную работу по мобилизации личного состава на успешное выполнение поставленных задач. Политотделы железнодорожных бригад разработали планы партийно-политической работы, которые предусматривали проведение мероприятий, направленных на окончание строительства точно в срок, сохранение военной тайны, бдительности, дальнейшее укрепление воинской дисциплины, обеспечение нормальных материально-бытовых условий воинов⁸.

Перед началом строительства командирами и политработниками были проведены совещания с заместителями командиров по политчасти, парторгами, комсоргами и агитаторами по вопросу организации политико-воспитательной работы⁹. В частях и подразделениях прошли митинги, собрания о значении строительства железной дороги и задачах по завершению работ в срок, а также беседы на темы «Наша бригада должна занять первенство на стройке», «Норма выработки есть приказ» и др. В частях было изготовлено более сотни лозунгов, например «Все

¹ Курская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945 гг. Сб. док. и материалов: в 2 т. Курск : Кн. изд-во, 1962. Т. 2. С. 69–70.

² Постановление ГОКО № 3522сс от 08.06.1943 [Электронный ресурс]. URL: <https://aftershock.news/?q=node/695616&full> (дата обращения: 02.01.2020).

³ Номер строительства железнодорожной линии Старый Оскол — Ржава.

⁴ Павел Алексеевич Кабанов (11 июля 1897 — 27 февраля 1987) — советский военный деятель, генерал-полковник технических войск, участник Великой Отечественной войны, Герой Социалистического Труда. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Кабанов,_Павел_Алексеевич (дата обращения: 02.01.2020).

⁵ Кабанов П. А. Стальные перегоны [Электронный ресурс]. URL: http://gubkin-1941-45.ucoz.ru/publ/ehlektronnaja_biblioteka/stati/doroga_muzhestva/3-1-0-26 (дата обращения: 02.01.2020).

⁶ Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 88. Д. 768. Л. 29, 32; Д. 828. Л. 6.

⁷ Кабанов П. А. Стальные перегоны.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 7 ОЖДБр. Оп. 40008. Д. 34. Л. 34; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 92; Д. 38. Л. 24.

⁹ Там же. Ф. 7 ОЖДБр. Оп. 40008. Д. 34. Л. 30 об.; Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 92; Ф. 25 ОЖДБр. Оп. 40037. Д. 40. Л. 127.

силы, все внимание на выполнение плана ГКО в срок!», «Выше производительность труда на стройке — ближе победа над врагом!», «Честь и хвала мастерам военной нормы!», «Дорог на фронте каждый час. Выполним в срок боевой приказ!», «Наша стройка — путь снаряда в гнездо фашистского гада!», «Выше темпы работы — снаряды ждет оружейный расчет!» и т. д.¹

Большую помощь стройке оказал председатель Курского городского комитета обороны генерал-майор Доронин П. А., организовавший для строителей показ кинофильмов, концерты и даже спектакли².

Беспрерывно проводилась политико-воспитательная работа в подразделениях. Регулярно выходили боевые листки, стенные газеты. «Курская правда» и фронтовая газета «За разгром врага» регулярно целые страницы и номера посвящали стройке, ее лучшим людям³.

В частях был организован один раз в десять дней выпуск бюллетеней о лучших людях, их передовых методах работы. Ценность таких выпусков заключалась в том, что они делали передовой опыт достоянием всех строителей⁴.

Командиры и политработники провели расстановку активистов таким образом, чтобы каждый из них находился на наиболее важном, ответственном участке.

В батальонах прошли совещания со старшинами подразделений об организации питания и отдыха личного состава⁵.

Благодаря проведенным командно-политическим составом мероприятиям, стремлению советских воинов разгромить ненавистного врага во всех частях развернулось массовое социалистическое соревнование.

Важную роль в активизации воспитательной работы сыграли приказы начальника УВВР-3 генерал-майора технических войск Кабанова П. А. № 9 от 3 июля и № 10 от 4 июля 1943 г., в которых требовалось усилить политико-воспитательную работу, нацеливающую красноармейцев и офицеров на своевременное окончание строительства железной дороги и поощрение лучших⁶. Для стимулирования деятельности воинов офицерскому составу выделялось 75 тыс. руб.⁷

Все это и предопределило успех строительства. Впереди, как всегда, были активисты. Так, из 46 комсомольцев 14-го отдельного мостостроительного батальона, например, выполнили задание 8 человек на 130–150%, 20 — на 150–200, 11 — на 200–300, 7 человек — на 300–400%⁸.

Командование Воронежского фронта держало под контролем ход строительства железной дороги Старый Оскол — Ржава. Так, Военный совет фронта 28 июня 1943 г. заслушал начальника строительства командира 19 ОЖДБр. полковника Ткачева А. Н. о ходе работ. Было отмечено, что железнодорожники успешно справляются со своими задачами: с 15 по 27 июня уже отсыпали земляного полотна 480 тыс. м³ (всего планировалось 800 тыс. м³), механизировали земляные работы на 21%. В то же время Военный совет Воронежского фронта потребовал ускорить сооружение дороги⁹.

Железнодорожники на призыв Военного совета ответили ударным трудом. Подтверждением этого является рост производительности труда в УВВР-3: если в июне

¹ ЦАМО РФ. Ф. 19. ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 92, 123, 136; Д. 38. Л. 118. Кабанов П. А. Стальные перегоны.

² Кабанов П. А. Стальные перегоны.

³ Там же.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 124; Д. 46. Л. 243.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 25 ОЖДБр. Оп. 40037. Д. 40. Л. 127.

⁶ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 828. Л. 28–29.

⁷ Подсчитано авт. Там же. Л. 29.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 137 об.

⁹ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 768. Л. 2–4.

она составляла 140%, то в июле — 154, а в отдельных подразделениях (14-й отдельный мостостроительный батальон) — 800–900%¹.

Результатом самоотверженного труда строителей явилась досрочная сдача железнодорожной ветки².

Какое же военное значение имела новая железнодорожная линия? Войска Воронежского фронта получили самостоятельную магистраль, которая выходила на линию Курск — Белгород и на ветку Ржава — Обоянь. Новая трасса освобождала от доставки грузов огромное количество автомашин, которые подвозили все необходимое к передовой линии фронта за 250–300 км. С вводом в эксплуатацию этой трассы расстояние сокращалось на 150–200 км. Облегчалась поездная работа на сильно перегруженном главном направлении Касторная — Мармыжи — Курск. Кроме того, немецко-фашистские войска непрерывно бомбили эту магистраль и особенно Курский узел. Новая трасса давала возможность Воронежскому и Центральному фронтам маневрировать, организовать кольцевое одностороннее движение эшелонов по маршруту Касторная — Курск — Сараевка — Старый Оскол. Эта мера резко повышала провозную способность железнодорожных магистралей³.

С успешным окончанием работ Военный совет Воронежского фронта поздравил личный состав УВВР-3 и выразил уверенность в том, что и впредь будут прилагать все усилия к разгрому немецко-фашистских захватчиков⁴.

Трудовой подвиг воинов-железнодорожников был высоко оценен руководством страны. За трудовой героизм и мужество Президиум Верховного Совета СССР награждал 306 строителей орденами и медалями. Начальник строительства полковник Ткачев А. Н. был награжден орденом Ленина, а начальник УВВР-3 генерал-майор технических войск Кабанов П. А. — орденом Отечественной войны I степени⁵.

В целом же только УВВР-3 Воронежского фронта в 1943 г. выполнило огромный объем работ: восстановили 5233 км путей, 669 мостов общей длиной 17 781 пог. м, 35 231 км проводов связи, 116 пунктов водоснабжения, 7 депо и вновь построили 163 км железнодорожных путей⁶, 72 моста общей протяженностью 1914 пог. м, 938 км проводов связи, два пункта водоснабжения и многое другое. Вместо 8 км в сутки по нормативу путейцы восстанавливали 10–12 км железнодорожного полотна⁷.

Большие и важные задачи решали воины-железнодорожники и других фронтов курского направления⁸.

Таким образом, высокий патриотизм и трудовая доблесть личного состава железнодорожных войск и жителей прифронтовых областей⁹, самоотверженная и результативная деятельность органов управления способствовали победе Красной Армии в Курской битве.

Битва на Курской дуге наглядно подтвердила ту истину, что идеи советского патриотизма явились могучей движущей силой в борьбе Красной Армии против

¹ Там же. Д. 764. Л. 35; ЦАМО РФ. Ф. 19 ОЖДБр. Оп. 40031. Д. 37. Л. 121.

² Железнодорожная линия Старый Оскол — Ржава с пропускной способностью 12 пар поездов в сутки было досрочно открыта 17 июля, т. е. через 32 дня после начала работ за две недели до контрнаступления Воронежского и Степного фронтов на белгородско-харьковском направлении.

³ Кабанов П. А. Стальные перегоны.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 25 ОЖДБр. Оп. 40037. Л. 130 об.

⁵ Кабанов П. А. Стальные перегоны.

⁶ Подсчитано авт. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 766. Л. 2.

⁷ РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 88. Д. 766. Л. 2.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 201. Оп. 384. Д. 10. Л. 58, 69–70.

⁹ См. об этом : Гриднев В. П. Помогая фронту: помощь местного населения в битве под Курском. Ч. 2 // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 100–107.

немецко-фашистских захватчиков. Они были одним из источников массового героизма советских людей.

Опыт Курской битвы и анализ вероятного характера будущей войны убеждает в том, что победу могут одержать люди, сильные духом, беспредельно преданные своей Родине.

Об авторе:

Гриднев Валерий Павлович, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук, профессор; valerijgridnev@yandex.ru

About the author:

Valery P. Gridnev, Professor of Chair of Economics of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History), Professor, valerijgridnev@yandex.ru

Анализ политико-правовых моделей организации местного самоуправления

Куценко Д. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dkutsenko-17-01@edu.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена теоретическому анализу политико-правовых моделей организации местного самоуправления и имеет *целью* определение основных составляющих модели местного самоуправления в современной России, выявление точек роста и развития. *Теоретическую базу* исследования составили теория свободной общины, общественно-хозяйственная теория, государственная теория местного самоуправления, а также теория дуализма. Кроме того, был проведен анализ существующих моделей местного самоуправления: англосаксонской, континентальной (французской) и германской. Наряду с анализом концепций местного самоуправления также рассмотрены примеры государств, применяющих различные модели управления. Благодаря проведенному теоретическому исследованию выделены ключевые характеристики каждой из моделей, а также некоторые особенности их применения в современных условиях. Было обосновано, что важным элементом системы местного самоуправления, который признается в рамках каждой модели, а также в «смешанных» моделях, является высокий уровень доверия и партисипаторной активности со стороны граждан. Проанализировав теоретические основы местного самоуправления, а также опыт применения различных моделей управления в различных странах, автор пришел к *выводу*, что совмещение принципов различных концепций и моделей местного самоуправления является актуальным в условиях глобализации, а также преобразований в общественных и политических институтах. Сегодня в молодых демократиях, в том числе и в России, перед государственными управлениями, гражданами и общественными организациями стоит важный вопрос по поиску оптимальной модели управления на местном уровне. С точки зрения устойчивой и эффективной системы местного самоуправления принцип индивидуального подхода к субъектам и населенным пунктам может сыграть ключевую роль. Основное значение здесь играет акцент на формирование практик доверия и партисипативности. Именно они являются ключевыми точками роста и развития модели местного самоуправления в современных условиях. Развитие партисипативности и доверия способствует повышению эффективности расходования бюджетных средств, сплоченности и ответственности граждан, их заинтересованности в решении проблем местного сообщества.

Ключевые слова: местное самоуправление в России, смешанная модель местного самоуправления, теории местного самоуправления, доверие, партисипативность

Для цитирования: Куценко Д. О. Анализ политико-правовых моделей организации местного самоуправления // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 154–165.

Analysis of Political and Legal Models of Local Self-Government

Dariya O. Kutsenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; dkutsenko-17-01@edu.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the theoretical analysis of political and legal models of the organization of local self-government and *aims* to identify the main components of the model of local self-government in Russia, as well as to identifying points of growth and development. The *theoretical basis* of the research was formed by the theory of free community, social and economic theory, state theory of local government, as well as the dualism theory. The existing

models of local self-government: Anglo-Saxon, Continental, and German were analyzed. In addition to the analysis of local self-government concepts, examples of states applying different governance models were also considered. The analysis highlighted the key characteristics of each model, as well as some features of their application in the contemporary context. It was argued that an important element of local governance, which is recognized in each model, as well as in "mixed" models, is a high level of trust and participatory activity on the part of citizens. Having analyzed the theoretical foundations of local self-government, as well as the experience of applying different models of governance in different countries, the author came to the *conclusion* that the combination of principles of different concepts and models of local governance is relevant in the conditions of globalization, as well as changes in social and political institutions. Today, in young democracies, including Russia, public administrators, citizens, and public organizations face an important question in search of an optimal model of governance at the local level. Forming a sustainable and effective system of local self-government supposes that the principle of individual approach to subjects and settlements can play a key role. The main importance here is the emphasis on the formation of practices of trust and civic participation. These are the key points of growth and development of the emerging model of local governance. The development of civic participation and trust contributes to the efficiency of budget spending, solidarity and responsibility of citizens and their interest in solving the problems of the local community.

Keywords: local governance in Russia, mixed model of local governance, theories of local governance, trust, civic participation

For citing: Kutsenko D. O. Analysis of Political and Legal Models of Local Self-Government // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 154–165.

Введение

Понятие местного самоуправления имеет множество определений. Основопологающим считается определение, содержащееся в Европейской Хартии местного самоуправления 1985 г. Согласно Хартии, местное самоуправление представляет собой право и реальную способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения¹. Несмотря на то, что данное определение является общепризнанным и часто используется как в научной литературе, так и практиками публичного управления, сегодня можно наблюдать множество различий в системах местного самоуправления разных стран. Местное самоуправление представляет собой важнейший элемент функционирования государства. Изначально оно было призвано решать каждодневные вопросы сообществ, однако по прошествии времени ситуация начала меняться.

Сегодня роль местного самоуправления признается не только на локальном уровне, но и на общегосударственном и даже на глобальном, общемировом. Поиск оптимальной модели местного самоуправления является важнейшей задачей любого государства, стремящегося к социально-экономическому развитию, повышению вовлеченности граждан в процесс управления, а также к высокому уровню доверия к власти. Это, в свою очередь, обеспечивает максимально гармоничное и устойчивое развитие общества, а значит, способствует мировому прогрессу.

С развитием экономики, политики и общественных институтов должны меняться и методы управления. Важно понимать, что модель управления, сформулированная теоретиками, никогда в полной мере не может быть реализована в реальном государстве. Сегодня в молодых демократиях и развивающихся странах перед государственными управленцами, гражданами и общественными организациями стоит

¹ [Электронный ресурс]. European Charter of Local Self-Government // Council of Europe URL: <https://rm.coe.int/168007a088> (дата обращения: 12.02.2020).

важный вопрос по поиску оптимальной модели управления на местном уровне [18]. С точки зрения формирования устойчивой и эффективной системы местного самоуправления принцип индивидуального подхода к субъектам и населенным пунктам может сыграть ключевую роль.

Правильно сформированная и качественно регулируемая система местного самоуправления способна оказать значительное воздействие не только на вопросы местного значения, такие как: развитие и облагораживание территорий, состояние социальной инфраструктуры, но в долгосрочной перспективе она может отразиться на социально-экономическом развитии региона и даже государства. Благодаря своей специфике местный уровень власти также имеет больше возможностей для снижения административного барьера между государством и гражданами, что также положительно образом отражается не только на удовлетворенности граждан государственными услугами, но и на уровне развития системы управления [32, с. 15].

Именно поэтому с научной точки зрения важны анализ процесса трансформации моделей местного самоуправления, идентификация причин тех или иных преобразований, а также аналитическая составляющая применения сложившихся подходов в управлении. В данной работе рассмотрены позиции основоположников ключевых теорий местного самоуправления и современных исследователей об оптимальности применения моделей местного самоуправления: англосаксонской, континентальной и германской. Важность такого теоретического анализа обусловлена основополагающей значимостью понимания специфики каждой из моделей, а также особенностей их применения в современных условиях в различных странах, в том числе и в России.

Теоретические основы

Местное самоуправление представляет интерес зарубежных исследователей: философов, политологов и экономистов — уже достаточно долгое время. Так, в специализированных журналах Великобритании уже в конце XIX в. публиковались статьи, в которых рассматривались проблемы в данной области [27]. Согласно Google статистике, цитируемость термина «local self-government» (с англ. местное самоуправление) в англоязычной литературе была довольно высокой с конца XIX в. и достигла максимума в начале XX в. (рис. 1). В русскоязычной научной литературе

Рис. 1. Цитируемость термина «local self-government» в период 1800–2020 гг.

Fig. 1. Citation of the term "local self-government" in the period 1800–2020

Источник: Google Books Ngram Viewer

термин «местное самоуправление» также применялся с XIX в., однако пик цитируемости был достигнут позднее, чем в зарубежной литературе — в 2000-х гг. (см. рис. 2). Сегодня тема местного самоуправления также актуальна, однако в рамках данной работы прежде всего необходимо рассмотреть фундаментальные теории местного самоуправления. Основополагающими теориями, в частности, являются: теория свободной общины, общественно-хозяйственная теория, государственная теория местного самоуправления, а также теория дуализма.

Рис. 2. Цитируемость термина «местное самоуправление» в период 1800–2020 гг.

Fig. 2. Citation of the term "local self-government (in russ.)" in the period 1800–2020

Источник: Google Books Ngram Viewer

Теория свободной общины (или теория естественных прав общин) является одной из важнейших с точки зрения развития политической мысли в сфере местного самоуправления. Данная теория была разработана в начале XIX в. Над развитием теории свободной общины работал ряд известных ученых, в частности: А. Токвиль, О. Лабанд, Г. Арсенс, К. Гербер и другие. Согласно теории естественных прав общин, система местного самоуправления в первую очередь должна характеризоваться высокой степенью автономии по отношению к государственной системе власти [4, с. 22]. Права общины на волеизъявление в рамках данной концепции являются естественными и неотъемлемыми. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что государственная власть не вправе вмешиваться в сферу местного самоуправления. Государство также не вправе создавать органы власти на муниципальном уровне — они должны формироваться членами общины. Однако уже из этого принципа вытекает определенное противоречие. Вопросы ведения системы местного самоуправления и принципы работы местных органов власти изначально определяются на государственном уровне, что обуславливает невозможность соблюдения полной автономии. Несмотря на идеалистический характер данной теории, она послужила основой для дальнейших исследований в этой области, а также для разработки новых теорий о местном самоуправлении. Так, общественно-хозяйственная теория во многом появилась благодаря теории свободной общины.

Среди ученых, придерживавшихся *общественно-хозяйственной теории*, были О. Гирке, О. Ресслер, Р. Моль и другие. В рамках данной теории местная власть рассматривается как наиболее автономная целостность: она должна не просто находиться в автономии от государственной власти, но и противопоставляться ей [4, с. 23]. Однако в отличие от теории естественных прав общин, данная теория предусматривает наличие отдельного органа, призванного контролировать

законность действий местных властей [11, с. 174]. Важно отметить, что контроль законности не является тождественным контролю легитимности. Например, органы государственной власти не могут вмешиваться в процесс выборов глав муниципальных образований или осуществлять их назначение. Общественно-хозяйственная теория внесла важный вклад в формирование когнитивного потенциала местного самоуправления, однако не получила широкого развития вследствие определенной утопичности строго разделения государства и местных сообществ.

Если у теории свободной общины и общественно-хозяйственной теории можно выделить сходные принципы в их основах, то *государственная теория местного самоуправления* является их антагонистом. Данную теорию основали ученые немецкой школы — Р. Гнейст и Л. Штейн. Развитием идей государственной теории местного самоуправления занимались такие ученые, как В. П. Безобразов, А. Д. Градовский и другие. Последователи общественно-хозяйственной теории противопоставляли местную власть государственной, однако представители государственной теории самоуправления придерживались противоположной точки зрения. Согласно данной теории, интересы общин или местные интересы в итоге неотделимы от общегосударственных [5, с. 83]. Авторы государственной теории местного самоуправления в первую очередь руководствовались принципом государственной целесообразности, что подразумевало периодическое преобразование спектра прав и обязанностей местных органов власти [17, с. 375]. Последователи государственной теории полагали, что полномочия, возложенные на органы местного самоуправления, являются разновидностью государственных функций. Таким образом, в рамках данной теории местная власть является составной частью государственной [19, с. 27].

В развитие государственной теории местного самоуправления возникла *теория дуализма*. Возникновение данной теории можно объяснить тем, что существовавшие теории не могли в полной мере отражать новые модели местного самоуправления [6, с. 270]. Согласно теории дуализма, ни одна из теорий, существовавших на момент ее создания, не демонстрировали реальных характеристик практики управления на местном уровне. Тем не менее, теория дуализма вобрала в себя черты как теории свободной общины, так и государственной теории. Например, согласно теории дуализма, права общин должны безусловно признаваться, однако регулирование полномочий и вопросов ведения местного уровня власти должны определяться исключительно на государственном уровне. Таким образом, теория демонстрирует наличие в современном обществе запроса на одновременное соблюдение государственных и местных интересов. Таким образом, в рамках теории дуализма ключевым вопросом является поиск оптимальных методов управления, удовлетворяющих интересы обеих сторон.

Тенденции в развитии теорий местного самоуправления говорят о том, что совмещение принципов из различных концепций является актуальным в условиях глобализации, а также преобразований в общественных и политических институтах. Благодаря обзору теоретических основ местного самоуправления при дальнейшем анализе моделей, применяемых в различных странах, можно сделать выводы о влиянии рассмотренных концепций на практику развития местного самоуправления.

Анализ моделей организации местного самоуправления

Традиционно выделяют три основные модели местного самоуправления: англосаксонскую, континентальную (французскую) и германскую. Безусловно, существуют и другие классификации, в которых есть смешанные типы, однако типология с тремя моделями получила в политической науке наибольшее распространение, и именно ее принято считать основополагающей [16, с. 64].

Англосаксонская модель местного самоуправления впервые возникла в Великобритании. Развитие системы местного самоуправления в Великобритании началось в средние века, поэтому эмпирический бэкграунд данной модели можно считать значительным. Важнейшей характеристикой англосаксонской модели местного самоуправления является высокая степень автономии от государственной власти. В рамках данной модели не предусмотрено прямое подчинение местной власти государственной [8, с. 171]. Великобритания, будучи многонациональным государством, применяющим англосаксонскую модель, также характеризуется наличием множества форм управления на данном уровне. С одной стороны, подобная ситуация усиливает автономию местного самоуправления, а с другой — способствует неоднородности системы. При этом нет оснований делать выводы о негативном воздействии неоднородности на систему местного самоуправления в Великобритании ввиду ее устойчивости [14, с. 132].

Англосаксонская модель получила большое распространение: ее адаптировали в США, Новой Зеландии, Канаде и Австралии. Однако дискуссии о неоспоримом и естественном праве общин на местное самоуправление по сей день является актуальными среди специалистов в области юридических и в политических наук. Многие современные специалисты полагают, что право на местное самоуправление, равно как и право на городскую территорию, является разновидностью коллективного права, которое принадлежит всем гражданам, проживающим на определенной территории [28, с. 377]. Подобная позиция согласуется с теорией свободной общины и англосаксонской моделью местного самоуправления. В связи с этим, она нашла отражение и в законодательстве стран с подобной моделью управления, в частности, в Великобритании и Канаде. В данных странах существуют нормативно-правовые акты «о правах сообществ». [9, с. 93] Далеко не в каждой стране с англосаксонской моделью местного самоуправления зафиксированы права общин на законодательном уровне, и здесь вновь имеют место различия даже в рамках одного подхода к управлению. Несмотря на то, что ряд исследователей определяет модель местного самоуправления в Соединенных Штатах Америки как англосаксонскую, существует и иная точка зрения на данный вопрос. Так, например, существует мнение, что в США система местного самоуправления основана на принципах англосаксонской модели, однако наряду с этим она обладает и характеристиками германской модели [1, с. 14].

Противоположной англосаксонской модели во многом является французская или континентальная. Ключевая отличительная черта французской системы местного самоуправления заключается в особенностях взаимоотношений между государственной властью и органами местного самоуправления. Континентальная система чаще всего применяется в странах, где государственные органы в значительной степени контролируют местные органы власти. Так, Франция, в которой появилась данная модель, является страной, обладающей многовековой традицией централизации власти [2, с. 24]. Система местного самоуправления во Франции является одной из наиболее сложных по своей структуре. Она также является максимально приближенной к той, которая описана в государственной теории местного самоуправления. На сегодняшний день во Франции хоть и действует три уровня власти, но эта классификация подразделяется на составляющие. Так, во Франции действуют областные советы, генеральные советы, муниципальные советы общин, а также комиссии и учреждения, выполняющие роли медиаторов между парламентом и местной властью [2, с. 25]. Сложность системы местного самоуправления может объясняться стремлением к контролю, но вместе с тем и к удовлетворению интересов коммун. Черты французской или континентальной модели местного самоуправления можно также наблюдать в странах Латинской Америки. Тем не менее, в этих странах применяется модель, предусматривающая меньшую, чем во Франции степень свободы местных властей.

Германская модель местного самоуправления в отличие от англосаксонской характеризуется меньшей степенью автономии от системы государственной власти [8, с. 172]. В Германии существует система органов, которая представляет собой промежуточный уровень власти между государственной и местной. Эти органы выполняют надзорные функции, однако их работа основана не только на директивных принципах. Так, в случае несогласия местных властей с определенным нормативно-правовым актом, изданным государственной властью, они обладают правом подать заявление в суд [8, с. 173]. При этом отмечается, что уровень контроля местного самоуправления со стороны государственных властей излишне высок. Помимо этого, модель регулирования местного самоуправления в Германии не всегда учитывает индивидуальные характеристики земель и местных общин, а основывается на единых для всех земель нормах [20, с. 26]. Помимо Германии данная модель также применяется в Австрии, Японии и ряде других стран. Модели местного самоуправления в Австрии, Германии и Японии также могут характеризоваться как смешанные, в связи с этим нельзя в полной мере говорить о том, что германская модель полностью основана на государственной теории управления [3, с. 27].

Таким образом, для любого государства важен процесс выбора оптимальной модели местного самоуправления, однако не во всех случаях сочетание черт различных моделей может привести к положительному результату. Важным элементом системы местного самоуправления, который признается в рамках каждой из названных моделей, а также в «смешанных» моделях, является высокий уровень доверия и партисипаторной активности со стороны граждан. Доверие на любом уровне представляет собой важнейший элемент для осуществления качественного государственного управления. Существуют различные политические методы, которые направлены на повышение уровня доверия власти со стороны граждан. В разных государствах в зависимости от политического режима, социально-экономических показателей, правовых традиций и ряда иных факторов эти методы могут отличаться друг от друга. Наиболее распространенным способом, позволяющим обеспечить доверие власти на всех уровнях, является повышение прозрачности. Множество исследователей занимаются проблематикой соотношения прозрачности и отчетности в системе местного самоуправления. Так, исследования на примере Великобритании показывают, что стремление к прозрачности управленческих действий не всегда вносит вклад в установление эффективной и качественной системы отчетности [25, с. 357]. В постиндустриальном обществе интернет-технологии, безусловно, внесли колоссальный вклад в развитие систему публичного управления и, в частности, в повышение прозрачности ее процедур. Тем не менее, наличие открытых данных само по себе не являются гарантией того, что со стороны граждан им будет дана верная интерпретация. Сегодня решение проблемы доступности административных данных, в особенности муниципальных представляет собой важную задачу для государственных управленцев. В данном случае подразумевается скорее не доступность не в физическом смысле, а с точки зрения возможности граждан верно интерпретировать муниципальные данные. Независимо от применяемой модели местного самоуправления интернет-технологии сегодня также активно применяются в рамках партисипаторных методов управления.

Безусловно — и наш анализ это показал — в современных условиях не существует единообразия. В значительной степени на форму местного самоуправления повлияли исторические предпосылки. В Великобритании на протяжении долгого времени применялись принципы англосаксонской модели управления, которая, в свою очередь, обладает характеристиками, сформулированными в теории свободной общины. В Германии же напротив, наиболее сильное влияние на модель местного самоуправления оказала государственная теория. Этим можно объяснить то, что помимо вопросов местного значения, установленных государственными

актами, на органы местного самоуправления могут возлагаться дополнительные функции в общегосударственных интересах. Опыт Германии демонстрирует принцип неотделимости государственных и местных интересов, сформулированный последователями государственной теории местного самоуправления. Тем не менее нельзя сказать, что модель местного самоуправления в Германии или в других странах, где применяется данная модель, не трансформировалась. Со временем она так же, как и модель англосаксонская, вобрала в себя черты других моделей. Трансформируясь, модели местного самоуправления начинают вбирать в себя новые, ранее не свойственные им черты [15, с. 51]. Так, в результате подобного процесса адаптации может иметь место ситуация, при которой государство, применявшее континентальную модель и государство с англосаксонской моделью, станут во многом идентичными. В данном случае можно отметить, что имеет место теория дуализма. Примером могут служить некоторые территориальные образования Франции, применяющие континентальную модель управления и территориальные единицы Северной Ирландии, изначально основывавшие самоуправление на англосаксонской модели. Таким образом, концепция дуализма в современных условиях является наиболее актуальной, так как в полной мере ни одна из существующих моделей сложно применима к определенному государству [29, с. 156].

Обсуждение и выводы

Обобщенный теоретический анализ опыта применения моделей местного самоуправления в различных странах мира позволяет показать, что опыт становления местного самоуправления в России можно назвать уникальным, включающим черты каждой из названных моделей. На сегодняшний день система местного самоуправления в Российской Федерации обладает множеством характеристик, присущих континентальной и немецкой модели [3, с. 30]. В частности, среди подобных характеристик присутствуют: высокий уровень контроля со стороны централизованной государственной власти, значительное число субъектов, важная роль главы муниципального образования в системе. Применение принципов общественной теории самоуправления способствовало развитию демократии [21, с. 186] в нашей стране, хотя низкий уровень вовлеченности граждан в управленческий процесс, а также в то же время относительно невысокий уровень индивидуализма является результатом применения консервативного государственного подхода к формированию системы местного самоуправления в России [7, с. 61].

Местное самоуправление является важной составляющей коммуникации между государством и гражданами. На данном уровне выполняется множество важных государственных обязанностей. Например, происходит предоставление государственных благ и услуг. На уровне местного самоуправления также регулируются каждодневные, но оттого не менее значимые для граждан вопросы. Уровень благополучия домов, оснащенности и безопасности улиц, их окрестностей и, как следствие, городского пространства во многом зависит от качества местного самоуправления. Некоторые исследователи даже полагают, что налаженные коммуникации между гражданами и властью на местном уровне способствуют установлению в государстве демократии [24, с. 332]. С этой точки зрения развитие практик доверия и партисипативности является точками роста и развития модели местного самоуправления в современной России.

Повышение осознанной вовлеченности граждан в местное самоуправление является одной из важнейших задач управленцев. Оптимально подобранная модель местного самоуправления в том числе содействует вовлеченности граждан в дела сообщества [22, с. 24]. С 1980-х гг. во многих развивающихся государствах

с высоким уровнем централизации наблюдалась тенденция по развитию системы местного самоуправления. Предпринимаемые государствами меры в направлении децентрализации представляли собой способ сократить дистанцию между гражданами, лицами, принимающими решения, и поставщиками общественных услуг. Это, в свою очередь, должно было повысить вовлеченность граждан в управленческий процесс для повышения эффективности государственной политики. Приближая государство к общественности, децентрализация была призвана способствовать участию граждан в местных демократических структурах, а также повышению ответственности с их стороны [23, с. 2].

Безусловно, партисипаторные механизмы используются на всех уровнях власти, однако именно на местном уровне они наиболее актуальны. Например, вовлечение граждан крайне важно при принятии решений о развитии территорий, об их функциональном назначении и т. д. Применение партисипаторных принципов на уровне местного самоуправления обусловлено не только повышением эффективности расходования бюджетных средств, но и рядом других факторов. Участвуя в процессе принятия решений, граждане становятся более сплоченными, ответственными и заинтересованными в решении проблем местного сообщества [30, с. 92]. Помимо этого, согласно эмпирическим исследованиям применения партисипаторных механизмов на местном уровне, их эффективная работа способствует повышению уровня доверия и власти в целом. Безусловно, доверие власти, вовлеченность граждан в процесс управления, прозрачность процессов представляют собой основу эффективной государственной политики [31, с. 205]. Тем не менее, не всегда эти элементы присутствуют в системе власти одновременно и не всегда государственным управленцам удастся повлиять на каждый из них путем одной политики. Зачастую каждое из названных направлений по совершенствованию системы публичной власти требует индивидуальных мер, в чем система местного самоуправления обладает рядом преимуществ по сравнению с более высокими уровнями власти. Так, именно местный уровень власти в России ввиду своей специфики и масштаба обладает большими возможностями для совершенствования системы публичной власти с точки зрения перечисленных элементов.

Как молодая демократия, Россия должна применять зарубежный опыт развития системы местного самоуправления и адаптировать его в зависимости от особенностей того региона или территории, где эта система будет имплементироваться [12, с. 22]. Сегодня во многих государствах можно наблюдать системы местного самоуправления, которые вобрали в себя черты нескольких моделей, однако российская ситуация «смешанности» осложняется отсутствием исторически определенных тенденций формирования доверительных и партисипативных практик населения. В условиях молодой демократии или переходного периода в развитии политических институтов развитие именно этих практик представляется обоснованным, так как только с опорой на доверие и партисипативность применение нескольких типов местного самоуправления позволяет выбрать оптимальный [10, с. 621]. Кроме того, сложность обусловлена тем, что в разных сообществах факторы, повышающие уровень доверия власти, отличаются [26, с. 142]. Однако важно отметить, что наличие различных форм организации местного самоуправления не всегда является гарантией нахождения наиболее эффективной и оптимальной для данной территориальной единицы модели управления. Подобный плюрализм лишь предоставляет новые возможности, однако в большей степени влияние на развитие местного самоуправления оказывает качество работы управленцев и степень вовлеченности самих сообществ [13, с. 58].

В качестве продолжения данной работы обоснованным представляется применение статистических методов анализа проводимой в стране политики в сфере развития партисипативности, доверия и системы местного самоуправления в целом.

В частности, большую роль могут сыграть методы оценки регулирующего воздействия. В сочетании с теоретическим анализом эмпирически и практико-ориентированные методики позволят выработать рекомендации относительно отбора оптимальной модели местного самоуправления в стране и ее развития.

Литература

1. Барабашев Г. В. Местное самоуправление. М., 1996.
2. Большаков С. Н., Григорьев А. Н. Трансформация системы территориального управления во Франции: роль и функции местного самоуправления // Муниципалитет: экономика и управление. 2015. № 1 (10). С. 22–29.
3. Велибекова Л. А., Борисова Л. А. Отечественный и зарубежный опыт организации местного самоуправления // Управление экономическими системами. 2017. № 3 (97).
4. Горбатюк Е. С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 1. С. 21–27.
5. Градовский А. Д. Собрание сочинений. в 9 т. Т. 9. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908.
6. Дунаева Н. С. Теории происхождения института местного самоуправления: концептуальное осмысление // Проблемы Науки. 2015. № 12 (42). С. 269–271.
7. Дуреев С. П. Консерватизм в российской модели местного самоуправления // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Сер. 1: Экономика и управление. 2017. № 2 (21). С. 54–62.
8. Киятова З. А., Марков П. Н. Организация власти в англосаксонской и немецкой моделях местного самоуправления // Colloquium-Journal. 2019. № 24 (48). С. 17–19.
9. Ларичев А. А. Специфика корпоративной модели местного самоуправления и дивергенция современных подходов к самоуправлению на местах в странах Содружества наций // Правоприменение. 2018. № 4. С. 86–97.
10. Малый А. Ф., Никитенко И. Г. Система местного самоуправления: поиск оптимальной модели // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. № 2. С. 617–624.
11. Матвеев В. Ф. Теории самоуправления в современной науке // Вестник права. 1905. № 1. С. 165–183.
12. Переходов В. А. Зарубежные модели взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления: сравнительный анализ // Вестник ПАГС. 2012. № 32. С. 22–23.
13. Приймак А. А. Модели формирования органов местного самоуправления и их влияние на статус главы муниципального образования // Научный журнал. 2020. № 1 (46). С. 56–58.
14. Тхаркахо М. М., Марков П. Н., Ешев М. А. К вопросу об особенностях британской модели местного самоуправления (управления) // Colloquium-Journal. 2019. № 15 (39). С. 24–26.
15. Хозикова Е. С. Современные подходы к местному управлению и самоуправлению в зарубежных странах // Закон и право. 2018. № 9. С. 48–52.
16. Чиркин В. Е. Современные модели местного самоуправления // Российский юридический журнал. 1995. № 3.
17. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. В 3 ч. М. : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1894–1899. ч. 1.
18. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы управления // Управленческое консультирование. 2016. № 12(96). С. 6–15.
19. Штейн Л. Учение об управлении и право управления со сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии. СПб. : А. С. Гиероглифов, 1874. 594 с.
20. Штобер Р. Практические требования и опасности местного самоуправления в Германии // Местное самоуправление: теория и практика. М., 1997.
21. Шутов А. Ю. Земские выборы в истории России (1864–1917): Исследование избирательных систем. М., 1997.
22. Akudugu, J. Accountability in local government revenue management: Who does what. In Information and Knowledge Management .Vol. 2. N 8. 2012. P. 22–32.
23. Ardigó I. A. et al. Local government accountability mechanisms. Transparency International, 2019.
24. Barnett S., Townend J. Plurality, policy and the local. Journalism Practice, 2015. N 9 (3). P. 332–349.
25. Ferry L., Eckersley P., Zakaria Z. Accountability and transparency in English local government: moving from «matching parts» to «awkward couple»? Financial Accountability & Management, 2015. N 31 (3). P. 345–361.

26. *Fitzgerald J., Wolak J.* The Roots of Trust in Local Government in Western Europe. *International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique*. Vol. 37. 2016. N 1. P. 130–146.
27. *Grant B., Drew J.* Local government in Australia: History, theory and public policy. Springer, 2017.
28. *Magnusson W.* Local Self-Government and the Right to the City. Montreal-Kingston: McGill-Queen's Press, 2015.
29. *Naumkina S.* The basic European models of the local government system and their creative implementations in modern Ukraine // *PolitBook*. 2015. N 2. P. 149–157.
30. *Pandeya G. P.* Does citizen participation in local government decision-making contribute to strengthening local planning and accountability systems? An empirical assessment of stakeholders' perceptions in Nepal. *International Public Management Review*. 2015. N 16 (1). P. 67–98.
31. *Porumbescu G.* Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? *State and Local Government Review*. 2015. N 47 (3). P. 205–213.
32. *Shipman M.* Research and Local Government. *Research Intelligence*. 1976. Vol. 2. N 2. P. 14–15.

Об авторе:

Куценко Дарья Олеговна, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); dkutsenko-17-01@edu.ru

References

1. Barabashev G. V. Local self-government. M., 1996. (In rus)
2. Bolshakov S. N., Grigoryev A. N. Transformation of the system of territorial administration in France: role and functions of local self-government // *Municipality: economy and management [Munitsipalitet: ekonomika i upravlenie]*. 2015. № 1 (10). P. 22–29. (In rus)
3. Velibekova L. A., Borisova L. A. Domestic and foreign experience of organization of local self-government // *Management of economic systems [Upravlenie ekonomicheskimi sistemami]*. 2017. № 3 (97). (In rus)
4. Gorbatur E. S. Basic theories of local self-government: analytical review // *SPbSU Journal. Series 6. Political science. International relations [Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2015. № 1. P. 21–27. (In rus)
5. Gradovsky A. D. Collection of works. In 9 vol. Vol. 9. SPb.: Publishing house of M. M. Stasyulevich, 1908. (In rus)
6. Dunaeva N. S. Theories of Origin of the Institute of Local Self-Government: Conceptual Thinking // *Problems of Science [Problemy Nauki]*. 2015. № 12 (42). P. 269–271. (In rus)
7. Dureev S. P. Conservatism in the Russian model of local self-government // *Journal of Moscow University named after S. Yu Witte. Series 1: Economics and Governance [Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Ser. 1: Ekonomika i upravlenie]*. 2017. № 2 (21). P. 54–62. (In rus)
8. Kiyatova Z. A., Markov P. N. Organization of power in Anglo-Saxon and German models of local self-government // *Colloquium-Journal*. 2019. № 24 (48). P. 17–19. (In rus)
9. Larichev A. A. Specifics of the corporate model of local self-government and divergence of modern approaches to local self-government in the countries of the Commonwealth of Nations // *Law enforcement [Pravoprimereneniye]*. 2018. № 4. P. 86–97. (In rus)
10. Maliy A. F., Nikitenko I. G. System of local self-government: search for the optimal model // *Scientific writings of Kazan University. Series Humanities [Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. Nauki]*. 2016. № 2. P. 617–624. (In rus)
11. Matveev V. F. Theories of Self-Government in Modern Science // *Journal of Law [Vestnik prava]*. 1905. № 1. P. 165–183. (In rus)
12. Perekhodov V. A. Foreign models of interaction between state and local self-government bodies: comparative analysis // *Journal of PAPA [Vestnik PAGS]*. 2012. № 32. P. 22–23. (In rus)
13. Priymak A. A. Models of formation of local self-government bodies and their influence on the status of the head of the municipality // *Scientific journal [Nauchnyi zhurnal]*. 2020. № 1 (46). P. 56–58. (In rus)
14. Tharkaho M. M., Markov P. N., Yeshev M. A. To the question of the peculiarities of the British model of local self-government (governance) // *Colloquium-Journal*. 2019. № 15 (39). P. 24–26. (In rus)
15. Khozikova E. S. Modern Approaches to Local Government and Self-Government in Foreign Countries // *Law and Legislation [Zakon i pravo]*. 2018. № 9. P. 48–52. (In rus)

16. Chirkin V. E. Modern Models of Local Self-Government // Russian Legal Journal [Rossiiskii yuridicheskii zhurnal]. 1995. № 3. (In rus)
17. Chicherin B. N. Course of State Science. In 3 parts: M., 1894–1899. Part 1. 492 p. (In rus)
18. Shamakhov V. A., Balashov A. I. New social and political normality and lessons of modernization of the post-Soviet management system // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. № 12(96). P. 6–15. (In rus)
19. Shtein L. The Teaching of Governance and the Law of Governance with a Comparison of Literature and Legislation of France, England and Germany. SPb.: A. S. Gieroglypov, 1874. 594 p. (In rus)
20. Shtober R. Practical requirements and dangers of local self-government in Germany // Local self-government: theory and practice. M., 1997. (In rus)
21. Shutov A. Yu. Zemsky elections in the history of Russia (1864–1917): Research of electoral systems. M., 1997. (In rus)
22. Akudugu, J. Accountability in local government revenue management: Who does what. In Information and Knowledge Management .Vol. 2. No. 8. 2012. P. 22–32.
23. Ardigó I. A. et al. Local government accountability mechanisms. Transparency International, 2019.
24. Barnett S., Townend J. Plurality, policy and the local. Journalism Practice, 2015. No. 9 (3). P. 332–349.
25. Ferry L., Eckersley P., Zakaria Z. Accountability and transparency in English local government: moving from «matching parts» to «awkward couple»? Financial Accountability & Management, 2015. No. 31 (3). P. 345–361.
26. Fitzgerald J., Wolak J. The Roots of Trust in Local Government in Western Europe. International Political Science Review / Revue Internationale De Science Politique. Vol. 37. 2016. No. 1. P. 130–146.
27. Grant B., Drew J. Local government in Australia: History, theory and public policy. Springer, 2017.
28. Magnusson W. Local Self-Government and the Right to the City. Montreal-Kingston: McGill-Queen's Press, 2015.
29. Naumkina S. The basic European models of the local government system and their creative implementations in modern Ukraine // PolitBook. 2015. No. 2. P. 149–157.
30. Pandeya G. P. Does citizen participation in local government decision-making contribute to strengthening local planning and accountability systems? An empirical assessment of stakeholders' perceptions in Nepal. International Public Management Review. 2015. No. 16 (1). P. 67–98.
31. Porumbescu G. Using transparency to enhance responsiveness and trust in local government: can it work? State and Local Government Review. 2015. N 47 (3). P. 205–213.
32. Shipman M. Research and Local Government. Research Intelligence. 1976. Vol. 2. N 2. P. 14–15.

About the author:

Dariya O. Kutsenko, Graduate Student the Chair of State and Municipal administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); dkutsenko-17-01@edu.ru

Модель оптимального планирования состава работ по развитию государственных информационных систем в условиях многокритериальности и неопределенности

Кучеренко Д. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; kucherenko.dmitry@gmail.com

РЕФЕРАТ

Информационные технологии стали неотъемлемой частью деятельности органов власти. Одним из основных элементов экосистемы цифровой экономики, в том числе инфраструктуры электронного правительства Российской Федерации, являются федеральные и региональные государственные информационные системы. Только в Санкт-Петербурге, как в субъекте Российской Федерации функционирует 68 ГИС, ограниченный бюджет определяет необходимость рационального их распределения с учетом важности, трудоемкости, влияния на другие системы. Это определяет необходимость планирования распределения затрат городского бюджета на их создание, сопровождение и модернизацию. Задачу определения такого плана можно рассматривать как задачу принятия решений. В статье рассмотрен вопрос разработки обобщенной математической модели оптимального планирования в условиях многокритериальности и неопределенности.

Ключевые слова: государственные информационные системы, экосистема цифровой экономики, модель оптимального планирования, оптимальный план автоматизации

Для цитирования: Кучеренко Д. В. Модель оптимального планирования состава работ по развитию государственных информационных систем в условиях многокритериальности и неопределенности // Управленческое консультирование. 2020. № 5. С. 166–175.

Model of Optimal Planning of Development of State Information Systems in the Face of Multicriteria and Uncertainty

Dmitry V. Kucherenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; kucherenko.dmitry@gmail.com

ABSTRACT

Information technology has become an integral part of the activities of authorities. One of the main elements of the ecosystem of the digital economy, including the infrastructure of the electronic government of the Russian Federation, are federal and regional state information systems. Only in St. Petersburg, as in the subject of the Russian Federation, 68 GISs operate, a limited budget determines the need for their rational distribution, taking into account the importance, complexity, impact on other systems. This determines the need for planning the distribution of costs of the city budget for their creation, maintenance and modernization. The task of defining such a plan can be considered as a decision making task. The article considers the issue of developing a generalized mathematical model of optimal planning under conditions of multicriteria and uncertainty.

Keywords: State information systems, the ecosystem of the digital economy, optimal planning model, optimal automation plan

For citing: Kucherenko D. V. Model of Optimal Planning of Development of State Information Systems in the Face of Multicriteria and Uncertainty // Administrative consulting. 2020. No. 5. P. 166–175.

Введение

Информационные технологии стали неотъемлемой частью деятельности органов власти. В их структурах образуются подразделения, ответственные за формирование планов информатизации, в рамках которых реализуются проекты по разработке и внедрению автоматизированных информационных систем в различных сферах, а также решаются задачи интеграции информационных систем для автоматизации сквозных процессов при оказании электронных государственных и муниципальных услуг, исполнения государственных функций, предоставления сервисов для бизнес-сообщества.

Одним из основных элементов экосистемы цифровой экономики, в том числе инфраструктуры электронного правительства Российской Федерации, являются федеральные и региональные государственные информационные системы (далее — ГИС), информационные ресурсы, а также вычислительные мощности, на базе которых данные системы успешно функционируют.

Только в Санкт-Петербурге, как в субъекте Российской Федерации функционирует 68 ГИС¹, на централизованное сопровождение и развитие которых в 2020 г. из регионального бюджета выделяется 1 275 075,4 тыс. руб. и 1 295 381 тыс. руб.² соответственно. Ограниченный бюджет определяет необходимость рационального их распределения с учетом важности, трудоемкости [5], влияния на другие системы [7]. Это определяет необходимость планирования распределения затрат городского бюджета на их создание, сопровождение и модернизацию. Задачу определения такого плана можно рассматривать как задачу принятия решений. В случае ее количественного обоснования — как задачу математического программирования. Популярность таких задач определило большое число разнообразных инструментальных средств, которые позволяют автоматизировать их решения в условиях большой размерности, большого числа ограничений и допущений.

Несмотря на кажущуюся простоту и распространенность задач математического программирования, в реальной ситуации существуют проблемы, к которым можно отнести следующие:

- 1) отсутствие необходимых исходных данных их большая неопределенность;
- 2) отсутствие универсальных задач стохастического линейного программирования;
- 3) многокритериальность решаемых задач.

Таким образом, существует проблема математической постановки и решения задачи планирования ограниченных ресурсов, выделенных на развитие инфраструктуры электронного правительства [4]. Целью исследования является разработка обобщенной математической модели оптимального планирования в условиях многокритериальности и неопределенности.

Проводимые исследования в данном направлении³, в том числе и исследования авторов [3; 6; 8; 9] приняты при допущении о детерминированном характере математической задачи оптимизации. В данном исследовании задача планирования рассмотрена как задача целочисленного, бинарного математического программирования.

¹ Реестр государственных информационных систем Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. URL: <https://reestr-gis.spb.ru/> (дата обращения: 21.01.2020).

² Закон Санкт-Петербурга от 29 ноября 2019 года № 614-132 «О бюджете Санкт-Петербурга на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2019/12/02/spb-zakon614-132-reg-dok.html> (дата обращения: 19.01.2020).

³ Software Project Risk Assessment and Efforts Contingency Model based on COCOMO Cost Factor COCOMO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.researchgate.net/publication/236679817> (дата обращения: 21.01.2020).

Материалы и методы

Для решения поставленной задачи приняты допущения и ограничения.

1. Рассматривается только текущий план работ на один год в предположении, что трудоемкость каждого проекта, входящего в план, позволяет его завершить в течение года.
2. План работ имеет сравнительно небольшую размерность, что позволяет решить задачу традиционными методами исследования операций. План формируется из ранее сформированного списка требуемых для выполнения проектов.
3. Выделенных ресурсов для выполнения всех необходимых работ недостаточно. Поэтому задача планирования рассматривается как задача принятия решений в условиях ограничений.
4. Исходные данные, которые формируются в комитетах и других подразделениях Правительства субъекта Российской Федерации, в силу большой неопределенности, сложности их формирования и верификации следует рассматривать как экспертные оценки. Что определяет их невысокое качество и, следовательно, при решении задач следует использовать простые методы и модели, например, линейные модели.
5. В результате решения должен быть сформирован не один, оптимальный вариант, как это принято в традиционных задачах математического программирования, а множество вариантов. Данное множество является основанием для принятия решения должностным лицом на разработку плана.

Сформулируем цель разработки плана работ — как определение максимальной их полезности для развития инфраструктуры электронного правительства региона. В большой российской энциклопедии полезность в экономической науке понимается как «понятие, связывающее ценность блага с ее способностью удовлетворять потребности индивидов»¹.

Общую полезность всего плана будем рассматривать как сумму полезностей каждого проекта, входящего в него. По аналогии с методами менеджмента риска полезность будем оценивать с помощью специальной матрицы «важность-срочность». Считая, что чем важнее для города реализуемый проект и чем актуальней является срок его выполнения, тем он полезней. В силу сложности определения значений показателей данной матрицы будем использовать категориальную шкалу на три градации с кодами для каждой категории 1, 2, 3, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Структура матрицы «важность-срочность»
Table 1. Structure of a matrix «importance-urgency»

Важность реализации функции	Срочность реализации функции		
	Очень срочно, 3	Срочно, 2	Не очень срочно, 1
Очень важно, 3	9	6	3
Важно, 2	6	4	2
Не очень важно, 1	3	2	1

Тогда в ячейках матрицы будет храниться значение произведения значений, соответствующих кодам строки и столбца.

¹ Статья Большой российской энциклопедии [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/economics/text/3152455> (дата обращения: 20.01.2020).

Сформулируем задачу оптимизации. Ее целевая функция имеет следующий вид:

$$\sum_{i=1}^n w_i p_i \rightarrow \max_{\{p_i\}},$$

где w_i — полезность i -го проекта для развития инфраструктуры электронного правительства города; p_i — вероятность того, что проект будет включен в план; n — общее число требуемых для выполнения проектов.

Зададим ограничения данной задачи математического программирования. Первое ограничение связано с диапазоном возможных значений вероятности. Очевидно, что для любого проекта $0 \leq p_i \leq 1$. Нулевое значение вероятности говорит о том, что проект не будет включен в оптимальный план. Напротив, единичное значение свидетельствует о том, что он гарантированно будет в него включен. Таким образом, целевая функция имеет экономическое содержание математического ожидания полезности.

Ограничение на ресурсы определяется законом о бюджете города. Данное ограничение представляет собой линейную форму

$$\sum_{i=1}^n c_i x_i \leq C,$$

где C — затраты на развитие инфраструктуры электронного правительства города; C_i — стоимость i -го проекта, $x_i \in \{0,1\}$ — бинарная переменная, признак включения i -й проекта в план автоматизации на год.

Для ее оценки в программной инженерии используются различные модели регрессии, разработанные Барри Боэмом. Выбор конкретной модели издержек разработки (COCOMO¹) из семейства таких моделей зависит от используемой модели жизненного цикла разработки программных систем, от этапа разработки, типа разрабатываемого программного проекта, характера исходной информации и др. В простейшем случае может быть использована модель COCOMO I, с основными соотношениями модели:

$$EFFORT_i = aSIZE_i^b;$$

$$Schelude_i = cEFFORT_i^d,$$

где $EFFORT_i$ — трудозатраты на разработку i -го программного проекта в человеко-месяцах; $SIZE_i$ — размера программного i -го программного проекта в килостроках (тысячах строк программного кода); $Schelude_i$ — продолжительность выполнения i -го программного проекта в месяцах; a, b, c, d — параметры выбранной модели COCOMO.

Стоимость проекта рассчитывается с учетом принятой стоимости одного человеко-месяца. Следовательно

$$C_i = EFFORT_i \cdot C_{ч-м},$$

где $C_{ч-м}$ — принятый в регионе норматив, определяющий ставку разработчика (программиста).

Сложность решения такой задачи заключается в том, что размер каждого проекта заранее неизвестен. По существующим оценкам точность оценки стоимости проекта на начальном этапе проектирования колеблется от –60 до +100%.

¹ Software_Project_Risk Fuzzy Expert-COCOMO Risk Assessment and Effort Contingency Model in Software Project. — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://ir.lib.uwo.ca/cgi/viewcontent.cgi?article=2464&context=etd> (дата обращения 21.01.2020).

Следовательно, величины $SIZE_i$, $EFFORT_i$, C_i являются случайными и для их практического использования необходимо знать их законы распределения или их характеристики.

Как правило, в теории управления проектами¹ в качестве инструментов оценки стоимости и сроков проектирования предусмотрена трехточечная оценка, предусматривающая задание наименьшего, наибольшего и наиболее вероятного значения, а также использование треугольного закона распределения. В силу того, что в дальнейшем над такими случайными величинами выполняются алгебраические и численные преобразования, для построения оптимального плана предлагается использовать метод Монте-Карло [1]. В данном методе формируется синтетическая выборка значений размера $SIZE_i$ и затем для каждого наблюдения такой выборки решается задача оптимизации. Таким образом, задача оптимизации принимает вид

$$\begin{aligned} \sum_{i=1}^n w_i p_{ij} &\rightarrow \max_{\{p_{ij}\}}; \\ \sum_{i=1}^n C_{ij} p_{ij} &\leq C; \\ 0 &\leq p_{ij} \leq 1, \end{aligned}$$

где j — номер наблюдения в выборке.

Итоговая статистика по всем наблюдениям синтетической выборки позволяет сформировать план. По полученной статистике можно рассчитать оценки вероятности включения в него i -го проекта:

$$\bar{p}_i = 1 / N \sum_{j=1}^N p_{ij},$$

где N — размер сформированной синтетической выборки.

Сформированный вектор вероятности в отличие от традиционного подхода к решению задачи математического планирования предусматривает не однозначный вариант решения, а значения приоритетов включения в план каждого из проектов.

Результаты

Проверка работоспособности предложенной модели произведена применительно к Санкт-Петербургу. Для решения задачи оптимизации плана был определен требуемый перечень выполняемых работ на 2020 г. для трех систем сферы имущественных отношений и землеустройства. Данный перечень состоит из 24 проектов, полезность которых для города представлена гистограммой, которая приведена на рис. 1. Данная гистограмма показывает, что существует сравнительно большое число важных и срочных для реализации городских проектов, есть большое число не очень срочных и важных проектов, что свидетельствует о целесообразности решения рассматриваемой задачи. При увеличении числа градаций на шкалах «важность-полезность», а также увеличении числа необходимых работ, что

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (дата обращения: 21.01.2020).

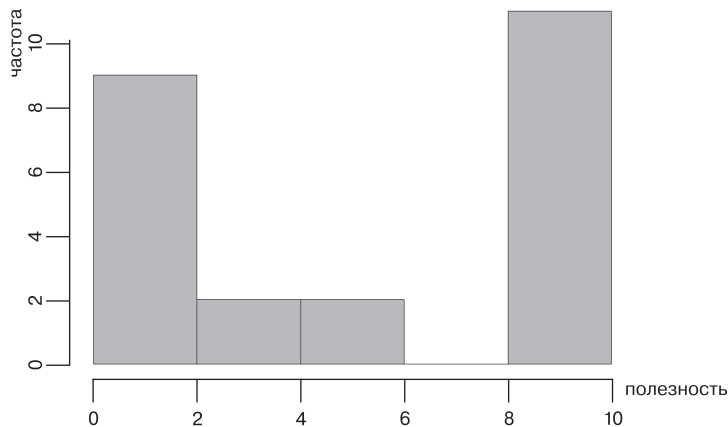

Рис. 1. Гистограмма частот полезности информационных проектов
Fig. 1. Histogram of information projects utility frequencies

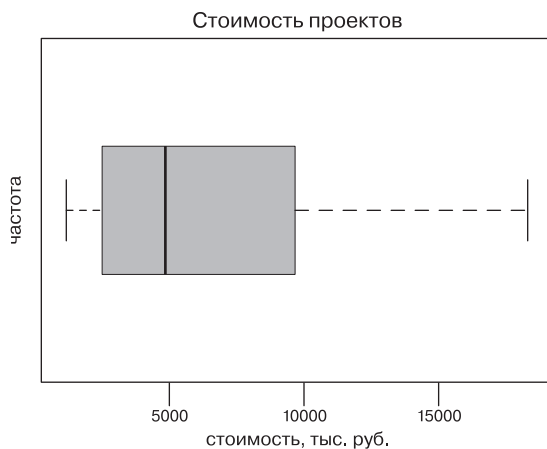

Рис. 2. Ящичная диаграмма стоимости проектов
Fig. 2. Project Cost Drawer Chart

соответствует требованиям программы Цифровой экономики, вариация типов проектов увеличится¹.

С целью дальнейшего анализа исходных данных построим ящичную диаграмму оценки стоимости каждого проекта при допущении, что стоимость каждого проекта представляет собой детерминированную величину. Диаграмма, приведенная на рис. 2, показывает на большой разброс стоимости, большую асимметрию, что говорит не только о разной полезности проектов, но и о разной их стоимости и сложности реализации. Некоторые статистические характеристики стоимости проектов приведены в табл. 2.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201805070038.pdf> (дата обращения 21.01.2020).

**Описательная статистика стоимости информационных проектов
(с точностью до целого)**

Table 2. Descriptive statistics of the cost of information projects (with accuracy to the whole)

Характеристика	Среднее, тыс. руб	Дисперсия (тыс. руб.) ²	Стандартное отклонение, тыс. руб.	Минимум, тыс. руб.	Максимум, тыс. руб.	Размах, тыс. руб.
значение	6239	23325349	4830	1031	18516	17485

Приведенная таблица показывает, что существует большая вариативность требуемых работ для информационных проектов. Стандартное отклонение превышает значение среднего. Размах составляет более 17 млн руб. Таким образом, задача формирования плана не является тривиальной и требует автоматизированного решения.

Для проведения дальнейшего исследования сформирована синтетическая выборка для каждого из 24-х информационных проектов. Гистограмма распределения одного из таких проектов приведена на рис. 3.

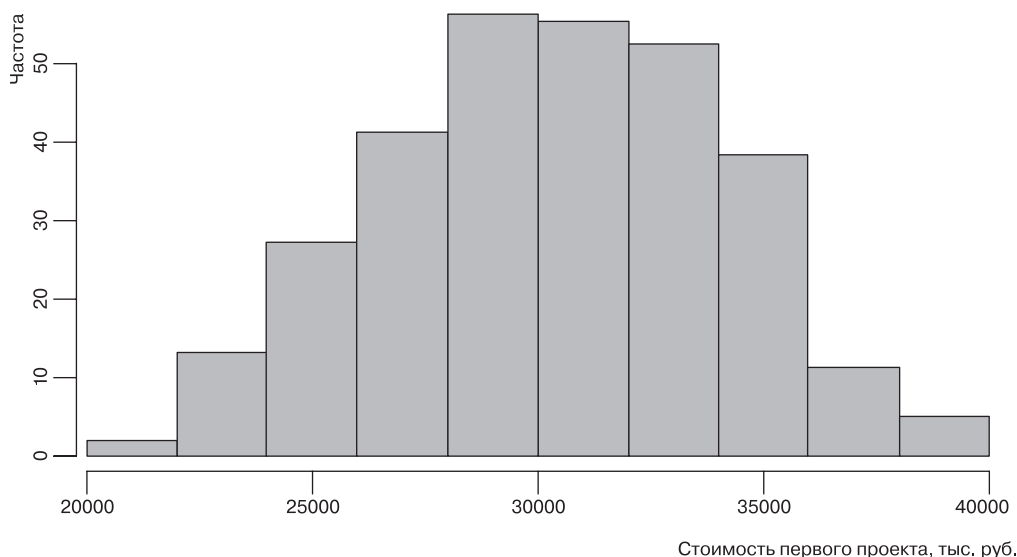

Рис. 3. Гистограмма стоимости выполнения проекта
Fig. 3. Project Execution Cost Histogram

Результаты построения плана развития инфраструктуры электронного правительства города на 2020 г. (в части выбранных инфраструктурных систем) представлены в виде столбиковой диаграммы (рис. 4). Данная диаграмма показывает, что все проекты распределены на три группы. Первую группу составляют проекты, вероятность включения которых в план равна нулю или очень мала. Число таких проектов составляет $10/24 \approx 41\%$. Вторую группу составляют проекты, вероятность включения которых в план немногим превысила 0,5. Число таких проектов невелико. И наконец, третью группу составляют проекты с единичной или близкой к единице вероятностью их включения в план. Их число равно 11, что составляет около 46%. Таким образом, в план целесообразно включить около половины требуемых проектов.

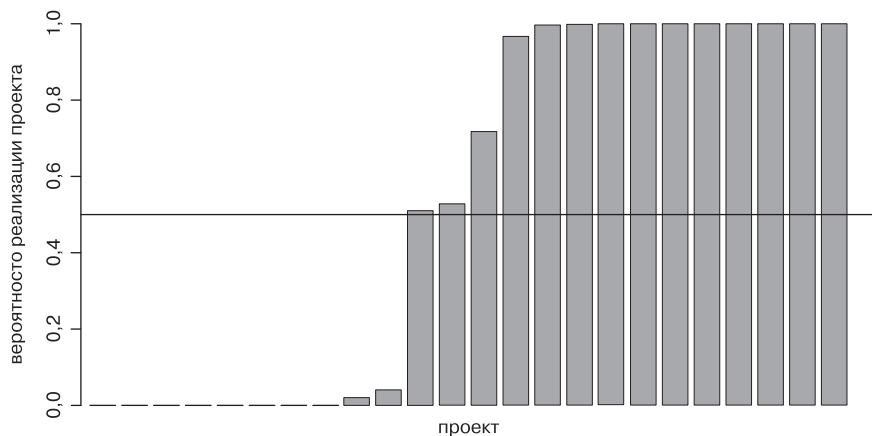

Рис. 4. Результаты построения плана развития инфраструктуры электронного правительства Санкт-Петербурга

Fig. 4. Results of the St. Petersburg e-government infrastructure development plan

На рис. 5 приведены результаты анализа зависимости вероятности включения информационного проекта в план от его важности и стоимости.

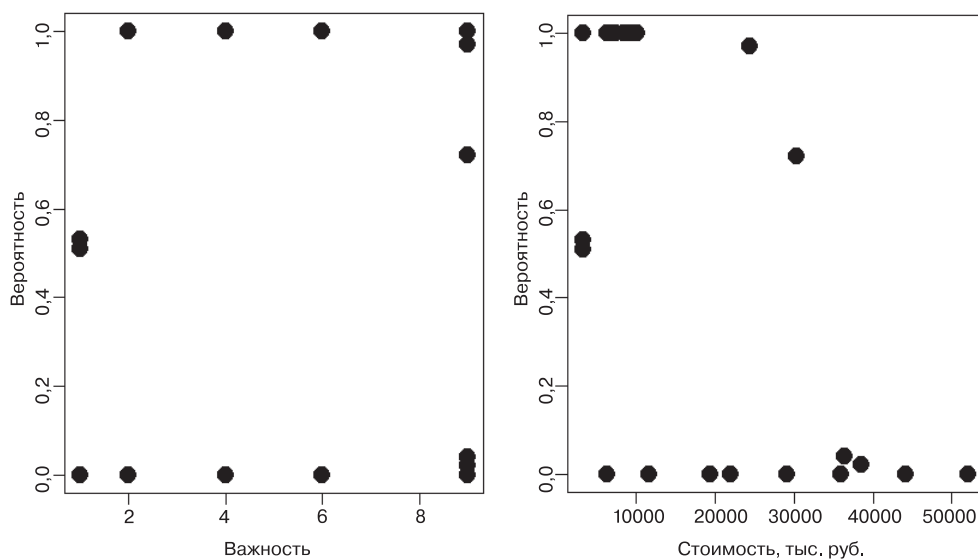

Рис. 5. Результаты анализа зависимости вероятности включения информационного проекта в план от его важности и стоимости

Fig. 5. Results of analysis of probability of information project inclusion in the plan depending on its importance and cost

Приведенные диаграммы рассеяния показывают, что нет однозначной зависимости вероятности включения информационного проекта в план от его важности и стоимости. Тем не менее вероятность включения в план большинства дорогих проектов невелика.

Использование для решения задачи планирования метода линейного программирования позволяет решить задачу оценки устойчивости принятого решения. Результаты ее решения позволяют оценить диапазон варьирования коэффициентов целевой функции (полезности проекта) и правых частей ограничений (в частности выделенного бюджета на совершенствование инфраструктуры). Решение такой задачи для Санкт-Петербурга показало, что диапазон устойчивости бюджета составляет всего 30 млн руб. Этого определяет необходимость продолжения исследования разработанного плана и решения других задач оптимизации, в частности многокритериальной задачи оптимизации, одной из целей в которой является минимизация дисперсии расходов на выполнение плана.

Обсуждение

Для проверки работоспособности методики и доказательства ее адекватности была рассмотрена частная задача определения состава автоматизированных функциональных комплексов трех государственных информационных систем в сфере имущественных и земельных отношений, подготовлен оптимальный план автоматизации функциональных подсистем.

Предложенная модель позволила распределить затраты на развитие информационной инфраструктуры органа государственной власти с учетом ограниченного финансирования.

Также результаты исследования демонстрируют сложность и, в ряде случаев, неочевидность решений, требуемых для принятия должностными лицами ответственными за формирование плана автоматизации как одного отраслевого органа власти, так и в целом годового плана автоматизации всего региона (субъекта Российской Федерации). Вопросы определения полезности автоматизируемых функций требуют дополнительного изучения и должны формироваться для каждого проекта по автоматизации с целью обеспечения подходов управления по результатам [2], что также в дальнейшем позволит в автоматизированном режиме ранжировать проекты при подготовке регионального плана автоматизации.

Тематика учета и анализа, поступающих от органов власти ежегодных, требований на развитие государственных информационных систем требует дальнейшего изучения для проработки математического обеспечения специализированной информационной системы управления развитием ИТ экосистемы региона, которая позволит осуществлять планирование мероприятий по автоматизации, а также оперативно определять работы, возможные для исключения в случае изменения объемов и лимитов финансирования.

Литература

1. *Войтишек А.* Лекции по численным методам Монте-Карло [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nsu.ru/n/mathematics-mechanics-department/documents/Войтишек-лекции-по-ММК.pdf> (дата обращения: 21.01.2020).
2. *Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Ефремов А. А. и др.* Цифровое будущее государственного управления по результатам. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
3. *Куклина Е. А.* К проблеме выбора проектов инновационного развития предприятий нефтегазового сектора России на основе многокритериального подхода // Проблемы и пути социально-экономического развития: город, регион, страна, мир : IX междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. / отв. ред. Н. М. Космачева. СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. С. 52–57.
4. *Кучеренко Д. В.* Состояние развития государственных информационных систем Санкт-Петербурга // Современные наукоемкие технологии. 2018. № 11 (ч. 2) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=37302> (дата обращения: 19.01.2020).

5. Наумов В. Н., Кучеренко Д. В. Планирование трудозатрат на создание и развитие государственных информационных систем и их функциональных программных комплексов // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 140–154.
6. Kuklina E. A. The substantiation for selection of optimal innovation project: setting of the problem and algorithm of its solving / Знание — традиции, инновации, перспективы / Научная конференция с международным участием, 14–15 июня 2013, Бургазский Свободный Университет. Бургаз. Т. 3. С. 27–32.
7. Naumov V. N., Kucherenko D. V., Zaharov Y. N. Tools for expediency assessment of automation of governmental services in social sphere // 3rd International conference on electronic governance and open society: challenges in Eurasia. EGOSE 2016. Association for Computing Machinery. P. 49–53.
8. Valerdi R., Boehm Barry W. COSYSMO: A system engineering cjsst model [Электронный ресурс]. URL: <http://csse.usc.edu/TECHRPTS/2010/usc-csse-2010-508/usc-csse-2010-508.pdf> (дата обращения: 21.01.2020).
9. Valerdi R., J. E., Gaffney Jr. Reducing Risk and Uncertainty in COSYSMO Size and Cost Drivers: Some Techniques for Enhancing Accuracy. 2007 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229034929_Reducing_Risk_and_Uncertainty_in_COSYSMO_Size_and_Cost_Drivers_Some_Techniques_for_Enhancing_Accuracy (дата обращения: 21.01.2020).

Об авторе:

Кучеренко Дмитрий Викторович, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); kucherenko.dmitry@gmail.com

References

1. Voitishchek A. Lectures on the numerical methods of Monte Carlo [Electronic Resource]. URL: <https://www.nsu.ru/n/mathematics-mechanics-department/documents/Voitishchek-lectures-by-MM.pdf> (accessed: 21.01.2020). (In rus)
2. Dobrolubova E. I., Yuzhakov V. N., Efremov A. A. et al. The digital future of public administration according to the results. M. : Publishing House "Delo" RANEPa, 2019 (In rus)
3. Kuklina E. A. To the problem of selection of projects of innovative development of enterprises of oil and gas sector of Russia on the basis of multicriteria approach // Problems and ways of socio-economic development: city, region, country, world: IX international scientific conference.: collection of articles / ex. ed. of N. M. Kosmacheva. SPb. : Pushkin LSU, 2019. P. 52–57. (In rus)
4. Kucherenko D. V. State of development of St. Petersburg state information systems // Modern knowledge-intensive technologies [Sovremennye naukoemkie tehnologii]. 2018. N 11 (P. 2) [Electronic resource]. URL: <http://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=37302> (accessed: 19.01.2020). (In rus)
5. Naumov V. N., Kucherenko D. V. Labor planning for the creation and development of state information systems and their functional software complexes // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2017. N 6. P. 140–154. (In rus)
6. Kuklina E. A. The substantiation for selection of optimal innovation project: setting of the problem and algorithm of its solving / Knowledge — Traditions, Innovations, Prospects / Scientific Conference with International Participation, June 14, 2013, Burgas Free University. Burgas. V. 3. P. 27–32.
7. Naumov V. N., Kucherenko D. V., Zaharov Y. N. Tools for expediency assessment of automation of governmental services in social sphere // 3rd International conference on electronic governance and open society: challenges in Eurasia. EGOSE 2016. Association for Computing Machinery. P. 49–53.
8. Valerdi R., Boehm Barry W. COSYSMO: A system engineering cjsst model [Electronic resource]. URL: <http://csse.usc.edu/TECHRPTS/2010/usc-csse-2010-508/usc-csse-2010-508.pdf> (accessed: 21.01.2020).
9. Valerdi R., J. E., Gaffney Jr. Reducing Risk and Uncertainty in COSYSMO Size and Cost Drivers: Some Techniques for Enhancing Accuracy. 2007 [Electronic resource]. URL: https://www.researchgate.net/publication/229034929_Reducing_Risk_and_Uncertainty_in_COSYSMO_Size_and_Cost_Drivers_Some_Techniques_for_Enhancing_Accuracy (accessed: 21.01.2020).

About the author:

Dmitry V. Kucherenko, Graduate student of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); kucherenko.dmitry@gmail.com

Результаты анализа интернет-дискуссий о повышении пенсионного возраста в России¹

Филатова О. Г.*, Волковский Д. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

*o.filatova@spbu.ru

Results of Analysis of Internet Discussions on Raising the Retirement Age in Russia

Olga G. Filatova*, Daniil V. Volkovsky

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation; *o.filatova@spbu.ru

Статья представляет результаты исследования дискурса по актуальной теме — российской пенсионной реформе. В декабре 2018 и 2019 г. были проведены два раунда исследования интернет-дискуссий на тему повышения пенсионного возраста в России. Для исследования сначала методом случайной выборки были отобраны по два города из каждой категории городов согласно Своду правил о градостроительстве, планировке и застройке городских и сельских поселений Министерства экономического развития РФ: Санкт-Петербург и Волгоград (крупнейшие), Калининград и Севастополь (крупные), Братск и Нальчик (большие), Белореченск и Снежинск (средние), Боровичи и Урюпинск (малые); к этому списку была также добавлена Москва. Далее были отобраны интернет-форумы этих городов, где велись обсуждения пенсионной реформы, содержащие не менее 100 постов. Всего было проанализировано 5405 постов, размещенных 454 участниками. Для анализа дискурса использовалась авторская методика, основанная на концепции коммуникативной этики Юргена Хабермаса. Цель исследования заключалась в том, чтобы на основе углубленного анализа контента онлайн-дискуссий выявить, оценить и апробировать основные параметры, касающиеся качества интернет-дискуссий на актуальную тему с точки зрения их делиберативности. При этом, несмотря на то, что многие теоретики делиберативной демократии выявили правила и процедуры делиберативного обсуждения, в реальности существует очень мало инструментов и примеров проведения анализа интернет-дискурса.

Первый раунд исследования позволил получить, прежде всего, данные о том, какое количество людей в процентном соотношении выступает за повышение пенсионного возраста, а какое — против. Эти данные сравнивались с результатами репрезентативного всероссийского социологического опроса на аналогичную тему, проведенного Фондом «Общественное мнение» в мае 2018 г. В итоге оказалось, что участники интернет-обсуждений менее отрицательно относятся к пенсионной реформе (табл. 1), что дает основание сделать важное заключение: граждане, участвующие в обсуждении проблемы повышения пенсионного возраста, являются более мотивированными, а возможно, и более информированными и осведомленными, чем среднестатистический участник социологического опроса. Участники интернет-дискуссий демонстрируют более взвешенную позицию, чем общий негативный настрой, выявленный в результате социологического опроса.

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

Таблица 1

Отношение к пенсионной реформе, 2018 г. (в процентах)
Table 1. Attitude towards pension reform, 2018 (percentage)

Позиция	За реформу	Против
Результаты анализа онлайн-дискуссий	10,40	89,60
Результаты опроса ФОМ	7,65	92,35

В Москве, крупнейших, крупных и малых городах уровень негативного отношения к реформе меньше среднего уровня негативного отношения (92,35%), зафиксированного в социологическом опросе (рис. 1).

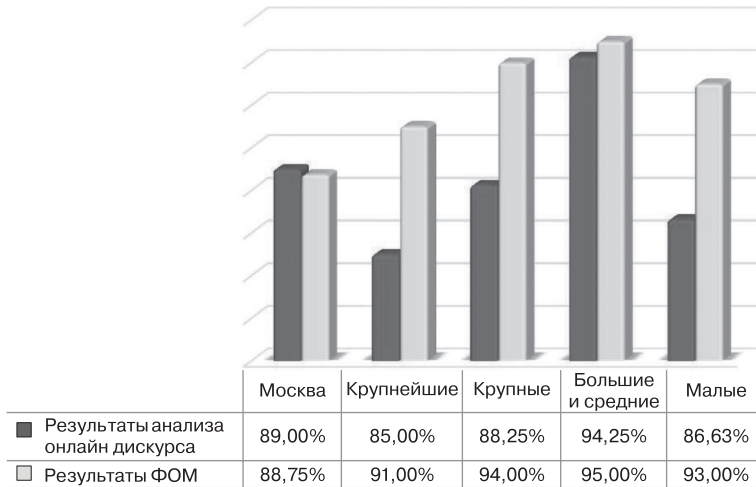

Рис. 1. Сравнение результатов исследования онлайн-дискуссий и опроса ФОМ по выявлению позиции «против», 2018 г. (в процентах)

Fig. 1. Comparison of the results of the online discussion study and the POF survey on the identification of the "against" position, 2018 (percentage)

Второй раунд исследований (декабрь 2019) позволил выявить и оценить основные параметры, касающиеся качества интернет-дискуссий о пенсионной реформе с точки зрения их делиберативности. К таким параметрам относятся активность участников дискуссий, аргументация их позиций и цивилизованность (толерантность по отношению как к участникам, так и к их позициям).

При исследовании уровня *активности* участников дискуссии выявлено неравномерное распределение долей участия граждан в обсуждениях. Было выделено пять групп: малоактивные участники (разместившие в дискуссии один пост), умеренно активные (2–3 поста), активные (4–5 постов), очень активные (6–9 постов) и гипер-активные (более 10 постов). Далее исследовалась зависимость между активностью участников и формированием их позиции в отношении пенсионной реформы, т. е. проверялась гипотеза о связи позиции «за» или «против» с количеством комментариев, оставленных интернет-пользователями. Больше всего позиций «за» зафиксировано у участников, которые выражали свое мнение либо с помощью одного комментария (17% от общего количества позиций «за»), либо с помощью 4–5, 6–9 комментариев (по 18%), либо 10 комментариев и больше (41% от общего количества позиций «за»).

Далее исследовалась зависимость между активностью участников и *аргументацией* их позиции в отношении повышения пенсионного возраста. Аргументация важна, так как она помогает увидеть «крайние позиции», т. е. позиции согласия и несогласия, выступающие, в свою очередь, демократическими формами публичного рассуждения посредством межличностной интеракции. Было выявлено, что около 70% постов (минимальное количество постов на одного пользователя — 10, максимальное — 176) принадлежит гиперактивным участникам (их доля составила 18% от всех участников), соответственно, их аргументация играет большую роль, чем аргументация остальных категорий участников, ввиду количественного показателя. Была проанализирована аргументация гиперактивных участников по следующим позициям:

- 1) субъективные выводы, анализ, умозаключения, рассуждения, обобщения, кроме заявлений без объяснений;
- 2) субъективные действия, рекомендации, предложения;
- 3) любые примеры, случаи, сравнения, события, даты, крылатые выражения;
- 4) объективные факты (повествовательные, количественные);
- 5) ссылки на политических деятелей (подразумеваются их действия);
- 6) ссылки на различные источники, включая онлайн-ресурсы, печатные медиа, радио и телевидение.

Общий процент аргументации составил около 45% от всех постов (причем некоторые посты содержали несколько типов аргументации, а отдельные содержали только один). 22% участников пытались делать выводы, обобщения и рассуждения, связанные с повышением пенсионного возраста (рис. 2). Участники интернет-дискуссий часто ссылались на политических деятелей (указывались, к примеру, Путин, Медведев, Зюганов, Грудинин, Навальный, Матвиенко, Кудрин, Собчак, Брежнев, Ельцин, Горбачев, Ленин), а также делали ссылки на различные информационные ресурсы в сети Интернет (около 95% составили онлайн-источники, среди которых социальные сети (преимущественно Facebook, Twitter, VKontakte и YouTube), онлайн-медиа (в основном статьи и высказывания политических деятелей), сайты политических партий (Единая Россия, КПРФ) и отдельных политиков (Навальный), статистические онлайн-ресурсы, нормативно-правовые документы; ТВ и печатные СМИ упоминались крайне редко.

Рис. 2. Соотношение типов аргументации на основе анализа всей аргументации в онлайн-дискуссиях за 2018–2019 гг. (в процентах от общего количества)

Fig. 2. Ratio of argument types based on analysis of all argument in online discussions for 2018–2019 (as a percentage of total)

Отдельно был проанализирован уровень аргументации гиперактивных участников онлайн-дискуссий в разных по численности российских городах (табл. 2).

Таблица 2

Уровни аргументации гиперактивных участников на онлайн-платформах разных по численности российских городов

Table 2. Levels of argument of hyperactive participants on online platforms of different number of Russian cities

Показатели и уровни аргументации	Тип городов				
	Крупнейшие	Крупные	Большие	Средние	Малые
Число гиперактивных участников (чел.)	12	9	15	24	20
Факты, цифровые данные, примеры, случаи, упоминания политиков (%)	17,8	9,4	24,2	20,7	36,0
Выводы, обобщения, рекомендации (%)	7,7	6,8	13,8	9,0	32,2
Ссылки на онлайн- и офлайн-источники (%)	7,0	1,1	9,7	12,4	8,2
Общий % всех видов аргументации	32,5	17,3	47,7	42,1	76,4

Данные получились неоднозначными. Например, большие (47,7%) и малые (76,4%) города имеют проценты выше среднего (44,7%), в то время как проценты крупнейших (32,5%), крупных (17,3%) и средних (42,1%) городов ниже. Самый высокий уровень аргументации зафиксирован в малых городах, что, возможно, объясняется относительно большим количеством гиперактивных участников, которые вели дискуссию по пенсионному вопросу (доминирующей формой аргументации выступали факты и цифровые показатели).

Другую картину можно заметить в крупных городах. Прежде всего бросается в глаза, что количество участников там было самым низким, но, видимо, не это послужило причиной низкого показателя аргументации. Дело в том, что в Калининграде (один из двух крупных проанализированных городов) оказался самым высоким из всех уровень интерактивности (83%). Под интерактивностью в исследовании понималось взаимодействие участников, которые отвечают не только на предыдущее сообщение, но и на многие сообщения пользователей в том числе. Участники интернет-дискуссии в Калининграде направляли свои силы и мысли не на обсуждение пенсионного вопроса, а на выяснения личных отношений. Дискуссии между этими участниками наполнены негативом, оскорблениями и руганью, что, безусловно, значительно повлияло на уровень аргументации — она заменялась выражением эмоций. Вместо конструктивного диалога, подразумевающего качественную аргументацию, мы столкнулись с эмоциональностью и явной невежливостью участников дискуссии.

Вежливость, или цивилизность (civility) используется для характеристики качественного характера онлайн-дискуссии и связана с демонстрацией толерантного отношения к участникам дискуссии. В целом данные о ней не так просто интерпретировать. Цивилизность, зафиксированная в делиберациях на тему пенсионной реформы, анализировалась с трех позиций:

1. Интерперсональный характер постов: посты прямо адресованы другим участникам с упоминанием имени или личных обращений:
 - (а) посты не касаются проблематик, т. е. они исключительно имеют персонализированный характер (эта категория включает только фразы или предложения

- с указанием на межличностные характеристики и любые другие коммуникации, нейтральные в том числе);
- (b) посты явно грубые и оскорбительные по отношению к человеку, национальности, религии, идеологии и т. д. (отличать от иронии, юмора, сарказма);
 - (c) посты явно вежливые и уважительные по отношению к человеку (могут содержать иронию, юмор, сарказм в позитивном аспекте).
2. Посты не включают явного упоминания имени участника, могут быть прямо или косвенно адресованы определенной персоне, кому-то иному или всем людям:
 - (d) посты содержат грубые, оскорбительные выражения, лексику (ирония, юмор и сарказм исключены из этой категории);
 - (e) посты явно вежливы и уважительны (включают намеренную вежливость, иронию, юмор, сарказм неоскорбительного характера).
 3. Посты прямым или косвенным образом посвящены пенсионной реформе:
 - (f) посты касаются темы, но грубые по отношению к человеку;
 - (g) посты по теме, но грубы, безличны.

Общий процент civility всех проанализированных дискуссий составил немногим больше 50% от всех постов (некоторые посты содержали несколько типов civility, некоторые — только один). «Тематически пустые» посты (без прямого или косвенного упоминания пенсионной реформы) составили наибольшее число вежливых постов — 42% (рис. 3). Меньше всего было постов по теме, но при этом грубых по отношению к человеку (4%).

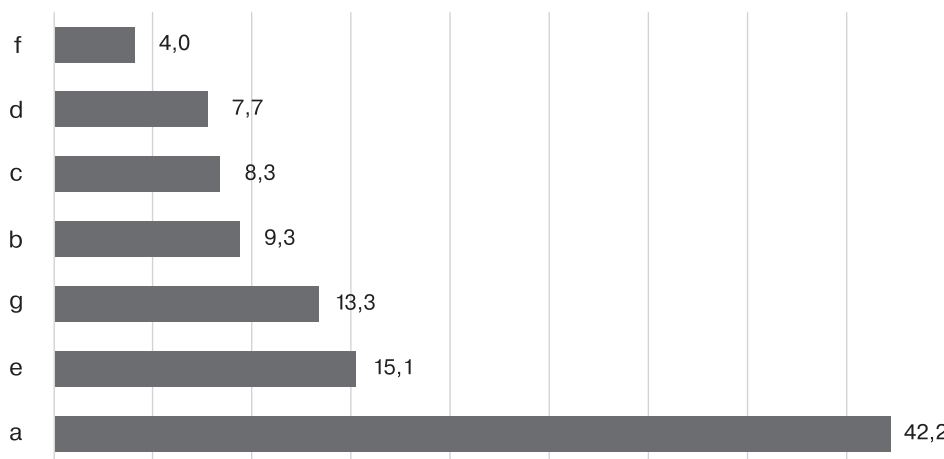

Рис. 3. Разделение постов по типам civility на основе анализа civility всех дискуссий за 2018–2019 гг. (в процентах от общего количества)

Fig. 3. Division of posts by types of civility based on analysis of civility of all discussions for 2018–2019 (as a percentage of total quantity)

При анализе уровня вежливости дискуссий также использовалась классификация городов (табл. 3). Самый высокий уровень civility дискуссий зафиксирован в крупнейших городах (78,94%). Крупные и малые города имели почти одинаковые показатели (73,53% и 76,4% соответственно). Самые низкие показатели уровней civility у больших и средних городов (34,12% и 26,87% соответственно). Причины этого можно попытаться понять, сравнив данные по civility с данными по аргументации:

1. Большие и средние города. Заметно, что уровни аргументации больших (47,7%) и средних (42,1%) городов очень близки среднему показателю (44,7%). Про-

центное содержание их уровней civильности было почти в полтора раза меньше процентного содержания уровней аргументации.

2. Города, где были отмечены низкие уровни аргументации: крупнейшие (32,5%) и крупные (17,3%). Можно предположить, что из-за недостатка хорошего качества аргументов уровни civильности на форумах этих городов были выше среднего. Поэтому необходимо проверить гипотезу о взаимозависимости аргументации и civильности: чем ниже уровень аргументации, тем выше уровень civильности и наоборот. Но есть некоторые моменты, которые нельзя исключать. Например, качество и интенсивность аргументов в постах, процент постов межличностного характера, не касающихся темы дискуссии.
3. Двойственная ситуация: в крупнейших и крупных городах высокие уровни civильности, в то время как их уровни аргументации одни из самых низких. Проценты постов, которые были прямо адресованы другим участникам (упоминались имена), на форумах этих городов были высоки (крупнейшие — 63,5% из 78,94%, крупные — 48,68% из 73,53%). Эти данные значительно влияют на общие показатели civильности и аргументации. Например, если сравнить их с данными малых городов, где были зафиксированы одинаково высокие уровни аргументации (76,4%) и civильности (76,4%), тенденция отличается. Процент интерперсональных постов без упоминания темы составил 49,86%, но участники на форумах малых городов создавали больше постов, содержащих несколько типов аргументации одновременно. Это может быть причиной, частично объясняющей такой высокий показатель civильности на интернет-площадках малых городов. Количество постов с аргументацией было не огромным, но интенсивность аргументов была высока в обсуждениях на онлайн-платформах малых городов.

Таблица 3

**Уровни civильности всех участников
на онлайн-площадках разных по численности российских городов
(в процентах от общего количества постов)**

Table 3. Levels of civility of all participants on online sites of different number of Russian cities (as a percentage of the total number of posts)

Уровень civильности постов	Тип городов				
	Крупнейшие	Крупные	Большие	Средние	Малые
Интерперсональный характер постов: посты прямо адресованы другим участником с упоминанием имени или личных обращений	63,5	48,7	10,8	4,9	49,9
Посты не включают явного упоминания имени участника, могут быть прямо или косвенно адресованы определенной персоне, кому-то иному или всем людям	8,0	15,6	14,3	10,2	10,2
Посты прямым или косвенным образом посвящены пенсионной реформе	7,4	9,2	11,7	11,7	2,7
Все типы civильности	78,9	73,5	34,1	26,9	76,4

Таким образом, уровень аргументации частично зависит от цивилизности дискуссии и ее характеристик. Можно утверждать, что аргументация и цивилизность — первостепенные дискурсивные параметры (аргументация — самая значимая часть в обсуждениях), поскольку они могут выступать катализаторами или ингибиторами интерактивности, партисипативной активности и т. п. Поэтому аргументация и цивилизность — качественные параметры, которые могут оказывать колоссальный позитивный или негативный эффект на дискурс и его направленность, в то время как интерактивность — количественный и зависимый параметр, поскольку ее уровень детерминируется числовыми показателями уровней аргументации, цивилизности, в свою очередь объясняющими, почему на том или ином форуме такой высокий или низкий уровень дискурсивного взаимодействия между участниками. Выявление таких параметров позволяет формулировать суть мнений (выявлять их множественность и неоднозначность) участников дискурса в отношении не только пенсионной реформы, но и других социально-политических проблем.

Об авторах:

Филатова Ольга Георгиевна, доцент Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; o.filatova@spbu.ru

Волковский Даниил Валентинович, магистрант Института «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); daniil.volkovskii@yandex.ru

About the authors:

Olga G. Filatova, Associate Professor of the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in philosophy, Associate professor; o.filatova@spbu.ru

Daniil V. Volkovsky, Master degree student of the Institute “Higher School of Journalism and Mass Communications” of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation); daniil.volkovskii@yandex.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в области государственного и муниципального управления, руководителям органов государственной власти и бизнес-структур, ученым, преподавателям, аспирантам.

Журнал «Управленческое консультирование» входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим группам научных специальностей: 23.00.00. Политология; 08.00.00. Экономические науки.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации для публикации статей по экономическим наукам.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory". Журнал включен в индексацию международных баз данных научных публикаций ERIH PLUS и EBSCO. Публикации журнала размещаются в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование.

На сайте журнала <https://www.acjournal.ru> предусмотрена возможность представить рукопись статьи через «Электронную редакцию».

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию:

- ♦ электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами.
- ♦ Заполненное и подписанное «Обязательство автора(-ов)», образец которого размещен на сайте журнала: <https://www.acjournal.ru>

Оригинальность статьи должна быть не менее 85%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах), (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

СТРУКТУРА РУКОПИСИ

Статья должна быть структурирована. Наиболее распространенная модель структуры научных статей — IMRAD — аббревиатура от «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение» (англ. introduction, methods, results and discussion). В конце статьи следует Заключение (Conclusion). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis

(Теоретические основы). Каждая часть должна быть выделена в основном тексте отдельно.

Рукопись статьи должна содержать *реферат* (аннотацию) и ключевые слова. Статьи без *реферата* (на русском и английском языках) не рассматриваются. *Реферат* не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В *реферате* обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта). Ключевых слов может быть от 4 до 7, обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов. В состав ключевых слов не рекомендуется включать слова, содержащиеся в названиях статьи.

Введение (*Introduction*)

Введение должно определять суть проблемы, указывать цель исследования и представлять его гипотезу и научный подход, обосновывать важность исследования. В этой части уместны ссылки на уже известные выводы и опубликованную литературу по данной проблеме.

Материалы и методы (*Materials and Methods*)

Цель данной части — провести оценку надежности используемых методов и их влияние на результаты. Здесь приводятся план и последовательность процесса исследований, протоколы эксперимента, используемые материалы, предметы, оборудование, готовые статистические данные, программное обеспечение и т. д.; а также методика оценки результатов. Если ключевым моментом в работе является методология эксперимента, необходимо описать ее процессы в деталях.

Результаты (*Results*)

Эта часть представляет результаты исследования в четкой логической последовательности, без интерпретаций результатов. Именно здесь чаще всего используются таблицы, рисунки и графики. Следует избегать повторения данных в таблицах и графиках (в случае их наличия), такие данные следует только прокомментировать с точки зрения трендов или наиболее важных моментов.

Обсуждение (*Discussion*)

Обсуждение должно быть сфокусировано на интерпретации результатов исследования и других связанных с ним материалов. Подчеркните новые и важные наблюдения. Объясните значение наблюдаемого мнения для цели исследования. Свяжите результаты с предлагаемой гипотезой. Любые неожиданные результаты или наблюдения; которые имели место, могут быть объяснены именно здесь.

Эта часть завершается детальным заключением (выделяется отдельно). Следует обобщить результат и его значение, описать последствия и практическое применение исследования, дать возможные рекомендации.

Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

При написании статьи необходимо избегать личных местоимений, в том числе научного «мы». Это же касается ссылок: при ссылках на собственные работы стоит избегать предложений типа «как показано в нашей работе». В первую очередь, это требование анонимности.

Выводы (Conclusions)

Подведение итогов исследования — получилось ли достичь цели и доказать определенную гипотезу? Какое значение имеют полученные результаты? Как можно применить их на практике?

Список литературы (References)

Список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

В списке литературы должно быть не менее 25 источников, и в тексте статьи все они должны быть процитированы. Рекомендуется наличие не менее 10 иностранных источников, из них не менее 5 источников, индексируемых в базе данных Scopus. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод.

В тексте дается ссылка в квадратных скобках — например, [7, с. 625].

Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

ОФОРМЛЕНИЕ ТАБЛИЦ, РИСУНКОВ, СХЕМ И ФОРМУЛ

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Заведующий кафедрой _____

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

♦ монографии:

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

♦ статьи в научных сборниках:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

♦ публикации в многотомных изданиях:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

♦ статьи в научных журналах:

1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. Шамахов В. А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ архивные документы (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ электронные ресурсы оформляются следующим образом:

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2020. № 5(137)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ
д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 09.06.2020.
Подписано к печати 15.05.2020.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,16. Тираж 200 экз.
Заказ № 5/20.

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка С. И. ШИРОКОЙ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по каталогу Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром

Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97